

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
7 апреля 2021 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1 (2021)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. Согласно п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, в том числе обоснование вывода о признании в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, особо активной роли осужденного в совершении преступления.

Материалами дела установлено, что потерпевший Ц., будучи оперуполномоченным отдела уголовного розыска, проводил проверку в отношении Ж. и С., которые подозревались в причастности к совершению хищения чужого имущества. Встретившись с Ж. и С., потерпевший Ц. уведомил Ж. о необходимости его явки в отдел полиции для дачи объяснений. Во избежание уголовной ответственности за ранее совершенные преступления, Ж. и С. решили убить Ц.

С целью осуществления преступного умысла они избили потерпевшего, после этого С. дал указание Ж. совершить убийство Ц. Действуя согласно имевшейся с ним договоренности, Ж. металлическим фрагментом от забора нанес Ц. три удара по голове, а затем утопил последнего в реке.

По приговору суда первой инстанции (с учетом последующих изменений) Ж. осужден в том числе по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 16 лет лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Ж. назначено окончательное наказание 19 лет 9 месяцев лишения свободы.

По делу также осужден С. по чч. 4 и 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 105 и другим статьям УК РФ.

Осужденный Ж. в надзорной жалобе просил исключить из приговора указание о признании его особо активной роли в совершении убийства Ц. отягчающим наказанием обстоятельством.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст. 67 УК РФ при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда.

Согласно п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание, может быть признана особо активная роль в совершении преступления.

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора в соответствии с п. 4 ст. 307 УПК РФ должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания.

По данному делу обстоятельством, отягчающим наказание осужденного Ж., судом признана его особо активная роль в убийстве потерпевшего. Однако в нарушение требований уголовно-процессуального закона суд не привел мотивов, подтверждающих вывод о его особо активной роли в совершении этого преступления.

В приговоре подробно изложены действия осужденного Ж. как исполнителя преступления – убийства Ц. и роль осужденного С. как соучастника этого преступления.

Характер и степень фактического участия осужденных установлены судом в описательно-мотивировочной части приговора на основании исследованных доказательств, в соответствии с установленными обстоятельствами дана соответствующая квалификация их действий, Ж. по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, С. – по чч. 4 и 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Из приговора следует, что судом при назначении наказания учтены характер и степень общественной опасности совершенного преступления, роль осужденного Ж. как исполнителя преступления.

В чем выразалась особо активная роль Ж., кроме того, что он был исполнителем преступления, в приговоре не отражено.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и последующие судебные решения, исключил указание на обстоятельство, отягчающее наказание Ж., – особо активную роль в совершении убийства – и смягчил наказание по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 15 лет 11 месяцев лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначил Ж. наказание в виде лишения свободы сроком на 19 лет 8 месяцев.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 101-П20*

**СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ**

*Разрешение споров, связанных с защитой права собственности
и других вещных прав*

2. Статья 252 ГК РФ не предусматривает безусловной обязанности участников долевой собственности на выкуп доли выделяющегося сособственника в общем имуществе.

М. обратился в суд с иском к Н. и М.Н. о взыскании компенсации за не подлежащие выделению в натуре доли в праве долевой собственности на жилые помещения. В обоснование заявленных требований указал на то, что в трехкомнатной квартире ему принадлежат $\frac{2}{9}$ доли в праве общей долевой собственности на две комнаты общей площадью 41,4 кв.м и $\frac{1}{3}$ доли в комнате площадью 14 кв.м, Н. (сестре) – $\frac{2}{3}$ доли в праве на комнату площадью 14,0 кв.м и $\frac{4}{9}$ доли в праве на две комнаты, а М.Н. (племяннику) – $\frac{1}{3}$ доли в праве на две комнаты в указанной квартире. Произвести реальный раздел квартиры и выдел его долей невозможно, с ответчиками сложились конфликтные отношения. Поскольку во внесудебном порядке соглашение между сторонами о разделе спорной квартиры не достигнуто, кадастровая стоимость комнаты площадью 14 кв.м составляет 474 553,80 руб., а двух комнат общей площадью 41,4 кв.м – 1 403 323,38 руб., истец просил суд взыскать с ответчиков в его пользу компенсацию стоимости $\frac{2}{9}$ доли в праве собственности на две комнаты общей площадью 41,1 кв.м в размере 155 924,82 руб. с каждого; после получения им компенсации в общей сумме 311 849, 64 руб. прекратить его право общей долевой собственности на указанные комнаты; признать за Н. и М.Н. право собственности на $\frac{1}{9}$ доли в праве за каждым; взыскать с Н. в его пользу компенсацию $\frac{1}{3}$ доли в праве собственности на комнату площадью 14,0 кв.м в данной квартире в размере 158 184,60 руб. и после получения им компенсации прекратить его право собственности на $\frac{1}{3}$ доли в праве, признав за Н. право собственности на эту долю; взыскать с каждого из ответчиков в пользу М. расходы по оплате государственной пошлины.

Ответчики требования не признали. В обоснование возражений Н. указала, что материальной возможности приобретения доли истца ответчики не имеют, она является пенсионером, иного дохода и сбережений не имеет. Доля истца в спорной квартире не является незначительной. По мнению Н., заявленный истцом к взысканию размер стоимости доли не соответствует действительной рыночной стоимости. Истец был вселен в спорную квартиру решением суда, вступившим в законную силу, и имеет возможность проживания и пользования этим имуществом, самостоятельно нести расходы по его оплате, а также распоряжаться своей долей путем ее продажи третьим лицам.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст. 209, 247 и 252 ГК РФ, исходил из того, что в спорном случае отсутствует совокупность всех условий, при наличии которых в отсутствие согласия собственника можно обязать остальных участников долевой собственности выплатить ему компенсацию стоимости его доли. Суд указал на то, что ответчики согласия на принятие доли истца в собственность не выразили, достаточных денежных средств для ее приобретения не имеют, доля истца в спорной квартире не является незначительной.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении исковых требований о взыскании компенсации за причитающуюся истцу долю в праве собственности на спорную квартиру, суд апелляционной инстанции, с которым согласился кассационный суд общей юрисдикции, исходил из того, что выдел доли, принадлежащей истцу, невозможен. Совокупность условий, предусмотренных п. 4 ст. 252 ГК РФ, на которые указал суд первой инстанции, должна быть установлена лишь в случае, когда требование о выплате денежной компенсации заявляется теми участниками долевой собственности, которые имеют намерение прекратить право собственности другого участника долевой собственности, а в данном же случае разрешался иной спор.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судов апелляционной и кассационной инстанций не согласилась ввиду следующего.

В силу п. 2 ст. 209 ГК РФ собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

На основании п. 1 ст. 247 ГК РФ владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом.

Участник долевой собственности имеет право на предоставление в его владение и пользование части общего имущества, соразмерной его доле, а при невозможности этого вправе требовать от других участников, владеющих и пользующихся имуществом, приходящимся на его долю, соответствующей компенсации (п. 2).

При недостижении участниками долевой собственности соглашения о способе и об условиях раздела общего имущества или выдела доли одного из них участник долевой собственности вправе в судебном порядке требовать выдела в натуре своей доли из общего имущества. Если выдел доли в натуре

невозможен, выделяющийся собственник имеет право на выплату ему стоимости его доли другими участниками долевой собственности (п. 3 ст. 252 ГК РФ).

По смыслу вышеприведенных норм гражданского законодательства сособственник в случае отсутствия соглашения между всеми участниками долевой собственности об использовании имущества и в условиях невозможности выделения ему его доли в натуре вправе требовать от других участников выплаты ему денежной компенсации.

Пункт 3 ст. 252 ГК РФ, действующий во взаимосвязи с иными положениями данной статьи, направлен на реализацию конституционной гарантии иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, на обеспечение необходимого баланса интересов участников долевой собственности, а также на предоставление гарантий судебной защиты их прав (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2009 г. № 167-О-О, от 16 июля 2009 г. № 685-О-О, от 16 июля 2013 г. № 1202-О и № 1203-О); если же соглашение между всеми участниками долевой собственности о выделе доли имущества одному (или нескольким) из них не достигнуто, суд решает данный вопрос в каждом конкретном случае на основании исследования и оценки совокупности представленных сторонами доказательств (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № 242-О-О, от 15 января 2015 г. № 50-О).

Данные нормы закона в совокупности с положениями ст. 1 и 9 ГК РФ, определяющими, что гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых отношений, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, требуют при разрешении споров о возложении на иных участников долевой собственности обязанности по выплате одному из них денежной компенсации исходить из необходимости соблюдения баланса интересов всех сособственников.

При этом право выделяющегося собственника на выплату ему стоимости его доли может быть реализовано лишь при установлении судом всех юридически значимых обстоятельств, к которым относятся установление незначительности доли выделяющегося собственника, возможности пользования им спорным имуществом, исследование возражений других участников долевой собственности относительно принятия ими в свою собственность доли выделяющегося собственника, в том числе установление, имеют ли они на это материальную возможность. В противном случае искажаются содержание и смысл ст. 252 ГК РФ, призванной обеспечить соблюдение необходимого баланса интересов всех участников долевой собственности.

Таким образом, положения ст. 252 ГК РФ не предусматривают обязанности других участников долевой собственности безусловного

(принудительного) приобретения доли в праве собственности на имущество выделяющегося собственника.

Как установлено судом первой инстанции, истец был вселен в квартиру на основании решения суда; ответчики возражали против принятия в свою собственность доли, принадлежащей М., ссылаясь на то, что она не является незначительной и имеет высокую стоимость в соотношении с их материальным положением. Н. является пенсионером по возрасту, иного, кроме пенсии, дохода и сбережений не имеет. Ответчики не возражали против пользования истцом его доли в квартире либо продажи принадлежащей ему доли третьим лицам.

Оценив указанные обстоятельства, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения исковых требований.

Между тем выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что вышеуказанные обстоятельства не являются юридически значимыми по делу, и в связи с этим о наличии оснований для передачи доли истца в собственность ответчиков и взыскания с последних денежной компенсации ее стоимости помимо их воли основаны на неправильном применении вышеназванных норм материального права, ввиду чего оснований для отмены решения суда первой инстанции по мотивам, указанным в обжалуемых судебных постановлениях, не имелось.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 56-КГ20-10-К9

***Разрешение споров, возникающих из
обязательственных отношений***

3. Заключение заемщиком вместо договора страхования жизни и здоровья, заключенного одновременно с кредитным договором, нового договора страхования с другой страховой компанией, но на условиях, соответствующих требованиям кредитного договора о страховании жизни и здоровья заемщика, не является основанием для увеличения банком процентной ставки по кредиту.

В. обратился в суд с иском к банку о признании незаконными действий по изменению в одностороннем порядке существенных условий кредитного договора в части увеличения процентной ставки с 11,9 % до 17,9 % годовых, возложении обязанности произвести перерасчет платежей по кредитному договору с учетом применения процентной ставки в размере 11,9 % годовых, взыскании излишне уплаченных процентов, штрафа за неудовлетворение в

добровольном порядке требований потребителя и компенсации морального вреда.

В соответствии с п. 4 индивидуальных условий договора потребительского кредита, заключенного 18 апреля 2019 г. между В. и банком, процентная ставка составляет 11,9 % годовых при заключении заемщиком одновременно с кредитным договором договора страхования жизни и здоровья. При расторжении договора страхования либо при непредставлении в банк договора страхования и документов, подтверждающих оплату страховой премии, процентная ставка составляет 17,9 % годовых.

В этот же день В. заключил со страховой компанией договор добровольного страхования граждан от несчастных случаев и болезней со сроком страхования с 19 апреля 2019 г. по 1 июня 2022 г.

24 апреля 2019 г. В. на более выгодных для него условиях заключил договор страхования с другой страховой компанией, также указав в качестве выгодоприобретателя банк. По данному договору установлен срок действия страхования с 25 апреля 2019 г. по 24 апреля 2020 г.

Сочтя действия заемщика нарушением условия о заключении договора страхования, банк увеличил процентную ставку по кредиту до 17,9 % годовых.

Отказывая в удовлетворении исковых требований В., суд первой инстанции исходил из того, что увеличение процентной ставки по кредитному договору произведено банком в рамках достигнутого между сторонами соглашения по условиям кредитования и связано с неисполнением истцом обязанности по страхованию жизни и здоровья.

С такими выводами согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции, дополнительно указав, что новый договор страхования жизни и здоровья, заключенный заемщиком с другой страховой компанией, не соответствует требованиям банка в части одновременности заключения договора страхования с кредитным договором.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм права, указав следующее.

Из содержания чч. 1, 3, 7, 9 и 10 ст. 5, чч. 1 и 6 ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (в редакции, действовавшей на момент заключения кредитного договора, далее – Закон о потребительском кредите) следует, что между сторонами может быть достигнуто соглашение о необходимости заключения заемщиком договора страхования, требуемого для заключения или исполнения договора потребительского кредита, которое подлежит включению в индивидуальные условия потребительского кредита.

При этом в силу положений ч. 10 ст. 7 Закона о потребительском кредите кредитор обязан предоставить заемщику потребительский кредит (заем) на тех же (сумма, срок возврата потребительского кредита (займа) и

процентная ставка) условиях в случае, если заемщик самостоятельно застраховал свою жизнь, здоровье или иной страховой интерес в пользу кредитора у страховщика, соответствующего критериям, установленным кредитором в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации.

Однако суд не установил, предусматривает ли кредитный договор в течение периода своего действия возможность замены страховой компании, насколько данное условие согласуется с положениями Закона о потребительском кредите, не ограничивают ли эти условия свободу договора, гарантированную гражданским законодательством всем участникам гражданского оборота.

Суд также не проверил, была ли у истца возможность выбрать другую страховую компанию и была ли доведена до его сведения информация о требованиях, предъявляемых банком к страховым компаниям.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 49-КГ20-18-К6

4. Условие договора банковского счета о совершении банком за повышенную плату операции с денежными средствами клиента, являющейся сомнительной в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, противоречит существу законодательного регулирования и является ничтожным.

Осуществление кредитной организацией публичной функции контроля не может использоваться в частноправовых отношениях в качестве способа извлечения выгоды в виде повышенной платы за совершение такого рода операций.

С. обратился в суд с иском к банку о взыскании денежных средств, удержанных ответчиком в качестве повышенной комиссии за совершение операции по счету клиента, являющейся, по мнению банка, сомнительной, и о взыскании процентов за пользование банком этими денежными средствами. Данное требование передано истцу по договору цессии клиентом банка К., со счета которого банком удержана указанная комиссия.

Судом установлено, что между К. и банком заключен договор банковского счета, согласно которому на имя клиента открыт текущий счет в российских рублях для осуществления расчетно-кассового обслуживания, не связанного с осуществлением клиентом предпринимательской деятельности, в соответствии с законодательством Российской Федерации, условиями договора, а также действующими на день проведения операций по счету тарифами банка.

Согласно тарифам комиссионного вознаграждения за услуги банка по расчетно-кассовому обслуживанию за перевод денежных средств по поручению физического лица взимается комиссия в размере 1% от суммы, не менее 100 руб. и не более 1500 руб.

Примечанием к указанным тарифам предусмотрено, что при выявлении обстоятельств, дающих основание полагать, что операции по счету клиента несут репутационный риск для банка, банк имеет право в одностороннем порядке установить тариф за совершение любых операций (кроме платежей в бюджет) в размере 10% от суммы операции.

С расчетного счета банка на счет К. в банке были зачислены денежные средства в размере 5 003 271 руб. по договору купли-продажи.

В связи с выявлением банком обстоятельств, дающих основание полагать, что операции по счету клиента несут репутационный риск для банка, банк уведомил истца об установлении комиссии за совершение всех приходных и расходных операций (кроме платежей в бюджет) в размере 15% от суммы операции.

По причине репутационного риска банком отказано клиенту К. в совершении каких-либо операций по его счету за исключением возврата денежных средств в банк плательщика с одновременным повышением комиссии за операцию по переводу денежных средств по поручению физического лица с 1% до 10% от суммы проведения операции.

Банком произведено списание комиссии в размере 500 327 руб. за операцию по возврату денежных средств по указанному договору купли-продажи в связи с закрытием счета.

Списание комиссии в размере 10%, а не 1% К. считал неправомерным. По договору он уступил истцу право требования возврата излишне списанной банком комиссии в размере 498 827 руб., а также процентов за пользование чужими денежными средствами и потребительского штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя в размере 50% от взысканной судом суммы.

С. известил банк об уступке ему права требования и предложил возвратить неправомерно списанную комиссию.

Денежные средства в добровольном порядке истцу не выплачены.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, исходил из того, что действия банка основаны на положениях ст. 848 ГК РФ, Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ) и соответствуют условиям договора банковского счета, заключенного между К. и банком, условиям договора комплексного обслуживания юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц в банке, а также примечанию к тарифам

комиссионного вознаграждения за услуги по расчетно-кассовому обслуживанию.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 848 ГК РФ банк обязан совершать для клиента операции, предусмотренные для счетов данного вида законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями, если договором банковского счета не предусмотрено иное.

Согласно тарифам банка за перевод денежных средств по поручению физического лица взимается комиссия в размере 1% от суммы, а при выявлении обстоятельств, дающих основание полагать, что операции по счету клиента несут репутационный риск для банка, банк имеет право в одностороннем порядке установить тариф за совершение любых операций (кроме платежей в бюджет) в размере 10% от суммы операции.

Суды, соглашаясь с позицией банка о законности применения тарифа, предусмотренного примечанием к тарифам, исходили из письма банка К. и возражений на иск, согласно которым банк пришел к выводу, что обслуживание банковского счета указанного клиента влечет репутационный риск для банка из-за перечисления на счет К. денежных средств по договору купли-продажи, являющемуся сомнительной операцией.

Однако судами не дана оценка действительности примененного ими договорного условия, изложенного в примечании к тарифам.

В силу требований Федерального закона № 115-ФЗ (ст. 1, пп. 1, 2, 10 и 11 ст. 7, ст. 8) банк вправе с соблюдением правил внутреннего контроля относить сделки клиентов к сомнительным, что влечет определенные последствия, а именно приостановление соответствующей операции или отказ в выполнении распоряжения клиента о совершении операции, за исключением операций по зачислению денежных средств. При этом право банка взимать комиссию за совершение расчетно-кассовых операций в повышенном размере в целях борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем, в случае отнесения сделки клиента к сомнительным данным федеральным законом не предусмотрено.

Осуществление банком функций контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма производится в публичных интересах, во исполнение обязанностей, возложенных федеральным законом и принятыми в соответствии с ним нормативными актами, а не на основании договора с клиентом.

Осуществление кредитной организацией указанной выше публичной функции не может использоваться в частноправовых отношениях в качестве способа извлечения выгоды за счет клиента в виде повышенной платы за

совершение операций с денежными средствами, которые кредитной организацией признаны сомнительными, поскольку это противоречит существу правового регулирования данных отношений и не предусмотрено ни Федеральным законом № 115-ФЗ, ни иными нормативными актами.

Федеральный закон № 115-ФЗ, устанавливая специальные правовые последствия выявления кредитными организациями сомнительных операций в случае непредставления клиентами документов в их обоснование, не содержит норм, позволяющих кредитным организациям в качестве меры противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, устанавливать специальное комиссионное вознаграждение.

В связи с этим возложение на клиента банка расходов по проведению данного контроля, в том числе путем установления специального тарифа при осуществлении банковских операций в зависимости от того, являются или не являются они следствием такого контроля, недопустимо.

В соответствии с пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Статьей 168 ГК РФ предусмотрено, что, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 этой статьи или иным законом, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 1).

Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 2).

В п. 74 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность.

Это судебными инстанциями учтено не было.

Определение № 5-КГ20-54-К2

5. Основанием для обращения взыскания на заложенное имущество является факт неисполнения или ненадлежащего исполнения обеспеченного залогом обязательства. Взыскание основного долга в судебном порядке обязательным условием для обращения взыскания на заложенное имущество не является.

Г. обратился в суд к М.Ф. и М.В. с иском об обращении взыскания на заложенное имущество, в обоснование которого указал, что 22 марта 2017 г. между ним как кредитором и компанией как должником в лице генерального директора этой компании М.Ф. заключено мировое соглашение о том, что на дату его подписания у должника перед кредитором имеется задолженность в размере 455 230 долларов США (26 371 473,90 руб. по курсу ЦБ РФ на 20 марта 2017 г.).

В обеспечение исполнения обязательства должника между истцом как кредитором и М.Ф., М.В. как залогодателями заключены договоры залога принадлежащего залогодателям на праве общей долевой собственности имущества в виде жилого дома и земельного участка.

В установленный мировым соглашением срок обязательства должником не исполнены.

Отказывая в иске, суд первой инстанции сослался на то, что обращение взыскания на предмет залога возможно лишь при наличии оснований для ответственности должника по основному обязательству, а доказательств удовлетворения требований истца по мировому соглашению не имеется.

С выводами суда и их обоснованием согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, указав, что требования об обращении взыскания на предмет залога не могут быть удовлетворены до удовлетворения требований о взыскании долга по основному обязательству.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, отменила обжалуемые судебные постановления и направила дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 334 ГК РФ в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя).

В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, требование залогодержателя может быть удовлетворено путем передачи предмета залога залогодержателю (оставления у залогодержателя).

В силу пп. 1 и 2 ст. 348 названного кодекса взыскание на заложенное имущество для удовлетворения требований залогодержателя может быть

обращено в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства.

Обращение взыскания на заложенное имущество не допускается, если допущенное должником нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя вследствие этого явно несоразмерен стоимости заложенного имущества. Если не доказано иное, предполагается, что нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя явно несоразмерен стоимости заложенного имущества при условии, что одновременно соблюдены следующие условия: 1) сумма неисполненного обязательства составляет менее чем пять процентов от размера стоимости заложенного имущества; 2) период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет менее чем три месяца.

Приведенные нормы закона не предусматривают в качестве обязательного условия обращения взыскания на заложенное имущество взыскание в судебном порядке долга по основному обязательству, равно как и не содержат запрета на обращение взыскания на предмет залога до удовлетворения требований о взыскании долга по основному обязательству.

По общему правилу, залогодержатель приобретает право обратиться взыскание на предмет залога при установлении факта неисполнения должником обязательства, обеспеченного залогом, с учетом суммы долга и периода просрочки обязательства. Указанные обстоятельства могут быть установлены судом и при разрешении иска об обращении взыскания на заложенное имущество с соблюдением общих требований о распределении обязанности по доказыванию этих обстоятельств.

Наличие обязательства, обеспеченного залогом имущества ответчиков, и факт его неисполнения в установленный соглашением срок ответчиком не оспорены и судебными инстанциями под сомнение не поставлены.

При таких обстоятельствах отказ в обращении взыскания на заложенное имущество Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконным.

Определение № 4-КГ20-22-К1

Разрешение споров о признании сделок недействительными

6. Для признания сделки недействительной на основании ст. 10 и 168 ГК РФ, а также для признания сделки мнимой на основании ст. 170 этого же кодекса необходимо установить, что сторона сделки действовала недобросовестно, в обход закона и не имела намерения совершить сделку в действительности.

Общество в лице конкурсного управляющего обратилось в суд с иском к Х., З. и Ш. о признании недействительным заключенного между ними

договора купли-продажи от 13 февраля 2018 г., по которому Х. продал З. и Ш. в равную долевую собственность нежилое помещение.

При этом Х. является аффилированным лицом по отношению к обществу как единственный учредитель и директор этого общества.

Решением арбитражного суда от 12 июля 2017 г. общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении его открыто конкурсное производство.

Собранием кредиторов общества 20 июля 2018 г. принято решение об обращении в арбитражный суд с заявлением о привлечении Х. к субсидиарной ответственности.

Ссылаясь на положения ст. 10 и 168, а также ст. 170 ГК РФ, истец указывал, что договор купли-продажи является мнимым, поскольку стороны не имели намерений его исполнять, а также совершен в целях избежать обращения взыскания на это имущество при исполнении требований общества к Х.

Истец также просил применить последствия недействительности сделки, вернув стороны в первоначальное положение.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции указал, что на дату заключения договора купли-продажи от 13 февраля 2018 г. спорное нежилое помещение принадлежало на праве собственности продавцу, правами третьих лиц обременено не было, на балансе общества не состояло, спор о взыскании с Х. денежных средств разрешен не был, в связи с чем нет оснований утверждать, что сделка по отчуждению недвижимого имущества совершена Х. с целью уклонения от исполнения обязательств и реально не исполнялась.

Отменяя решение суда и удовлетворяя исковые требования, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что сделка является мнимой, поскольку заключена с целью предотвращения возможного обращения взыскания на имущество Х.

Кроме того, суд апелляционной инстанции сослался на положения ст. 10 и 168 ГК РФ и указал, что данная сделка нарушает требования закона о добросовестности участников гражданского оборота.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судебных инстанций не согласилась ввиду следующего.

В соответствии со ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) (п. 1). Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (п. 5).

Пунктом 2 ст. 168 указанного кодекса предусмотрено, что сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Пунктом 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу, п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное (абзац третий).

В п. 7 данного постановления указано, что, если совершение сделки нарушает запрет, установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пп. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 170 ГК РФ мнимой является сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия.

Согласно разъяснениям, данным в п. 86 названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, при разрешении спора о мнимости сделки следует учитывать, что стороны такой сделки могут также осуществить для вида ее формальное исполнение. Например, во избежание обращения взыскания на движимое имущество должника заключить договоры купли-продажи или доверительного управления и составить акты о передаче данного имущества, при этом сохранив контроль соответственно продавца или учредителя управления за ним.

Равным образом осуществление сторонами мнимой сделки для вида государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество не препятствует квалификации такой сделки как ничтожной на основании п. 1 ст. 170 ГК РФ.

По смыслу приведенных норм Гражданского кодекса Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации для признания сделки недействительной на основании ст. 10 и 168 ГК РФ, а также для признания сделки мнимой на основании ст. 170 этого же кодекса необходимо установить, что стороны сделки действовали недобросовестно, в обход закона и не имели намерения совершить сделку в действительности.

По данному делу суд апелляционной инстанции, признавая сделку мнимой и указывая на злоупотребление правом со стороны X., не привел никаких доводов и не установил никаких обстоятельств, свидетельствующих

о недобросовестности покупателей имущества либо об их намерении совершить эту сделку исключительно для вида, без ее реального исполнения.

При рассмотрении дела ответчики ссылались на то, что, перед тем как купить спорное помещение, они получили из управления Росреестра выписку из ЕГРН, удостоверяющую, что собственником данного нежилого помещения является Х. и оно не имеет каких-либо обременений. Ранее с Х. знакомы не были и о существовании общества не знали. После приобретения спорного помещения заявители обращались в местную администрацию за предоставлением в аренду земельного участка, на котором оно находится. В приобретенном нежилом помещении они осуществляют хозяйственную деятельность.

Данным доводам судом апелляционной инстанции в нарушение положений ст. 329 ГПК РФ не дана правовая оценка.

Кроме того, в апелляционном определении в нарушение требований п. 6 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ не приведены мотивы, по которым суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции о том, что оспариваемая сделка совершена Х. задолго до возникновения у общества и его кредиторов имущественных претензий к нему, в связи с чем эта сделка не могла быть совершена с целью избежать обращения взыскания на это имущество.

Допущенные судом апелляционной инстанции нарушения являются существенными и привели к неправильному разрешению спора, однако они оставлены без внимания кассационным судом общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 49-КГ20-15-К6

Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда

7. В силу возложенной законом обязанности удостоверить личность гражданина, обратившегося за совершением нотариальных действий, нотариус отвечает за имущественный вред, причиненный покупателю недвижимого имущества в результате ненадлежащего установления нотариусом личности гражданина, от имени которого выдана доверенность на продажу этого имущества.

С. обратилась в суд с иском к страховой компании, застраховавшей риск гражданской ответственности нотариуса, о взыскании страхового возмещения. Иск обоснован тем, что 27 сентября 2016 г. нотариусом Х. удостоверена доверенность, согласно которой П. уполномочила И. продать принадлежащую доверителю на праве собственности квартиру, в то время как от имени П. на основании поддельного паспорта действовала Ф.

Впоследствии Ф., действуя по поддельному паспорту И., на основании удостоверенной нотариусом Х. доверенности заключила с С. договор купли-продажи указанной квартиры и получила от С. 700 000 руб. За регистрацию права собственности С. была уплачена государственная пошлина.

Вступившим в законную силу решением суда от 2 февраля 2017 г. по иску П. названный договор купли-продажи признан недействительным, квартира истребована из владения С. в пользу П., в пользу которой также взысканы расходы на уплату государственной пошлины.

Вступившим в законную силу решением того же суда от 25 июля 2017 г. указанная выше доверенность признана недействительной.

Ответственность нотариуса Х. застрахована страховой компанией (ответчиком) по договору страхования профессиональной деятельности нотариуса от 22 июня 2016 г.

Ссылаясь на то, что ущерб наступил в результате ненадлежащего совершения нотариусом Х. нотариального действия, С. просила взыскать с ответчика страховое возмещение в размере 704 957 руб.

Определением суда к участию в деле в качестве соответчика привлечена нотариус Х.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции сослался на то, что все необходимые действия, связанные с нотариальным удостоверением доверенности, нотариус Х. выполнила, в том числе в установленном порядке проверила личность доверителя. Доказательств того, что паспорт на имя П. с вклеенной в него фотографией Ф. имел явные признаки подделки, по мнению суда первой инстанции, не имеется. Также суд указал, что убытки истца возникли не вследствие действий нотариуса, а в результате действий третьих лиц.

Отменяя решение суда первой инстанции в части отказа в иске к страховой компании и взыскивая страховое возмещение, суд апелляционной инстанции признал установленным наличие прямой причинно-следственной связи между действиями нотариуса Х. и убытками истца, поскольку нотариус, вопреки требованиям закона, не проявив необходимую для надлежащего исполнения своих обязанностей заботливость и осмотрительность, не установила должным образом личность гражданина, действующего от имени доверителя, вследствие чего истец, полагаясь на удостоверенную нотариусом доверенность, уплатила покупную цену лицу, не имеющему право ни продавать квартиру, ни получать за нее денежные средства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, оставляя без изменения апелляционное определение, исходила из следующего.

В силу п. 4 ст. 931 ГК РФ, в случае когда ответственность за причинение вреда застрахована в силу того, что ее страхование обязательно, а также в других случаях, предусмотренных законом или договором страхования такой ответственности, лицо, в пользу которого считается

заключенным договор страхования, вправе предъявить непосредственно страховщику требование о возмещении вреда в пределах страховой суммы.

Согласно положениям ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11 февраля 1993 г. № 4462-І (далее – Основы законодательства о нотариате), в редакции, действовавшей на момент удостоверения доверенности, нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную имущественную ответственность за вред, причиненный по его вине имуществу гражданина или юридического лица в результате совершения нотариального действия с нарушением закона, если иное не установлено указанной статьей (часть первая).

Из положений ст. 42 Основ законодательства о нотариате следует, что на нотариуса при совершении нотариальных действий возлагается обязанность удостоверить личность гражданина, обратившегося за совершением нотариального действия, и проверить подлинность предъявленного им документа, удостоверяющего его личность.

Возлагая на нотариуса такую обязанность, закон не предусматривает исчерпывающим образом методы и способы удостоверения личности и проверки подлинности документов, а также перечень применяемых при этом технических средств, оставляя вопрос о полноте и достаточности такой проверки на усмотрение самого нотариуса, который несет профессиональный риск ненадлежащего совершения нотариальных действий.

При этом обязанность доказать надлежащее исполнение своих обязанностей возлагается на нотариуса.

Исследовав и оценив доказательства, суд апелляционной инстанции посчитал установленным, что нотариус могла и должна была обратить внимание на несоответствие личности обратившейся за совершением нотариального действия Ф. предъявленному ею паспорту на имя П., в частности, ввиду явного несоответствия возраста.

Определение № 49-КГ19-13

8. Нарушение банком очередности списания денежных средств со счета клиента, повлекшее неисполнение судебного приказа, является основанием для возмещения банком убытков взыскателю.

Л. обратился в суд с иском к банку о взыскании убытков в размере 144 565 руб. и компенсации морального вреда, указав, что 7 марта 2018 г. мировым судьей выдан судебный приказ на взыскание в пользу истца задолженности по заработной плате с общества в размере 144 565 руб.

28 марта 2018 г. судебный приказ направлен в обслуживающий счета указанного общества банк, которым судебный приказ был получен и принят к исполнению 3 апреля 2018 г.

12 апреля 2018 г. на расчетный счет должника поступили денежные средства в размере 184 492,84 руб., которые в этот же день с нарушением очередности списания денежных средств переведены в счет погашения задолженности общества перед федеральным налоговым органом.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Л., суд первой инстанции указал, что нарушение очередности списания денежных средств при недоказанности утраты возможности взыскания долга за счет имущества должника не является доказательством причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчика и убытками взыскателя.

С такими выводами согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав в том числе следующее.

В соответствии со ст. 855 ГК РФ при недостаточности денежных средств на счете для удовлетворения всех предъявленных к нему требований списание денежных средств по исполнительным документам, предусматривающим перечисление или выдачу денежных средств для расчетов по выплате выходных пособий и оплате труда с лицами, работающими или работавшими по трудовому договору (контракту), относится ко второй очереди, а по поручениям налоговых органов на списание и перечисление задолженности по уплате налогов и сборов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации – к третьей очереди.

Согласно ч. 8 ст. 70 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» не исполнить исполнительный документ или постановление судебного пристава-исполнителя полностью банк или иная кредитная организация может в случае отсутствия на счетах должника денежных средств либо в случае, когда на денежные средства, находящиеся на указанных счетах, наложен арест или когда в порядке, установленном законом, приостановлены операции с денежными средствами, либо в иных случаях, предусмотренных федеральным законом.

В соответствии с п. 1 ст. 15 указанного выше кодекса лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

По общему правилу, лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине

(п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Бремя доказывания своей невиновности лежит на лице, нарушившем обязательство или причинившем вред. Вина в нарушении обязательства или в причинении вреда предполагается, пока не доказано обратное.

Факт нарушения ответчиком очередности списания денежных средств, повлекший неисполнение судебного приказа, установлен судом, вина ответчика не опровергнута, судебный приказ не исполнен в отношении других работников общества, также пострадавших из-за нарушений банка-ответчика, между тем иски о возмещении убытков удовлетворены, что нарушает принцип равенства всех перед законом и судом.

Определение № 5-КГ20-57

9. Нарушение судебным приставом-исполнителем обязанности по уведомлению должника о возбуждении в отношении его исполнительного производства и о принятии постановления о временном ограничении его на выезд из Российской Федерации является основанием для возмещения должнику вызванных таким ограничением убытков.

Т. обратился в суд с иском к службе судебных приставов о взыскании убытков в размере 111 900 руб., компенсации морального вреда и расходов на уплату государственной пошлины.

Иск обоснован тем, что 20 июля 2018 г. судебным приставом-исполнителем вынесено постановление о временном ограничении на выезд истца из Российской Федерации, о чем он не знал.

9 августа 2018 г. истец приобрел туристическую путевку в Турцию сроком с 2 по 15 октября 2018 г., однако при прохождении паспортного контроля 2 октября 2018 г. сотрудники пограничной службы сообщили ему об ограничении на выезд из Российской Федерации и вручили соответствующее уведомление, в связи с чем он не смог выехать на отдых.

В тот же день Т. обратился в суд с административным иском о признании незаконным постановления судебного пристава-исполнителя.

Вступившим в законную силу судебным актом постановление судебного пристава-исполнителя от 20 июля 2018 г. о временном ограничении на выезд Т. из Российской Федерации признано незаконным.

Истец просил возместить причиненные ему убытки в виде затрат на покупку туристической путевки, транспортных расходов. Также истец посчитал, что незаконными действиями судебного пристава-исполнителя ему причинен моральный вред.

Удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции исходил из того, что незаконность постановления судебного пристава-исполнителя от 20 июля 2018 г. о временном ограничении должника Т. на выезд из Российской Федерации

Федерации установлена судебным актом, вступившим в законную силу, а невозможность выезда Т. 2 октября 2018 г. за рубеж повлекла за собой невозможность использования им туристского продукта.

Суд также указал, что незаконными действиями должностных лиц службы судебных приставов было ограничено конституционное право истца на свободу передвижения, соответственно, нарушено его личное неимущественное право, что является основанием для удовлетворения требований истца о взыскании компенсации морального вреда.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что истец на момент приобретения турпутевки знал о наличии задолженности на основании решения суда от 23 января 2018 г., а следовательно, действуя с должной степенью разумности и предусмотрительности, он мог заблаговременно до приобретения путевки получить достоверную информацию о наличии или об отсутствии препятствий для выезда за границу. Признание постановления судебного пристава-исполнителя о временном ограничении на выезд из Российской Федерации от 20 июля 2018 г. незаконным, по мнению суда апелляционной инстанции, не свидетельствует о наличии причинно-следственной связи между действиями судебного пристава-исполнителя и причиненными истцу убытками.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая постановления судов апелляционной и кассационной инстанций незаконными и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась ст. 15, 16 и 1069 ГК РФ, а также положениями ст. 2, 4, ч. 2 ст. 119 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), п. 1 ст. 12, пп. 2 и 3 ст. 19 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах»¹, из которых следует, что гражданин вправе рассчитывать на то, что действия государственных органов будут соответствовать требованиям закона, а вред, причиненный незаконными действиями государственных органов, подлежит возмещению в полном объеме. При этом обязанность доказать законность их действий должна быть возложена на соответствующий орган или должностное лицо.

Судом по делу установлено, что туристическая поездка истца не состоялась по причине того, что в отношении него было вынесено постановление о временном ограничении на выезд из Российской Федерации.

¹ С 1 января 2020 г. – Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ).

Незаконность постановления судебного пристава-исполнителя о временном ограничении должника Т. на выезд из Российской Федерации установлена судебным актом, вступившим в законную силу.

В частности, установлено, что судебным приставом-исполнителем нарушена обязанность по уведомлению должника о возбуждении в отношении его исполнительного производства, а также о принятии постановления о временном ограничении на выезд должника из Российской Федерации, установленная ст. 24 и ч. 10 ст. 67 Закона об исполнительном производстве.

Так, в соответствии со ст. 67 Закона об исполнительном производстве судебный пристав-исполнитель вправе вынести постановление о временном ограничении на выезд должника из Российской Федерации при неисполнении должником-гражданином в установленный для добровольного исполнения срок без уважительных причин содержащихся в выданном судом или являющемся судебным актом исполнительном документе требований, если сумма задолженности по исполнительному документу составляет 30 000 руб. и более (п. 3 ч. 1).

Копия постановления о временном ограничении на выезд должника из Российской Федерации направляется судебным приставом-исполнителем должнику не позднее дня, следующего за днем его вынесения (ч. 10).

Согласно ч. 12 ст. 30 Закона об исполнительном производстве срок для добровольного исполнения составляет пять дней со дня получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства, либо с момента доставки извещения о размещении информации о возбуждении исполнительного производства в банке данных, отправленного посредством передачи короткого текстового сообщения по сети подвижной радиотелефонной связи, либо иного извещения или постановления о возбуждении исполнительного производства, вынесенного в форме электронного документа и направленного адресату, в том числе в его единый личный кабинет на Едином портале государственных и муниципальных услуг, в соответствии с ч. 2¹ ст. 14 данного федерального закона, если иное не установлено этим федеральным законом.

Из приведенных положений закона следует, что основанием для ограничения на выезд должника из Российской Федерации является не наличие решения суда о взыскании денежных средств, а неисполнение должником требований исполнительного документа в срок для его добровольного исполнения, определяемый в соответствии с Законом об исполнительном производстве.

С учетом изложенного вывод судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что наличие решения суда о взыскании с Т. денежных сумм само по себе обязывало его проверять наличие или отсутствие в отношении его исполнительных производств и ограничений на выезд за пределы Российской Федерации, не основан на нормах права.

Истец указывал, что о возбуждении исполнительного производства не знал и не был об этом уведомлен, от исполнения исполнительного документа не уклонялся и не скрывался, место жительства и номер телефона не менял, имеет постоянную работу, свои доходы и имущество не скрывал.

Этим обстоятельствам судебными инстанциями оценка не дана.

Определение № 48-КГ20-11-К7

***Разрешение споров, связанных с возмещением вреда,
причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия***

10. Регрессные требования на основании ст. 14 Закона об ОСАГО² не могут быть предъявлены лицу, управлявшему в момент дорожно-транспортного происшествия транспортным средством на основании трудового договора, заключенного с владельцем этого транспортного средства.

Ненаправление страховщику, застраховавшему гражданскую ответственность причинителя вреда, экземпляра извещения о дорожно-транспортном происшествии, документы о котором оформлены без участия сотрудников полиции, не является безусловным основанием для удовлетворения регрессных требований на основании подп. «ж»³ п. 1 ст. 14 Закона об ОСАГО.

Страховая компания обратилась в суд с иском к П. о возмещении ущерба в порядке регресса.

В обоснование требований истец указал на то, что 7 февраля 2019 г. по вине ответчика, управлявшего автомобилем, был поврежден автомобиль, принадлежащий В.

Документы о дорожно-транспортном происшествии оформлены без участия уполномоченных на то сотрудников полиции. На момент происшествия гражданская ответственность обоих водителей была застрахована в страховой компании (истец), которая выплатила В. страховое возмещение в размере 68 300 руб.

Ссылаясь на подп. «ж» п. 1 ст. 14 Закона об ОСАГО, а также на то, что П. в установленный законом пятидневный срок не направил страховщику извещение об этом происшествии, истец просил взыскать с П. в порядке регресса 68 300 руб. и судебные расходы.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования удовлетворены.

² Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений).

³ Признан утратившим силу Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 88-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подп. «а» п. 10 ст. 2).

Удовлетворяя регрессный иск, суд первой инстанции исходил из того, что в нарушение требований п. 2 ст. 11¹ Закона об ОСАГО ответчик не исполнил обязанность по направлению страховщику в течение пяти рабочих дней со дня дорожно-транспортного происшествия заполненного бланка извещения о происшествии, а представил его в страховую компанию только 25 февраля 2019 г., что в силу подп. «ж» п. 1 ст. 14 Закона об ОСАГО дает страховщику право предъявить регрессное требование к причинителю вреда.

При этом суд не усмотрел оснований для признания причин пропуска названного срока уважительными.

Суд апелляционной инстанции согласился с таким выводом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав в том числе следующее.

Из положений ст. 1068, п. 1 ст. 1079 ГК РФ и разъяснений, содержащихся в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», следует, что работник, управляющий источником повышенной опасности в силу трудовых или гражданско-правовых отношений с собственником этого источника повышенной опасности, не признается владельцем источника повышенной опасности по смыслу ст. 1079 ГК РФ, ответственность в таком случае возлагается на работодателя, являющегося владельцем источника повышенной опасности.

Данные правила распространяются и на требования о возмещении ущерба в порядке регресса.

Из обстоятельств дела следует, что П. на момент происшествия состоял в трудовых отношениях с местной администрацией (привлечена по делу в качестве третьего лица), которая согласно страховому полису ОСАГО является страхователем и собственником транспортного средства, находившегося под управлением П.

Однако судами в нарушение ч. 2 ст. 56 ГПК РФ не были вынесены на обсуждение сторон вопросы о том, на каком основании П. управлял данным автомобилем и кто должен нести ответственность за вред, причиненный при использовании этого автомобиля.

В материалах дела имеется выписка из распоряжения местной администрации, согласно которой П. принят на работу с 11 января 2006 г. в администрацию водителем. Кроме того, из объяснений представителя администрации, изложенных в протоколе судебного заседания суда первой инстанции, также следует, что ответчик является сотрудником местной администрации с 2006 года.

Однако судебными инстанциями указанным обстоятельствам правовая оценка не дана.

Согласно пп. 2, 3 ст. 11¹ Закона об ОСАГО в случае оформления документов о дорожно-транспортном происшествии без участия уполномоченных на то сотрудников полиции бланк извещения о дорожно-транспортном происшествии, заполненный в двух экземплярах водителями причастных к дорожно-транспортному происшествию транспортных средств, направляется этими водителями страховщику, застраховавшим их гражданскую ответственность, в течение пяти рабочих дней со дня дорожно-транспортного происшествия. Потерпевший направляет страховщику, застраховавшему его гражданскую ответственность, свой экземпляр совместно заполненного бланка извещения о дорожно-транспортном происшествии вместе с заявлением о прямом возмещении убытков.

В силу п. 3 указанной статьи в случае оформления документов о дорожно-транспортном происшествии без участия уполномоченных на то сотрудников полиции владельцы транспортных средств, причастных к дорожно-транспортному происшествию, по требованию страховщиков, указанных в п. 2 этой статьи, обязаны представить транспортные средства для проведения осмотра и (или) независимой технической экспертизы в течение пяти рабочих дней со дня получения такого требования.

Для обеспечения возможности осмотра и (или) независимой технической экспертизы транспортных средств, участвовавших в дорожно-транспортном происшествии, в случае оформления документов о дорожно-транспортном происшествии без участия уполномоченных на то сотрудников полиции владельцы указанных транспортных средств без согласия в письменной форме страховщиков не должны приступать к их ремонту или утилизации до истечения 15 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, со дня дорожно-транспортного происшествия.

В соответствии с пп. 2, 3 ст. 11¹, подп. «ж» п. 1 ст. 14 Закона об ОСАГО к страховщику, осуществившему страховое возмещение, переходит право требования потерпевшего к лицу, причинившему вред, в размере осуществленного потерпевшему страхового возмещения, если указанное лицо в случае оформления документов о дорожно-транспортном происшествии без участия уполномоченных на то сотрудников полиции не направило страховщику, застраховавшему его гражданскую ответственность, экземпляр заполненного совместно с потерпевшим бланка извещения о дорожно-транспортном происшествии в течение пяти рабочих дней со дня дорожно-транспортного происшествия.

Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2005 г. № 6-П специальные правовые гарантии защиты прав потерпевшего должны быть адекватны правовой природе и целям страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, а также характеру соответствующих правоотношений (п. 3.1).

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2017 г. № 1059-О указано, что, по смыслу п. 2 ст. 11¹ Закона об ОСАГО во взаимосвязи с п. 3 этой же статьи, необходимость направления

водителями транспортных средств, причастных к дорожно-транспортному происшествию, бланка извещения о дорожно-транспортном происшествии страховщикам, застраховавшим их гражданскую ответственность, в течение пяти рабочих дней со дня дорожно-транспортного происшествия сопряжена с их обязанностью по требованию страховщиков представить указанные транспортные средства для проведения осмотра и (или) независимой технической экспертизы в течение пяти рабочих дней со дня получения такого требования, а также для обеспечения этих целей не приступать к их ремонту или утилизации до истечения 15 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, со дня дорожно-транспортного происшествия. Подпункт «ж» п. 1 ст. 14 Закона об ОСАГО о праве регрессного требования страховщика призван обеспечить баланс интересов страховщика и страхователя.

По смыслу положений пп. 2, 3 ст. 11¹, подп. «ж» п. 1 ст. 14 Закона об ОСАГО и в соответствии с их толкованием, которое дано в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2005 г. № 6-П и в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2017 г. № 1059-О, требование о направлении обоими участниками происшествия заполненного бланка извещения о страховом случае при оформлении документов без участия сотрудников полиции установлено для того, чтобы и страховщик, застраховавший ответственность потерпевшего, и страховщик, застраховавший ответственность причинителя вреда, имели возможность проверить достоверность сведений о дорожно-транспортном происшествии и о полученных в его результате повреждениях автомобилей.

В этих же целях была установлена и ответственность за неисполнение данного требования в виде возможности предъявить регрессные требования к причинителю вреда, не исполнившему такую обязанность.

По данному делу страхователем ответственности обоих владельцев автомобилей является один и тот же страховщик, который по обращению потерпевшего, представившего заполненный бланк извещения о происшествии с указанием сведений о том, что ответственность причинителя вреда застрахована в той же страховой компании, включая серию, номер и дату выдачи полиса ОСАГО, признал изложенные в нем сведения достоверными, а случай – страховым и определил размер страхового возмещения.

Удовлетворяя иск, судебные инстанции не указали, в чем состоит нарушение прав страховщика как основание регрессной ответственности вследствие непредставления ему второго экземпляра такого же извещения о том же происшествии.

Заявитель ссылался также на то, что при представлении документов в страховую компанию они действовали с потерпевшим совместно, как участники одного дорожного происшествия и клиенты одного и того же страховщика, а в дальнейшем выполняли указания страховой компании, однако судебные инстанции это обстоятельство не учли и не исследовали.

На это же он ссылался и при рассмотрении дела в суде первой инстанции, и в апелляционной жалобе.

При указанных выше обстоятельствах судам при разрешении спора следовало учесть и обсудить в качестве имеющего значение обстоятельства вопрос о том, являлись ли действия сторон добросовестными, имея в виду, что в соответствии с пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения, а в соответствии с п. 1 ст. 10 этого же кодекса не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Однако названные выше обстоятельства и положения закона судами учтены не были.

Определение № 66-КГ20-2

11. Положение п. 3.5 Единой методики⁴ о том, что расхождение в результатах расчетов размера расходов на восстановительный ремонт, выполненных различными специалистами, следует признавать находящимся в пределах статистической достоверности, если оно не превышает 10 %, применяется также при определении размера страховой выплаты по договору ОСАГО для случаев признания полной гибели транспортного средства.

Д. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании недоплаченного страхового возмещения, расходов на проведение экспертизы, неустойки, компенсации морального вреда, расходов на оплату услуг представителя и штрафа в размере 50 % от присужденной судом суммы.

Ответчик исковые требования не признал, просил отказать в их удовлетворении, предъявил встречные исковые требования о взыскании с Д. неосновательного обогащения, указывая, что страховое возмещение было выплачено ему без достаточных на то оснований, в связи с чем денежные средства должны быть возвращены страховщику.

К участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, привлечены У., К. и страховая организация.

⁴ Положение Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (далее – Единая методика).

При рассмотрении дела судом установлено, что в результате дорожно-транспортного происшествия с участием принадлежащего Д. и под его управлением автомобиля и автомобиля под управлением К. автомобилю истца причинены повреждения.

Виновным в дорожно-транспортном происшествии признан К.

Д. обратился в страховую компанию, застраховавшую гражданскую ответственность К. по договору ОСАГО, с заявлением о выплате страхового возмещения.

По результатам рассмотрения заявления страховая компания признала заявленное Д. событие страховым случаем и выплатило ему страховое возмещение в размере 275 248 руб.

Д. направил в страховую компанию претензию с приложенным к ней экспертным заключением, в которой просил произвести доплату страхового возмещения в размере 124 752 руб., возместить стоимость услуг эксперта, а также уплатить неустойку.

В ходе судебного разбирательства с целью разрешения вопроса о соответствии заявленных истцом повреждений автомобиля обстоятельствам дорожно-транспортного происшествия и определения стоимости восстановительного ремонта данного автомобиля назначена комплексная судебная автотехническая и авто-товароведческая экспертиза.

Согласно заключению эксперта комплекс повреждений, зафиксированных в акте осмотра транспортного средства, имеющих на автомобиле Д., мог быть образован в результате дорожно-транспортного происшествия, зафиксированного в административном материале.

В соответствии с этим заключением эксперта стоимость восстановительного ремонта автомобиля Д. с учетом износа составила 290 800 руб.; стоимость восстановительного ремонта автомобиля без учета износа – 565 553 руб.; средняя рыночная доаварийная стоимость автомобиля – 427 500 руб.; стоимость годных остатков – 149 166 руб.; величина ущерба, причиненного повреждением автомобиля, – 278 334 руб.

Исследовав и оценив представленные сторонами доказательства, в том числе заключение судебного эксперта, суд первой инстанции установил, что на момент дорожно-транспортного происшествия собственником автомобиля являлся Д. и заявленные им повреждения автомобиля соответствуют обстоятельствам данного дорожно-транспортного происшествия, в связи с чем пришел также к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения встречных исковых требований страховой компании.

Установив, что стоимость ремонта принадлежащего Д. автомобиля без учета износа деталей превышает стоимость автомобиля на дату наступления страхового случая, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что размер подлежащих возмещению Д. убытков должен определяться на условиях полной гибели имущества.

Исходя из этого, как определил суд первой инстанции, размер недоплаченного Д. страхового возмещения составил 3086 руб.

Принимая во внимание разъяснение, данное в абзаце втором п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что решение суда первой инстанции в части распределения судебных расходов подлежит изменению, поскольку уменьшение Д. размера исковых требований явилось результатом получения при рассмотрении дела доказательства явной необоснованности этого размера.

Доводы ответчика о необходимости применения по делу п. 3.5 Единой методики, устанавливающей допустимую погрешность при расхождении в результатах расчетов размера расходов на восстановительный ремонт, судебные инстанции отклонили со ссылкой на то, что при полной гибели имущества потерпевшего данный пункт Единой методики применению не подлежит.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась, отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Согласно п. 15¹ ст. 12 Закона об ОСАГО страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется (за исключением случаев, установленных п. 16 этой статьи) в соответствии с п. 15² или п. 15³ данной статьи путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

Страховщик после осмотра поврежденного транспортного средства потерпевшего и (или) проведения его независимой технической экспертизы выдает потерпевшему направление на ремонт на станцию технического обслуживания и осуществляет оплату стоимости проводимого такой станцией восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего в размере, определенном в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, с учетом положений абзаца второго п. 19 указанной статьи.

В соответствии с п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО в случае полной гибели транспортного средства страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется путем выдачи суммы страховой выплаты потерпевшему (выгодоприобретателю) в кассе страховщика или перечисления суммы страховой выплаты на банковский счет потерпевшего (выгодоприобретателя) (наличный или безналичный расчет).

Размер подлежащих возмещению страховщиком убытков при причинении вреда имуществу потерпевшего определяется в случае полной гибели имущества потерпевшего в размере действительной стоимости имущества на день наступления страхового случая за вычетом стоимости годных остатков; в случае повреждения имущества потерпевшего размер подлежащих возмещению убытков определяется в размере расходов, необходимых для приведения имущества в состояние, в котором оно находилось до момента наступления страхового случая (п. 18 ст. 12 Закона об ОСАГО).

Как разъяснено в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в соответствии с подп. «а» п. 18 и п. 19 ст. 12 Закона об ОСАГО размер подлежащих возмещению страховщиком убытков в случае полной гибели имущества потерпевшего определяется в размере его действительной стоимости на день наступления страхового случая за вычетом стоимости годных остатков с учетом их износа.

Под полной гибелью понимаются случаи, при которых ремонт поврежденного имущества невозможен либо стоимость ремонта поврежденного имущества равна стоимости имущества на дату наступления страхового случая или превышает указанную стоимость (подп. «а» п. 18 ст. 12 Закона об ОСАГО).

Согласно п. 40 названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, если разница между фактически произведенной страховщиком страховой выплатой и предъявляемыми истцом требованиями составляет менее 10 %, необходимо учитывать, что в соответствии с п. 3.5 Единой методики расхождение в результатах расчетов размера расходов на восстановительный ремонт, выполненных различными специалистами, образовавшееся за счет использования разных технологических решений и погрешностей, следует признавать находящимся в пределах статистической достоверности.

При определении наличия либо отсутствия 10 % статистической достоверности утраченная товарная стоимость поврежденного в результате дорожно-транспортного происшествия транспортного средства учету не подлежит.

В соответствии с п. 3.5 Единой методики расхождение в результатах расчетов размера расходов на восстановительный ремонт, выполненных различными специалистами, следует признавать находящимся в пределах статистической достоверности за счет использования различных технологических решений и погрешностей расчета, если оно не превышает 10 %. Указанный предел погрешности не может применяться в случае проведения расчета размера расходов с использованием замены деталей на бывшие в употреблении.

Судом при разрешении спора установлено и не оспаривалось сторонами, что страховая компания в досудебном порядке выплатила Д. в связи с причинением вреда автомобилю страховое возмещение в размере 275 248 руб., определенном экспертным заключением.

Согласно заключению судебного эксперта стоимость восстановительного ремонта транспортного средства составила 290 800 руб.

Находится ли выплаченная сумма страхового возмещения по отношению к определенной судебным экспертом в пределах статистической достоверности, суд при разрешении спора не устанавливал, хотя данное обстоятельство позволило бы определить, исполнена ли обязанность страховой компании по выплате страхового возмещения и имеются ли основания для взыскания с нее штрафных санкций.

Как установлено судом, величина причиненного Д. ущерба с учетом полной гибели транспортного средства за вычетом стоимости годных остатков составила 278 334 руб., расхождение с выплаченной страховой компанией суммой составило 3086 руб. (1,11 %).

Суд не дал оценки тому обстоятельству, что сумма невыплаченного страхового возмещения, которую испрашивал истец при уточнении исковых требований, составляет менее 10 % от суммы как выплаченного ему страхового возмещения, так и страхового возмещения, определенного экспертом, и находится в пределах статистической достоверности.

С учетом этого Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала необоснованным вывод суда о том, что при разрешении споров о выплате страхового возмещения по риску полной гибели автомобиля неприменим п. 3.5 Единой методики, поскольку прямого запрета на это закон не содержит, при этом заключения различных экспертов также могут различаться между собой за счет использования различных технологических решений и погрешностей расчета.

Определение № 67-КГ20-6

Разрешение споров, возникающих из семейных отношений

12. В состав совместно нажитого имущества, подлежащего разделу между супругами, не может быть включена самовольная постройка.

Г.Н. обратился в суд с иском к Г.О. о разделе совместно нажитого имущества и признании права собственности, указав, что в период брака приобретен земельный участок, право собственности на который зарегистрировано за истцом. На указанном земельном участке Г.Н. возведено нежилое строение. Истец просил признать за ним и Г.О. право собственности на ½ доли указанного строения за каждым.

Разрешая спор и принимая по делу решение об удовлетворении иска, суд первой инстанции, руководствуясь нормами семейного права, исходил из

того, что земельный участок приобретен супругами в период брака, возведенное на нем нежилое строение построено за счет супружеских средств; в соответствии с заключением эксперта, проводившего по делу строительно-техническую экспертизу, оно соответствует строительным, градостроительным, санитарным, противопожарным нормам и правилам, обеспечивает безопасную для здоровья людей эксплуатацию объекта и не создает угрозу жизни и здоровью окружающих; размещение объекта капитального строительства и расстояние от него до строений, находящихся на соседних земельных участках, согласованы с их правообладателями.

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, в том числе указала следующее.

При рассмотрении данного дела суды не учли, что спорное нежилое строение, о разделе которого, как совместно нажитого в браке, просил истец, является самовольной постройкой.

Одним из критериев самовольной постройки в силу п. 1 ст. 222 ГК РФ является также возведение недвижимого имущества на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта.

Как следует из вступившего в законную силу решения суда по другому делу, которым был удовлетворен иск прокурора, поданный им в интересах муниципального образования к Г.Н. о запрете использования земельных участков не по целевому назначению, разрешенным видом использования спорного земельного участка является использование его для садоводства. Однако возведенное Г.Н. на указанном земельном участке нежилое строение является объектом недвижимости, используемым для оказания услуг по ремонту и обслуживанию автомобилей.

Между тем размещение на земельном участке таких объектов недвижимости относится к условно разрешенному виду использования земельного участка.

Постановлением местной администрации в предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования спорного земельного участка для обслуживания автотранспорта Г.Н. было отказано.

Таким образом, спорный объект недвижимости является самовольно возведенным, поскольку соответствующих разрешений на строительство и ввод объекта в эксплуатацию Г.Н. получено не было, а назначение возведенного им спорного нежилого строения противоречит разрешенному виду использования земельного участка.

В соответствии с п. 2 ст. 34 СК РФ общим имуществом супругов являются приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и

недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» разъяснено, что общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (пп. 1 и 2 ст. 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 128 и 129, пп. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено или внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

В силу положений ст. 129 ГК РФ свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому объекты гражданских прав могут лишь в случае их оборотоспособности.

Исходя из того, что возведенное Г.Н. нежилое строение является самовольной постройкой, оно не может быть объектом гражданских правоотношений и в данном случае не могло быть включено в состав совместно нажитого имущества, подлежащего разделу между супругами, поскольку признание права собственности в отношении самовольно возведенного строения возможно лишь при соблюдении требований, предусмотренных ст. 222 ГК РФ.

При рассмотрении дела вышеприведенные положения закона судами учтены не были, что привело к неправильному разрешению спора.

Определение № 18-КГ20-34-К4

***Разрешение споров, связанных с трудовыми
и социальными отношениями***

13. В случае временного перевода гражданского служащего, проходящего гражданскую службу на условиях служебного контракта, заключенного на неопределенный срок, на иную должность в том же государственном органе к отношениям сторон служебного контракта подлежат применению положения части первой ст. 72² ТК РФ о гарантиях предоставления работнику прежней работы по окончании срока такого перевода.

К. обратилась в суд с иском к государственному органу о признании незаконным ее увольнения с государственной гражданской службы Российской Федерации по п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 27 июля

2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (истечение срока действия срочного служебного контракта; далее – Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ), о восстановлении ее в должности ведущего специалиста-эксперта юридического отдела.

В обоснование заявленных требований К. ссылалась на то, что 13 января 2014 г. между представителем нанимателя и ней был заключен на неопределенный срок служебный контракт о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации (далее также – гражданская служба), по условиям которого она обязалась исполнять должностные обязанности специалиста 1 разряда юридического отдела.

16 мая 2014 г. приказом представителя нанимателя К. назначена на должность ведущего специалиста-эксперта юридического отдела, и с ней заключено дополнительное соглашение об изменении условий служебного контракта от 13 января 2014 г. в части размера месячного оклада и ежемесячной надбавки к должностному окладу, а также предоставления дополнительного отпуска за ненормированный служебный день. Все остальные условия контракта от 13 января 2014 г. остались неизменными.

Приказом представителя нанимателя от 12 января 2018 г. К. назначена с 15 января 2018 г. в порядке перевода на должность главного специалиста-эксперта юридического отдела на период отсутствия гражданского служащего Р. с освобождением от должности ведущего специалиста-эксперта этого отдела.

12 января 2018 г. между представителем нанимателя и К. заключен срочный служебный контракт, в соответствии с которым К. обязалась исполнять должностные обязанности главного специалиста-эксперта юридического отдела на период отсутствия гражданского служащего.

31 января 2019 г. К. была предупреждена представителем нанимателя об освобождении от замещаемой должности гражданской службы и увольнении с гражданской службы с 7 февраля 2019 г. по п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ в связи с выходом с 8 февраля 2019 г. на гражданскую службу главного специалиста-эксперта юридического отдела Р.

1 февраля 2019 г. К. обратилась к представителю нанимателя с заявлением о назначении ее в порядке перевода с 8 февраля 2019 г. на прежнюю должность ведущего специалиста-эксперта юридического отдела ввиду окончания срока временного замещения должности главного специалиста-эксперта юридического отдела. В удовлетворении этого заявления ей было отказано.

Приказом представителя нанимателя от 6 февраля 2019 г. К. уволена 7 февраля 2019 г. с гражданской службы по п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (истечение срока действия срочного служебного контракта).

К. считала увольнение с гражданской службы незаконным, поскольку ее перевод на должность главного специалиста-эксперта носил временный

характер и по окончании временного замещения этой должности представитель нанимателя обязан был предоставить ей прежнюю замещаемую должность ведущего специалиста-эксперта юридического отдела.

Разрешая спор и отказывая К. в удовлетворении иска в части требований о признании незаконным ее увольнения с гражданской службы по п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, суд первой инстанции исходил из того, что К. была назначена на должность главного специалиста-эксперта на основании срочного служебного контракта от 12 января 2018 г. на период нахождения в отпуске по уходу за ребенком гражданского служащего Р., за которой сохранялась данная должность гражданской службы. В связи с выходом на службу основного сотрудника заключенный с истцом срочный служебный контракт подлежал прекращению по п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (истечение срока действия срочного служебного контракта), вследствие чего действия ответчика по расторжению служебного контракта с К. являются правомерными, процедура расторжения срочного служебного контракта, предусмотренная Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, соблюдена.

Суд первой инстанции также отказал в удовлетворении требования К. о восстановлении ее в ранее замещаемой должности ведущего специалиста-эксперта, указав, что с момента назначения К. в порядке перевода на должность главного специалиста-эксперта ранее замещаемая ею должность ведущего специалиста-эксперта стала вакантной и ее замещение возможно любым гражданином Российской Федерации по результатам конкурса. По мнению суда первой инстанции, основания для перевода К. на ранее замещаемую ею должность ведущего специалиста-эксперта отсутствовали, так как Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ не содержит императивных предписаний, обязывающих представителя нанимателя сохранять за гражданским служащим прежнюю должность и обязывающих перевести гражданского служащего на эту должность по истечении срока действия срочного служебного контракта, такой перевод возможен только с согласия представителя нанимателя.

Суд первой инстанции признал несостоятельными ссылки К. на положения ст. 72² ТК РФ, по смыслу которых работнику, замещающему временно отсутствующего работника, по окончании срока перевода гарантируется предоставление прежней работы, поскольку спорные отношения урегулированы нормами специального законодательства – Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, который и подлежит применению в данном случае.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по апелляционной жалобе К., согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно отметив, что К., давая согласие на заключение служебного контракта от 12 января 2018 г. на определенный срок, знала о его

прекращении по истечении заранее оговоренного временного периода и согласилась на прохождение гражданской службы на предусмотренных в срочном служебном контракте условиях.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, счел содержащиеся в них выводы законными и обоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном применении и толковании норм материального права.

Прохождение гражданской службы и замещение должности гражданской службы осуществляются на основе служебного контракта – соглашения между представителем нанимателя и гражданином, поступающим на гражданскую службу, или гражданским служащим. Служебным контрактом устанавливаются права и обязанности сторон (ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ).

Одним из принципов государственной гражданской службы Российской Федерации, установленных в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, является принцип стабильности гражданской службы (п. 5 ст. 4 названного закона).

Для замещения должности гражданской службы представитель нанимателя может заключать с гражданским служащим: 1) служебный контракт на неопределенный срок; 2) срочный служебный контракт (ч. 1 ст. 25 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ).

Срочный служебный контракт заключается в случаях, когда отношения, связанные с гражданской службой, не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом категории замещаемой должности гражданской службы или условий прохождения гражданской службы, если иное не предусмотрено Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ и другими федеральными законами (ч. 3 ст. 25 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ).

При этом законодательство, регулирующее отношения, связанные с поступлением на государственную гражданскую службу Российской Федерации, ее прохождением и прекращением, устанавливая требования к содержанию контракта, права сторон по определению его условий и виды контрактов (служебный контракт на неопределенный срок и срочный служебный контракт), по общему правилу, не наделяет представителя нанимателя правом переоформить контракт, заключенный с гражданским служащим на неопределенный срок, на срочный служебный контракт.

Назначение гражданского служащего, проходящего гражданскую службу на условиях служебного контракта, заключенного на неопределенный срок, на иную (невакантную) должность гражданской службы в том же государственном органе в соответствии с ч. 3 ст. 30 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ возможно только по

соглашению сторон служебного контракта, осуществляется на период временного отсутствия гражданского служащего, замещающего такую должность (болезнь, отпуск по уходу за ребенком до достижения возраста трех лет и др.), и оформляется актом государственного органа о назначении на должность гражданской службы.

Частью 3 ст. 30 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ предусмотрено, что по соглашению сторон служебного контракта представитель нанимателя вправе назначить гражданского служащего на не обусловленную служебным контрактом должность гражданской службы, ранее замещаемую временно отсутствующим гражданским служащим, в том числе более высокой группы должностей, с установлением должностного оклада по временно замещаемой должности гражданской службы, но не ниже должностного оклада по ранее замещаемой должности гражданской службы, выплатой установленных по временно замещаемой должности гражданской службы надбавок и предоставлением государственных социальных гарантий.

Вместе с тем в названной статье не содержится норм, регулирующих отношения сторон служебного контракта по окончании срока временного перевода гражданского служащего на иную должность в том же государственном органе на период временного отсутствия гражданского служащего, ранее замещающего такую должность.

Статьей 73 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ установлено, что федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы трудового права, применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

Следовательно, данной статьей предусмотрено субсидиарное применение норм трудового законодательства к отношениям, связанным с гражданской службой.

Эта правовая позиция отражена в преамбуле Обзора судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственными гражданскими служащими и муниципальными служащими (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 г.).

В соответствии с частью первой ст. 72² ТК РФ по соглашению сторон, заключаемому в письменной форме, работник может быть временно переведен на другую работу у того же работодателя на срок до одного года, а в случае, когда такой перевод осуществляется для замещения временно отсутствующего работника, за которым в соответствии с законом сохраняется место работы, – до выхода этого работника на работу. Если по окончании срока перевода прежняя работа работнику не предоставлена, а он не потребовал ее предоставления и продолжает работать, то условие соглашения о временном характере перевода утрачивает силу и перевод считается постоянным.

Ввиду того, что в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ лишь ст. 30 регламентирует порядок временного перевода гражданского служащего на иную должность в том же государственном органе на период временного отсутствия гражданского служащего, замещающего такую должность, и в названной статье не содержится норм, регулирующих отношения сторон служебного контракта по окончании срока этого временного перевода, в силу ст. 73 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ в таком случае подлежат применению положения части первой ст. 72² ТК РФ, по смыслу которых по окончании срока временного перевода работника на другую работу ему гарантируется предоставление прежней работы.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований К. о признании незаконным увольнения с гражданской службы, восстановлении в ранее замещаемой должности сослались на положения Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, устанавливающие виды и срок действия служебного контракта, основания прекращения срочного служебного контракта, оставив без внимания подлежащие применению к спорным отношениям в системной взаимосвязи нормы ч. 3 ст. 30 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, определяющие порядок временного перевода гражданского служащего для замещения должности временно отсутствующего гражданского служащего, и положения части первой ст. 72² ТК РФ, исходя из которых представитель нанимателя не вправе отказать гражданскому служащему, ранее проходившему службу на условиях служебного контракта, заключенного на неопределенный срок, и назначенному в порядке перевода по основному месту службы временно на иную должность гражданской службы на период отсутствия другого гражданского служащего, в предоставлении по окончании срока такого перевода по его требованию прежней должности.

Вследствие неправильного применения норм материального права судебные инстанции не установили действительные правоотношения сторон и обстоятельства, имеющие значение для дела, а именно: было ли прекращено в установленном законом порядке действие служебного контракта от 13 января 2014 г., заключенного с К. на неопределенный срок, после назначения ее в порядке перевода с 15 января 2018 г. на должность главного специалиста-эксперта юридического отдела на период отсутствия гражданского служащего; имелись ли в соответствии с ч. 3 ст. 30 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ основания для заключения с К., проходившей гражданскую службу на условиях служебного контракта, заключенного на неопределенный срок, срочного служебного контракта от 12 января 2018 г. в связи с временным переводом ее на иную должность гражданской службы (на период отсутствия гражданского служащего, за которым в соответствии с законом сохраняется должность гражданской службы).

Названные обстоятельства не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, какой-либо правовой оценки судебных инстанций согласно правилам, установленным ст. 67, 71 ГПК РФ, не получили.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отметила, что судами первой и апелляционной инстанций не принято во внимание при разрешении спора и то обстоятельство, что увольнение по окончании срока временного перевода на иную должность гражданского служащего, ранее проходившего службу на условиях заключенного на неопределенный срок служебного контракта, нарушает право К. на труд и не отвечает принципу стабильности гражданской службы, предполагающему, в частности, постоянность служебной деятельности для каждого гражданского служащего, сохранение его статуса и возможность продолжения служебных отношений при перераспределении кадров гражданской службы.

С учетом приведенного выше Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о неправомерности выводов судов первой и апелляционной инстанций об отказе в удовлетворении требований К. к государственному органу о признании увольнения с государственной гражданской службы Российской Федерации незаконным, восстановлении в ранее замещаемой должности, в связи с чем отменила судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 60-КГ20-3-К9

14. Страховщик не вправе отказать выгодоприобретателю в выплате страховой суммы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих по основанию, предусмотренному абзацем третьим п. 1 ст. 10 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ, при отсутствии вступившего в законную силу решения суда о том, что страховой случай находится в прямой причинной связи с алкогольным, наркотическим или токсическим опьянением застрахованного лица.

Ш.Х., Ш.З. 15 октября 2018 г. обратились в суд с иском к страховой компании, в котором просили обязать ответчика выплатить им как родителям умершего военнослужащего Ш.Р. в равных долях страховую сумму по обязательному государственному страхованию военнослужащих, предусмотренную положениями Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ⁵ с учетом индексации.

⁵ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации,

В обоснование заявленных требований истцы указывали, что их сын Ш.Р., 1986 года рождения, с 1 августа 2004 г. проходил военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, с июля 2006 года – по контракту на период обучения в военном институте.

26 апреля 2009 г. в период прохождения военной службы в военном институте Ш.Р. получил тяжелую открытую черепно-мозговую травму и с этой же даты находился на стационарном лечении в различных военных лечебных учреждениях.

Постановлением старшего следователя военного следственного отдела по Саратовскому гарнизону от 12 февраля 2010 г. отказано в возбуждении уголовного дела (далее также – постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 12 февраля 2010 г.) по сообщению о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 293 УК РФ (халатность), а также отказано в возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), по факту получения травмы Ш.Р. В постановлении содержался вывод о том, что тяжкий вред здоровью Ш.Р. получил, находясь в состоянии алкогольного опьянения, по личной неосторожности в результате травмирования при падении с лестницы в казарме военного института 26 апреля 2009 г. Лиц, причастных к причинению Ш.Р. тяжкого вреда здоровью, не установлено.

17 февраля 2018 г. Ш.Р. умер, находясь на стационарном лечении в военном госпитале Министерства обороны Российской Федерации. Причиной смерти Ш.Р. в посмертном эпикризе от 17 февраля 2018 г. названа острая сердечная и дыхательная недостаточность на фоне асфиксии желудочным содержимым.

В медицинском свидетельстве о смерти от 20 февраля 2018 г. причины смерти Ш.Р. определены как отек легких и головного мозга (болезнь или состояние, непосредственно приведшее к смерти); последствия внутричерепной травмы около 9 лет (внешняя причина при травмах и отравлениях).

Приказом начальника военного института от 22 февраля 2018 г. сержант Ш.Р., скончавшийся по причине отека легких и головного мозга, исключен из списков личного состава, всех видов обеспечения курсантов с 18 февраля 2018 г. В этом же приказе указано, что смерть наступила в период прохождения военной службы, связана с исполнением обязанностей военной службы.

Ш.Р. являлся застрахованным лицом по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих

Вооруженных Сил Российской Федерации и граждан, призванных на военные сборы.

В связи со смертью военнослужащего Ш.Р. его родители Ш.Х., Ш.З. через военный институт обратились в страховую компанию с заявлениями о выплате им страховой суммы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих, предусмотренной положениями Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ, представив все необходимые документы, подтверждающие наступление страхового случая.

Письмом от 29 мая 2018 г. страховая компания отказала Ш.Х. и Ш.З. в выплате страховой суммы в связи с гибелью (смертью) военнослужащего Ш.Р., сославшись на наличие оснований для освобождения страховщика от выплаты страховой суммы, поскольку из представленных военным институтом документов, а именно из постановления старшего следователя военного следственного отдела об отказе в возбуждении уголовного дела от 12 февраля 2010 г., усматривается прямая причинно-следственная связь смерти Ш.Р. с последствиями травмы, полученной им около 9 лет назад – 26 апреля 2009 г. – в состоянии сильного алкогольного опьянения.

По мнению истцов Ш.Х. и Ш.З., отказ страховой компании в выплате им страховой суммы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих является незаконным, поскольку наличие прямой причинно-следственной связи между смертью застрахованного лица и его алкогольным опьянением устанавливается вступившим в законную силу решением суда, такого судебного решения не имеется, как и не имеется медицинских документов, в которых было бы указано на наличие прямой причинной связи между травмой, полученной их сыном Ш.Р. 26 апреля 2009 г., и наступившей 17 февраля 2018 г. его смертью, Ш.Р. в момент смерти находился на лечении в военном госпитале Министерства обороны Российской Федерации, то есть при исполнении обязанностей военной службы, причина смерти, указанная в посмертном эпикризе, – острая сердечная и дыхательная недостаточность на фоне асфиксии желудочным содержимым.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований Ш.З. и Ш.Х. отказано.

Разрешая спор и отказывая Ш.З. и Ш.Х. – родителям умершего военнослужащего – в удовлетворении исковых требований о выплате им страховой суммы, суд первой инстанции исходил из вывода о том, что у страховой компании основания для выплаты истцам страховой суммы отсутствовали ввиду того, что смерть Ш.Р. наступила от последствий травмы, полученной им 26 апреля 2009 г. в результате его собственных неосторожных действий при нахождении в состоянии сильного алкогольного опьянения, что согласно абзацу третьему п. 1 ст. 10 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ освобождает страховщика от выплаты родителям

умершего военнослужащего страховой суммы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, отклонив доводы апелляционной жалобы Ш.Х., Ш.З. о незаконности отказа страховой компании, не обращавшейся в суд с заявлением об установлении прямой причинной связи страхового случая (смерти Ш.Р.) с алкогольным опьянением застрахованного лица, в выплате им страховой суммы в связи со смертью их сына Ш.Р., со ссылкой на то, что такое обращение не предусмотрено действующим законодательством.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций основанными на неправильном применении норм материального права и сделанными с нарушением норм процессуального права.

Отменяя судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отметила, что судебными инстанциями не принято во внимание, что возникновение у выгодоприобретателя права на получение страховых сумм закон ставит в зависимость от наступления страхового случая, а обязанность страховщика выплатить страховые суммы – в зависимость от получения им предусмотренных законом документов, необходимых для принятия решения о выплате страховой суммы, в том числе документов, подтверждающих наступление страхового случая.

Закон закрепляет исчерпывающий перечень оснований освобождения страховщика от выплаты страховой суммы. В частности, в соответствии с абзацем третьим п. 1 ст. 10 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ страховщик вправе отказать в выплате страховой суммы, если страховый случай находится в установленной судом прямой причинной связи с алкогольным, наркотическим или токсическим опьянением застрахованного лица, то есть при наличии вступившего в законную силу решения суда, которым установлено это обстоятельство.

Однако на дату отказа страховой компанией (29 мая 2018 г.) истцам в выплате страховой суммы не имелось вступившего в законную силу решения суда, установившего прямую причинную связь смерти военнослужащего Ш.Р., произошедшей 17 февраля 2018 г. при нахождении на лечении в военном госпитале Министерства обороны Российской Федерации, с его алкогольным опьянением. В посмертном эпикризе, медицинском свидетельстве о смерти Ш.Р. сведений о том, что смерть Ш.Р. наступила по причине нахождения его в состоянии алкогольного опьянения при получении травмы, не содержится. В материалах дела также отсутствуют первичные документы, подтверждающие получение травмы военнослужащим Ш.Р. 26 апреля 2009 г. по причине нахождения в состоянии алкогольного опьянения.

Вследствие нарушения страховой компанией положений абзаца третьего п. 1 ст. 10 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ сложилась ситуация, при которой страховщик освободил себя от доказывания в судебном порядке обстоятельств нахождения страхового случая (смерти Ш.Р.) в прямой причинной связи с алкогольным опьянением застрахованного лица, возложив на выгодоприобретателей (родителей умершего военнослужащего – Ш.Х. (инвалида I группы) и Ш.З.) – экономически более слабую сторону в спорных отношениях – обязанность опровергнуть эти обстоятельства и подтвердить свое право на получение страховой суммы в связи со смертью их сына – военнослужащего Ш.Р. – в период прохождения военной службы путем обращения с иском в суд.

Соглашаясь с отказом страховой компании в выплате страховой суммы Ш.Х. и Ш.З., судебные инстанции исходили из обстоятельств, установленных постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела старшего следователя военного следственного отдела по Саратовскому гарнизону от 12 февраля 2010 г., а также из документов, составленных с учетом данного постановления, тем самым в нарушение ст. 61 ГПК РФ придав обстоятельствам, изложенным в данном постановлении, преюдициальное значение как обстоятельствам, не требующим доказывания.

Судебными инстанциями не принято во внимание, что обстоятельства, установленные названным постановлением от 12 февраля 2010 г., касаются обстоятельств получения Ш.Р. травмы 26 апреля 2009 г., тогда как страховой случай – его смерть – наступил 17 февраля 2018 г. (более чем через 9 лет) при нахождении на лечении в медицинском учреждении – военном госпитале Министерства обороны Российской Федерации.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций о нахождении страхового случая (смерти военнослужащего Ш.Р.) в прямой причинной связи с алкогольным опьянением застрахованного лица и наличии у страховой компании основания, предусмотренного абзацем третьим п. 1 ст. 10 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ (нахождение страхового случая в установленной судом прямой причинной связи с алкогольным, наркотическим или токсическим опьянением застрахованного лица), для освобождения от выплаты Ш.Х. и Ш.З. страховой суммы в связи со смертью их сына не основанными на законе, противоречащими нормам материального права и сделанными с нарушением норм процессуального права.

Определение № 5-КГ19-237

15. Уполномоченный орган не вправе отказать в предоставлении государственной социальной помощи в виде денежной выплаты малоимущим семьям или малоимущему одиноко проживающему гражданину, если они по независящим от них причинам имеют доход

ниже величины прожиточного минимума. К числу таких причин могут быть отнесены тяжелое заболевание гражданина или члена его семьи, невозможность трудоустройства, в том числе из-за болезни, несмотря на принимаемые меры, осуществление ухода за престарелыми людьми, инвалидами.

Б., проживающий в Республике Марий Эл, обратился в суд с иском к органу социальной защиты о признании права на получение государственной социальной помощи на основании Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» и Порядка назначения и выплаты государственной социальной помощи гражданам, проживающим в Республике Марий Эл, утвержденного постановлением Правительства Республики Марий Эл от 10 апреля 2018 г. № 158, в размере 1,5 величины прожиточного минимума на территории Республики Марий Эл (в спорный период величина прожиточного минимума на территории Республики Марий Эл для трудоспособного населения составляла 10 165 руб.).

В обоснование заявленных требований Б. указал, что ему, страдающему заболеваниями «сахарный диабет» и «бронхиальная астма», не работающему, осуществляющему уход за двумя инвалидами I группы и престарелым, достигшим возраста 80 лет, и получающему в связи с этим компенсационные выплаты в общей сумме 3600 руб. в месяц, органом социальной защиты было отказано в назначении государственной социальной помощи по причине того, что им не представлены сведения о его доходах за три месяца, предшествующие месяцу подачи им заявления об оказании государственной социальной помощи.

Б. с таким решением органа социальной защиты не согласился, поскольку полагал, что выплачиваемая ему компенсационная выплата по уходу за нетрудоспособными гражданами является источником дохода, в связи с чем сведения о его доходах им представлены в полном объеме, а его семья имеет среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума по независящим от членов семьи причинам.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска Б. отказано.

Определением кассационного суда общей юрисдикции судебные постановления оставлены без изменения.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Б. о признании за ним права на получение государственной социальной помощи, судебные инстанции сослались на положения Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», Порядка назначения и выплаты государственной социальной помощи гражданам, проживающим в Республике Марий Эл, и исходили из того, что гражданин имеет право на получение государственной социальной помощи только при одновременном наличии нескольких условий: гражданин (члены

его семьи) не только должен получать среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, в данном случае установленного в Республике Марий Эл, но и подтвердить невозможность по объективным причинам, не связанным с его (их) волей и действиями, получать доход в большем размере за три календарных месяца, предшествующие месяцу подачи заявления об оказании государственной социальной помощи.

Судебные инстанции отметили, что Б., несмотря на наличие у него заболевания «сахарный диабет», инвалидом не признан, ограничений к трудовой деятельности не имеет, обстоятельства, препятствующие ему в выборе профессии или рода деятельности, отсутствуют, независящих от него причин, которые лишали бы его возможности иметь среднедушевой доход выше величины прожиточного минимума, не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, указав, что предусмотренная нормами федерального законодательства (ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи») и регионального законодательства (постановление Правительства Республики Марий Эл от 10 апреля 2018 г. № 158) государственная социальная помощь в виде денежной выплаты, размер которой в том числе зависит от наличия у члена семьи (гражданина) онкологического заболевания и (или) сахарного диабета, производится малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам в случае, если они по независящим от них причинам имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного на территории субъекта Российской Федерации, в данном случае на территории Республики Марий Эл. Перечень таких причин, по которым малоимущие семьи и малоимущие одиноко проживающие граждане не могут получать доход выше величины прожиточного минимума на территории субъекта Российской Федерации, нормативными правовыми актами не установлен.

Вместе с тем с учетом целей и задач оказания государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам действующее правовое регулирование отношений по предоставлению таким семьям и гражданам государственной социальной помощи не предполагает возможности произвольного применения его норм уполномоченным органом, который обязан проверить все предусмотренные нормативными положениями условия, необходимые для принятия решения о предоставлении государственной социальной помощи, в частности, до принятия такого решения проверить представленную лицом, претендующим на эту меру социальной поддержки, информацию и документы о наличии таких объективных и независящих от него причин, препятствующих ему или его семье получать доход выше величины прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации, и выяснить причины, по которым доход

малоимущей семьи или малоимущего одиноко проживающего гражданина ниже величины прожиточного минимума.

К числу таких причин могут быть отнесены: тяжелое заболевание гражданина или членов его семьи, за которыми он осуществляет уход, наличие у гражданина на иждивении нетрудоспособных членов семьи, длительное нахождение на стационарном лечении или на амбулаторном лечении, невозможность трудоустройства, в том числе и по причине болезни, несмотря на принимаемые меры, осуществление ухода за престарелыми людьми, инвалидами, ребенком-инвалидом, безработица, чрезвычайные ситуации и происшествия и др. Оценка причин, препятствующих получению малоимущей семьей или малоимущим одиноко проживающим гражданином доходов, превышающих величину прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации, и, соответственно, обстоятельств нуждаемости в получении государственной социальной помощи производится уполномоченным органом. При наличии таких причин (независящих от лица, претендующего на получение государственной социальной помощи), по которым малоимущие семьи и малоимущие одиноко проживающие граждане имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, уполномоченный орган не вправе отказать гражданину в предоставлении государственной социальной помощи.

Однако судебными инстанциями при рассмотрении данного дела по иску Б., оспаривавшего правомерность решения органа социальной защиты об отказе в назначении ему, страдающему заболеванием «сахарный диабет 1 типа», государственной социальной помощи в виде денежной выплаты, предоставляемой 1 раз в год, в размере 1,5 величины прожиточного минимума, установленного на территории Республики Марий Эл, не учтены положения приведенных выше норм федерального и регионального законодательства в их системной взаимосвязи, не допускающие отказ в предоставлении названной меры социальной поддержки в случае, если малоимущая семья или малоимущий одиноко проживающий гражданин по независящим от них причинам имеют доход ниже величины прожиточного минимума.

По данному делу юридически значимыми и подлежащими определению и установлению с учетом исковых требований Б., возражений на них ответчика и регулирующих спорные отношения норм материального права являлись следующие обстоятельства: были ли представлены Б. в уполномоченный орган (орган социальной защиты) все документы, предусмотренные Порядком назначения и выплаты государственной социальной помощи гражданам, проживающим в Республике Марий Эл, для получения его семьей, состоящей из двух человек (Б. и его мать Б.З., являющаяся пенсионером по возрасту), государственной социальной помощи в виде денежной выплаты; какие действия были предприняты уполномоченным органом для проверки указанных Б. обстоятельств, связанных с невозможностью получения его семьей дохода выше величины

прожиточного минимума, установленного на территории Республики Марий Эл; предлагалось ли Б. уполномоченным органом представить какие-либо дополнительные документы, подтверждающие, что его семья по независящим от нее обстоятельствам получает доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в Республике Марий Эл; может ли Б. с учетом имеющихся у него заболеваний «сахарный диабет 1 типа», «бронхиальная астма» трудоустроиться и получать доход выше величины прожиточного минимума.

Суды первой и апелляционной инстанций при рассмотрении исковых требований Б. в результате неправильного применения норм материального права и существенного нарушения норм процессуального права не определили и не установили названные обстоятельства, имеющие значение для дела.

Судебными инстанциями оставлены без внимания и соответствующей правовой оценки доводы Б. о том, что в связи с имеющимися у него заболеваниями (сахарный диабет 1 типа, бронхиальная астма) он в 2013 году был вынужден оставить работу продавца в кондитерской, новую работу, которую он может выполнять по состоянию своего здоровья, не нашел, осуществляет уход за нетрудоспособными гражданами, то есть занимается деятельностью, которая в силу положений ст. 12 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» включается в страховой стаж для назначения пенсии наряду с периодами работы.

Суждение судебных инстанций о том, что причину, по которой у Б. отсутствует доход от трудовой или иной приносящей доход деятельности, нельзя признать независящей от него, поскольку Б. самостоятельно и добровольно выбрал такой род деятельности, как осуществление ухода за нетрудоспособными гражданами, противоречит правовому регулированию спорных отношений. Юридическое значение имеет отсутствие у гражданина возможности по независящим от него причинам получать доход выше величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации, а не факт выбора им профессии и рода деятельности. При этом причину, по которой Б. осуществляет именно такой вид деятельности, суды первой и апелляционной инстанций не установили.

Довод судебных инстанций о том, что Б., несмотря на наличие у него заболевания «сахарный диабет», инвалидом не признан, ограничений к трудовой деятельности не имеет, также нельзя признать правомерным. Судебными инстанциями не учтено, что постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении Перечня социально значимых заболеваний и Перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» заболевание «сахарный диабет» включено в перечень социально значимых заболеваний. С наличием такого заболевания и без критерия инвалидности по этому виду заболевания законодательство субъекта Российской Федерации – Республики Марий Эл связывает

установление повышенной денежной выплаты в качестве государственной социальной помощи (1,5 величины прожиточного минимума).

Судебными инстанциями, указавшими на отсутствие у Б. ограничений к трудовой деятельности, также не принято во внимание, что помимо заболевания «сахарный диабет 1 типа» Б. страдает заболеванием «бронхиальная астма». Обстоятельства, связанные с возможностью Б. с учетом имеющихся у него заболеваний осуществлять деятельность и получать доход выше величины прожиточного минимума, установленного в Республике Марий Эл, судебными инстанциями не исследовались.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Б. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 12-КГ20-4-К6

16. Отсутствие гражданина на день возникновения чрезвычайной ситуации в жилом доме, в котором он постоянно проживает, утраченном в результате такой чрезвычайной ситуации, не лишает его права на получение меры государственной поддержки в виде социальной выплаты на приобретение жилого помещения.

М. обратилась в суд с иском к местной администрации о признании права на получение меры государственной поддержки в виде социальной выплаты на приобретение жилого помещения в составе семьи из одного человека, об обязанности включить в список граждан, лишившихся жилого помещения в результате чрезвычайной ситуации регионального характера, вызванной подтоплением территорий населенных пунктов Краснодарского края вследствие сильных дождей и ливней в октябре 2018 года, имеющих право на получение меры государственной поддержки в денежной форме – в виде социальной выплаты на приобретение жилого помещения.

В обоснование заявленных требований М. указала, что в период с 24 по 25 октября 2018 г. на территории Туапсинского района возникла чрезвычайная ситуация, сложившаяся из-за резкого подъема уровня воды в реках Краснодарского края в результате сильных дождей и ливней.

Дом, в котором проживает М., оказался в зоне чрезвычайной ситуации (подтопления) и получил повреждения, она является собственником 1/5 доли в праве общей собственности на этот жилой дом, постоянно в нем проживает и состоит на регистрационном учете по месту жительства.

Распоряжением местной администрации от 15 ноября 2018 г. названный дом наряду с другими жилыми домами признан непригодным для

проживания в результате произошедшей 24 октября 2018 г. чрезвычайной ситуации.

Впоследствии М. обратилась в местную администрацию с заявлением о включении ее в список граждан, лишившихся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций, имеющих право на получение мер государственной социальной поддержки в денежной форме – в виде социальной выплаты на приобретение жилого помещения (далее также – список граждан, имеющих право на получение социальной выплаты на приобретение жилого помещения).

31 января 2019 г. главой муниципального образования «Туапсинский район» М. отказано во включении в список граждан, имеющих право на получение социальной выплаты на приобретение жилого помещения, по той причине, что в утраченном жилом помещении ей принадлежит на праве общей собственности 1/5 доли, и М. не может быть включена в названный список отдельно, без учета интересов других участников общей долевой собственности и членов их семей, постоянно проживающих в данном доме.

По мнению М., отказ является незаконным, поскольку регулирующими спорные отношения положениями законодательства Краснодарского края не предусмотрено такого основания для отказа в предоставлении социальной выплаты на приобретение жилого помещения, как обращение в уполномоченный орган без согласования с другими собственниками утраченного в результате чрезвычайной ситуации жилого помещения.

Ответчик в суде искимые требования не признал.

Разрешая спор и отказывая М. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции процитировал положения законодательства Краснодарского края и, сославшись на то, что М. на день возникновения чрезвычайной ситуации в названном жилом помещении не проживала, что, по мнению суда первой инстанции, подтверждается пояснениями представителя ответчика, актом обследования жилого помещения, пострадавшего в результате чрезвычайной ситуации, доверенностью, выданной М. в г. Москве 24 января 2019 г. на имя Б., на право представления ее интересов по вопросам, связанным с получением мер социальной поддержки, пришел к выводу об отсутствии у М. права на получение меры государственной поддержки в виде социальной выплаты на приобретение жилого помещения. В связи с изложенным суд первой инстанции также признал законным и обоснованным отказ местной администрации во включении М. в списки граждан на получение меры государственной поддержки в денежной форме – в виде социальной выплаты на приобретение жилого помещения.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, признал содержащиеся в них выводы законными и обоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций ошибочными, основанными на неправильном применении и толковании норм материального и процессуального права, указав в том числе следующее.

Согласно п. 2 ст. 18 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» порядок и условия, виды и размеры компенсаций и социальных гарантий, предоставляемых гражданам Российской Федерации в соответствии с п. 1 ст. 18 данного закона, устанавливаются законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

В Краснодарском крае отношения, связанные с предоставлением за счет средств краевого бюджета мер государственной поддержки по обеспечению жильем (далее – меры государственной поддержки) граждан Российской Федерации, лишившихся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций регионального и межмуниципального характера на территории Краснодарского края, урегулированы Законом Краснодарского края от 3 июля 2015 г. № 3210-КЗ «О мерах государственной поддержки по обеспечению жильем граждан, лишившихся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций» и Порядком предоставления меры государственной поддержки в денежной форме – в виде социальной выплаты на приобретение жилого помещения гражданам, лишившимся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций регионального и межмуниципального характера на территории Краснодарского края, утвержденным постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 21 сентября 2015 г. № 891 (в редакции, действовавшей на момент чрезвычайной ситуации 24 октября 2018 г.; далее также – Порядок предоставления меры государственной поддержки на территории Краснодарского края).

Согласно положениям названных нормативных правовых актов Краснодарского края обязательными условиями для получения гражданами названной выплаты являются: постоянное проживание гражданина на момент возникновения чрезвычайной ситуации в жилом помещении, расположенном в зоне чрезвычайной ситуации, которое пострадало в результате чрезвычайной ситуации; регистрация гражданина по месту жительства в этом жилом помещении; признание жилого помещения в установленном порядке непригодным для проживания вследствие чрезвычайной ситуации; отсутствие у гражданина, лишившегося жилого помещения, в собственности иного жилого помещения; неполучение гражданином, лишившимся жилого помещения, иных мер поддержки по обеспечению жильем в связи с утратой этого жилого помещения в результате чрезвычайной ситуации.

Право на получение социальной выплаты носит заявительный характер, предусматривающий обращение гражданина с заявлением о

включении его в список граждан, лишившихся жилого помещения в результате чрезвычайной ситуации и имеющих право на получение мер государственной поддержки. При этом перечень оснований для отказа во включении в названный список является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Суды первой и апелляционной инстанций, отказывая М. в удовлетворении исковых требований о включении ее в список граждан, лишившихся жилого помещения в результате чрезвычайной ситуации и имеющих право на получение мер государственной поддержки в виде социальной выплаты, положения приведенных нормативных правовых актов, определяющих условия и порядок предоставления данной выплаты, не учли, к спорным отношениям их не применили.

Как следствие, суды первой и апелляционной инстанций не установили обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения спора о наличии у М. права на получение социальной выплаты, а именно: проживала ли М. на момент возникновения чрезвычайной ситуации в принадлежащем ей на праве собственности жилом помещении постоянно или ее проживание в этом жилом помещении носило временный характер; являлось ли это жилое помещение единственным жильем М.; были ли представлены М. в уполномоченный орган местного самоуправления все необходимые документы для решения вопроса о включении ее в список граждан, лишившихся жилого помещения и имеющих право на получение государственной социальной поддержки в виде социальной выплаты; предоставлялись или нет М. иные меры поддержки по обеспечению жильем в связи с утратой ею этого жилого помещения.

В нарушение ч. 2 ст. 56 и ч. 1 ст. 196 ГПК РФ суды первой и апелляционной инстанций не определили эти обстоятельства в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, не включили их в предмет доказывания и, соответственно, не дали этим обстоятельствам правовой оценки.

Делая вывод об отсутствии у М. права на получение государственной поддержки в виде социальной выплаты со ссылкой на то, что М. на день возникновения чрезвычайной ситуации в жилом доме, пострадавшем в результате чрезвычайной ситуации, не проживала, суды первой и апелляционной инстанций не приняли во внимание, что правовое значение в данном случае имеет факт именно постоянного проживания в данном жилом помещении на момент чрезвычайной ситуации. Временное же отсутствие гражданина в жилом помещении, утраченном в результате чрезвычайной ситуации, не лишает его права на получение мер государственной поддержки.

В нарушение ст. 67, 71 ГПК РФ судами первой и апелляционной инстанций не дана оценка тому обстоятельству, что в спорном жилом помещении М. зарегистрирована по месту жительства постоянно с 2003 года, при том что регистрация гражданина по месту жительства в жилом

помещении, утраченном в результате чрезвычайной ситуации, является по нормам законодательства Краснодарского края одним из условий для получения социальной выплаты.

Вывод судебных инстанций об отсутствии факта проживания М. на день чрезвычайной ситуации в указанном жилом помещении со ссылкой на акт обследования жилого помещения, пострадавшего в результате чрезвычайной ситуации, является ошибочным, поскольку названный акт составляется по результатам обследования объекта недвижимости на предмет его технического состояния и пригодности проживания в нем. Также несостоятельна ссылка судебных инстанций в обоснование данного вывода на доверенность, выданную М. в г. Москве, на имя Б. с правом представления интересов М. по вопросам, связанным с получением мер социальной поддержки, поскольку данная доверенность оформлена М. 24 января 2019 г., в то время как чрезвычайная ситуация имела место в октябре 2018 года.

Судами первой и апелляционной инстанций оставлено без внимания и правовой оценки и то обстоятельство, что при отказе в удовлетворении заявления М. о включении ее в соответствующий список вопрос фактического постоянного проживания М. в жилом помещении, утраченном в результате чрезвычайной ситуации, уполномоченным органом местного самоуправления не ставился.

Кроме того, судами первой и апелляционной инстанций при разрешении спора по существу были допущены также иные существенные нарушения норм процессуального права.

Согласно ч. 2 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение по заявленным истцом требованиям. Однако суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных федеральным законом.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», заявленные требования рассматриваются и разрешаются по основаниям, указанным истцом, а также по обстоятельствам, вынесенным судом на обсуждение в соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ.

Как усматривается из материалов дела, местной администрацией М. было отказано в удовлетворении ее заявления о включении в список граждан, имеющих право на получение социальной выплаты на приобретение жилого помещения, по причине того, что в утраченном жилом помещении М. принадлежит на праве собственности 1/5 доли и она не может быть включена в названный список отдельно, без учета интересов других участников общей долевой собственности и членов их семей, постоянно проживающих в данном доме.

Полагая отказ во включении ее в список незаконным и обращаясь в суд с названным иском, М. указывала на то, что нормами Закона Краснодарского края от 3 июля 2015 г. № 3210-КЗ и Порядка предоставления меры государственной поддержки на территории Краснодарского края не предусмотрено такого основания для отказа в предоставлении социальной

выплаты на приобретение жилого помещения, как обращение в уполномоченный орган без согласования с другими собственниками.

Однако в нарушение положений ч. 3 ст. 196 ГПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном решении» данные требования М. разрешены не были, правомерность отказа местной администрации М. во включении ее в список по причине того, что она является собственником 1/5 доли в праве собственности на жилой дом и не может быть включена в списки граждан, имеющих право на получение мер государственной поддержки, отдельно, без учета интересов других участников общей долевой собственности и членов их семей, постоянно проживающих в этом жилом доме, судом не проверена, эти обстоятельства, имеющие значение для дела, на обсуждение сторон спора судом не выносились и предметом рассмотрения не являлись.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе М. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГ20-70-К4

Процессуальные вопросы

17. Территориальные органы Пенсионного фонда Российской Федерации освобождаются от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, в случаях когда они выступают в судебном процессе в защиту государственных интересов в сфере государственного регулирования обязательного пенсионного страхования, назначения и выплаты пенсий по государственному пенсионному обеспечению и страховых пенсий по старости.

Ш. обратился в суд с иском к территориальному органу Пенсионного фонда Российской Федерации (далее также – пенсионный орган) о признании незаконным решения об отказе в досрочном назначении страховой пенсии по старости, об обязанности включить в специальный стаж периоды работы и досрочно назначить страховую пенсию по старости.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, исковые требования Ш. удовлетворены частично.

Не согласившись с решением суда первой инстанции и апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда,

пенсионный орган обратился в судебную коллегия по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции с кассационной жалобой. В кассационной жалобе содержалась просьба об освобождении пенсионного органа от уплаты государственной пошлины при подаче кассационной жалобы в соответствии с подп. 19 п. 1 ст. 333³⁶ НК РФ (освобождение государственных органов, выступающих по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, в качестве истцов или ответчиков, от уплаты государственной пошлины).

Отказывая в удовлетворении ходатайства пенсионного органа об освобождении от уплаты государственной пошлины при подаче кассационной жалобы и оставляя кассационную жалобу пенсионного органа на основании ч. 1 ст. 378² ГПК РФ без движения, как поданную с нарушением требований, установленных ч. 7 ст. 378 ГПК РФ, судья кассационного суда общей юрисдикции исходил из того, что Пенсионный фонд Российской Федерации не отнесен к органам исполнительной власти, Пенсионный фонд Российской Федерации и его территориальные органы являются юридическими лицами с организационно-правовой формой – государственные учреждения и они не наделены статусом государственного органа, в связи с чем территориальному органу Пенсионного фонда Российской Федерации не может быть предоставлена льгота по освобождению от уплаты государственной пошлины, предусмотренная подп. 19 п. 1 ст. 333³⁶ НК РФ.

Поскольку к кассационной жалобе пенсионного органа не был приложен документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, судья кассационного суда общей юрисдикции установил заявителю срок для устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления кассационной жалобы без движения, – до 26 декабря 2019 г.

Определением от 9 января 2020 г. судья кассационного суда общей юрисдикции возвратил кассационную жалобу пенсионного органа без рассмотрения по существу на основании п. 1 ч. 1 ст. 379¹ ГПК РФ ввиду того, что пенсионным органом не устранены в установленный определением об оставлении кассационной жалобы без движения срок (до 26 декабря 2019 г.) обстоятельства, послужившие основанием для оставления кассационной жалобы без движения.

Судебная коллегия по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции согласилась с выводами судьи кассационного суда общей юрисдикции, изложенными в определении от 26 ноября 2019 г. об оставлении кассационной жалобы пенсионного органа без движения и в определении от 9 января 2020 г. о возвращении кассационной жалобы пенсионного органа без рассмотрения по существу.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала существенно нарушающими нормы права выводы судьи кассационного суда общей юрисдикции и судебной коллегии

по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции об оставлении без движения кассационной жалобы пенсионного органа и о возвращении кассационной жалобы без рассмотрения по существу в связи с непредставлением пенсионным органом в суд документа, подтверждающего уплату государственной пошлины.

В силу подп. 19 п. 1 ст. 333³⁶ НК РФ от уплаты государственной пошлины освобождаются государственные органы, органы местного самоуправления, выступающие по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, в качестве истцов (административных истцов) или ответчиков (административных ответчиков).

В соответствии с пп. 1, 2 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России), утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2122-1, Пенсионный фонд Российской Федерации (России) образован в целях государственного управления финансами пенсионного обеспечения в Российской Федерации. Пенсионный фонд Российской Федерации и его денежные средства находятся в государственной собственности Российской Федерации. Денежные средства Пенсионного фонда Российской Федерации не входят в состав бюджетов, других фондов и изъятию не подлежат.

Средства Пенсионного фонда Российской Федерации направляются на выплату в соответствии с действующим на территории Российской Федерации законодательством, межгосударственными и международными договорами государственных пенсий в том числе гражданам, выезжающим за пределы Российской Федерации (абзац второй п. 6 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации).

Указом Президента Российской Федерации от 27 сентября 2000 г. № 1709 «О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации» в целях совершенствования управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации за Пенсионным фондом Российской Федерации и его территориальными органами закреплены полномочия по выплате государственных пенсий (п. 1 названного Указа Президента Российской Федерации).

Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 167-ФЗ), как следует из его преамбулы, устанавливает организационные, правовые и финансовые основы обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации.

Частью 1 ст. 5 Федерального закона № 167-ФЗ установлено, что обязательное пенсионное страхование в Российской Федерации осуществляется страховщиком, которым является Пенсионный фонд Российской Федерации. Пенсионный фонд Российской Федерации (государственное учреждение) и его территориальные органы составляют

единую централизованную систему органов управления средствами обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации, в которой нижестоящие органы подотчетны вышестоящим.

Пенсионный фонд Российской Федерации обязан обеспечивать целевое использование средств обязательного пенсионного страхования, а также осуществлять контроль за их использованием, в том числе на основе данных индивидуального (персонифицированного) учета (абзац восьмой п. 2 ст. 13 Федерального закона № 167-ФЗ).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 3 постановления от 25 июня 2001 г. № 9-П, Пенсионный фонд Российской Федерации выполняет, по сути, функции страховщика, осуществляющего оперативное управление средствами обязательного (государственного) пенсионного страхования, и обеспечивает назначение и своевременную выплату государственных пенсий. Следовательно, Пенсионный фонд Российской Федерации наделен публично-властными полномочиями по обеспечению конституционного права на государственную пенсию, в том числе полномочием по назначению указанных пенсий, именно законом и такие полномочия относятся к сфере функционирования исполнительной власти и ее органов.

Как следует из материалов дела, причиной обращения Ш. в суд с иском явилось его несогласие с решением пенсионного органа об отказе в досрочном назначении ему страховой пенсии по старости.

Таким образом, исходя из приведенного выше участие пенсионного органа в рассмотрении данного дела в качестве ответчика, а также последующее обжалование вынесенных по делу судебных постановлений в апелляционном и кассационном порядке обусловлено осуществлением пенсионным органом публично-властных полномочий, направленных на защиту государственных интересов в сфере государственного регулирования обязательного пенсионного страхования, назначения и выплаты пенсий по государственному пенсионному обеспечению и страховых пенсий по старости в Российской Федерации, в связи с чем при подаче кассационной жалобы пенсионный орган в соответствии с положениями подп. 19 п. 1 ст. 333³⁶ НК РФ подлежит освобождению от уплаты государственной пошлины.

Указанная правовая позиция подтверждена в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 г. № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации», согласно которому признан утратившим силу п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии», ранее разъяснивший, что Пенсионный фонд Российской Федерации не относится к государственным

органам, которые в силу подп. 19 п. 1 ст. 333³⁶ НК РФ при обращении в суд освобождаются от уплаты государственной пошлины.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления кассационного суда общей юрисдикции и направила кассационную жалобу пенсионного органа с делом в кассационный суд общей юрисдикции для выполнения требований ст. 378¹ ГПК РФ и принятия кассационной жалобы к производству суда кассационной инстанции.

Определение № 16-КГ20-11-К4

18. Пользователь социальной сети вправе подать иск к иностранной организации – оператору социальной сети по месту исполнения пользовательского соглашения на территории Российской Федерации.

Т., Р., М. и Ц. обратились в суд с иском к иностранной организации – оператору социальной сети, пользователями которой они являются, о возложении на ответчика обязанности совершить определенные действия, просили запретить ответчику немотивированную блокировку и удаление аккаунтов, запретить сбор без согласия пользователей их персональных данных, обязать ответчика предоставить возможность обжалования действий администратора сети, производить возврат авторских материалов, публикаций и фотографий в случае их удаления, а также восстановить аккаунты истцов.

Истцы ссылались на то, что в нарушение условий публичной оферты, а также права на свободу выражения мнений и их авторских прав ответчик удалял отдельные сообщения истцов, блокировал и удалял их аккаунты.

Кроме того, по мнению истцов, ответчик незаконно осуществлял сбор их персональных данных, выходящих за пределы условий пользования названной социальной сетью.

Возвращая исковое заявление на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ по мотиву его неподсудности данному суду, судья указал, что истцы потребителями по отношению к ответчику не являются, какие-либо услуги ответчик истцам не оказывал, а значит, никаких правоотношений между сторонами по делу не возникло.

Судья также указал, что из четырех истцов только Т. проживает на территории, относящейся к юрисдикции этого суда, остальные истцы правом на обращение в данный суд не обладают.

Оставляя без изменения определение судьи, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что в соответствии со ст. 28 ГПК РФ иск к организации предъявляется в суд по месту ее нахождения, а в данном случае ответчик является иностранным юридическим лицом, сведений о наличии у

него на территории Российской Федерации представительства либо какого-нибудь имущества не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по кассационной жалобе Т. отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в части возвращения его искового заявления и направила материалы в этой части в суд первой инстанции для разрешения вопроса о принятии искового заявления к производству суда, указав следующее.

В обоснование иска Т. ссылаясь на то, что между ним и ответчиком имеют место правоотношения, возникшие из договора (пользовательского соглашения).

В соответствии с ч. 3 ст. 402 ГПК РФ суды в Российской Федерации вправе рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если: ответчик распространяет рекламу в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», направленную на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации (п. 2); иск вытекает из договора, по которому полное или частичное исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации (п. 6); по делу о защите прав субъекта персональных данных истец имеет место жительства в Российской Федерации (п. 10).

В силу ч. 1 ст. 402 ГПК РФ, если иное не установлено правилами гл. 44 этого кодекса, подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации определяется по правилам гл. 3 данного кодекса.

В силу положений ст. 28 ГПК РФ иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика. Иск к организации предъявляется в суд по адресу организации.

Однако в соответствии со ст. 29 названного кодекса иски о защите прав субъекта персональных данных, в том числе о возмещении убытков и (или) компенсации морального вреда, могут предъявляться в суд по месту жительства истца (ч. 6¹); иски, вытекающие из договоров, в которых указано место их исполнения, могут быть предъявлены в суд по месту исполнения такого договора (ч. 9).

Выбор между несколькими судами, которым согласно названной статье подсудно дело, принадлежит истцу (ч. 10).

По смыслу разъяснения, содержащегося в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (абзац третий п. 3), в отсутствие применимых для суда Российской Федерации правил территориальной подсудности подсудность спора, стороной которого является иностранное лицо, определяется правилами о компетенции судов Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц.

Иск заявителя обоснован тем, что ответчик осуществлял незаконный сбор его персональных данных, а также распространял рекламу, направленную на привлечение внимания пользователей, находящихся в Российской Федерации. По мнению заявителя, спор вытекает из договора пользования социальной сетью, исполнение по которому должно осуществляться по месту нахождения пользователя на территории Российской Федерации.

При таких обстоятельствах выводы судебных инстанций об отсутствии между сторонами правоотношений, об отсутствии у судов Российской Федерации компетенции по разрешению данного спора, а также об отсутствии применимых правил внутригосударственной территориальной подсудности противоречат приведенным выше нормам процессуального права.

Кроме того, при рассмотрении дела судами первой и апелляционной инстанций не были учтены положения ст. 32 и 404 ГПК РФ, в связи с чем и не обсуждался вопрос о том, содержит ли соглашение сторон о пользовании социальной сетью какие-либо условия о подсудности спора, не противоречащие закону.

Определение № 5-КГ20-49

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)

19. Неоплата долга кредитором по конкретному договору сама по себе не свидетельствует об объективном банкротстве должника, в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения его руководителя в суд с заявлением о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве должника общество, являющееся его конкурсным кредитором, обратилось в арбитражный суд с заявлением о привлечении руководителя должника к субсидиарной ответственности по денежным обязательствам, возникшим после истечения срока для обращения в суд с заявлением о признании должника банкротом.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражных судов апелляционной инстанции и округа, заявление удовлетворено. Суды установили основания для привлечения руководителя должника к субсидиарной ответственности исходя из того, что он не обратился в суд с заявлением о банкротстве в течение месяца с момента появления у должника признаков

неплатежеспособности. При этом принято во внимание решение суда по другому делу, которым с должника взыскана задолженность по договору субподряда.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 2 ст. 10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) (в редакции, действовавшей в спорный период) и разъяснений, данных в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц к ответственности при банкротстве», при исследовании совокупности обстоятельств, входящих в предмет доказывания по спорам о привлечении руководителей к ответственности, предусмотренной названной нормой, следует учитывать, что обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

Таким образом, для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по упомянутым основаниям установление момента подачи заявления о банкротстве должника приобретает существенное значение, учитывая, что момент возникновения такой обязанности в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов.

Устанавливая момент, с которым Закон о банкротстве связывает обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве должника, суды первой и апелляционной инстанций ограничились лишь оценкой сведений, содержащихся в представленном в материалы дела реестре требований кредиторов должника. Согласно данным сведениям, у должника имеются неисполненные обязательства по договору субподряда, подтвержденные вступившим в законную силу судебным актом по другому делу. Учитывая обстоятельства названного дела, суды сочли, что признаки неплатежеспособности возникли у должника по истечении предусмотренного упомянутым договором гарантийного срока после подписания актов о приемке выполненных работ.

Согласно абзацу тридцать четвертому ст. 2 Закона о банкротстве для целей данного закона под неплатежеспособностью понимается прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств.

В рассматриваемом случае суды ошибочно отождествили неплатежеспособность с неоплатой конкретного долга отдельному кредитору. Указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует об объективном банкротстве (критическом моменте, когда должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей), в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения руководителя в суд с заявлением о банкротстве.

В то же время установление момента возникновения обязанности по обращению в суд с таким заявлением напрямую связано с определением размера субсидиарной ответственности руководителя, которая, по общему правилу, ограничивается объемом обязательств перед кредиторами, возникших после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве.

В своих возражениях руководитель должника в том числе ссылаясь на то, что в спорный период общество осуществляло нормальную хозяйственную деятельность, о чем свидетельствует имеющаяся в материалах дела бухгалтерская отчетность. Признаки неплатежеспособности появились только в 2015 году в связи с отказом крупных заказчиков от исполнения договоров и оплаты оказанных услуг. В 2012–2014 годах общество производило расчеты с поставщиками и подрядчиками в размере, многократно превышающем упомянутую задолженность по договору субподряда, которая образовалась в результате наличия спора о качестве выполненных работ, а не в связи с недостаточностью денежных средств.

Приведенным доводам и представленным доказательствам суды правовой оценки не дали.

Таким образом, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора обстоятельства судами первой и апелляционной инстанций не устанавливались, а суд округа указанные недостатки не устранил.

Определение № 305-ЭС20-11412

20. В случае банкротства застройщика наличие правоприязаний нескольких лиц в отношении одного и того же объекта недвижимости само по себе не препятствует включению их требований в реестр требований кредиторов, если дольщик представил заключенный с застройщиком договор и документы, подтверждающие внесение платы по договору.

Между должником (застройщиком) и дольщиком заключен договор участия в долевом строительстве, по условиям которого застройщик обязался в предусмотренный договором срок передать дольщику однокомнатную и трехкомнатную квартиры, а дольщик – оплатить их стоимость.

Во исполнение обязательства по оплате между должником (цессионарием) и дольщиком (цедентом) заключен договор уступки права требования (цессии), в соответствии с которым право требования задолженности руководителя должника перед дольщиком по договору займа, подтвержденное решением суда общей юрисдикции, уступлено дольщиком в пользу должника. Недостающие денежные средства внесены дольщиком в кассу.

Решением суда общей юрисдикции суд обязал произвести регистрацию спорного договора, однако Росреестр приостановил регистрацию ввиду изменения проектной документации дома и установления факта регистрации прав на спорные помещения за иными лицами.

В иске дольщика о признании недействительными договоров участия в долевом строительстве многоквартирного дома, заключенных должником с иными лицами в отношении спорных квартир, отказано.

Приговором суда общей юрисдикции в порядке гражданского иска с руководителя должника в пользу дольщика в счет возмещения ущерба, причиненного преступлением, взыскана стоимость двух спорных квартир. Данным судебным актом установлена вина руководителя должника в совершении мошенничества в отношении дольщика.

В рамках дела о банкротстве должника (застройщика) дольщик обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов требования о передаче двух квартир и неустойки.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражных судов апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении заявления отказано. При принятии решения суды исходили из отсутствия у дольщика прав на спорные квартиры и права требования неустойки за нарушение сроков их передачи, поскольку имеются правовые притязания иных лиц на указанные объекты и установлен факт взыскания с руководителя должника уплаченной дольщиком по договору участия в долевом строительстве стоимости жилых помещений.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Материально-правовой интерес лица при заключении договора долевого участия в строительстве многоквартирного дома заключается в приобретении по окончании строительства предусмотренного договором жилого помещения. После возбуждения в отношении застройщика процедуры банкротства защиту такого интереса в частности обеспечивают положения параграфа 7 гл. IX Закона о банкротстве.

Статус участника строительства многоквартирного дома в случае несостоятельности застройщика гарантирует последнему приоритетное удовлетворение требований по отношению к другим кредиторам, а также возможность участия в принятии решений, в том числе в отношении объекта незавершенного строительства, создания жилищно-строительного

кооператива или иного специализированного потребительского кооператива (ст. 201⁹, 201¹⁰ Закона о банкротстве).

Для признания лица, обратившегося с требованием о включении в реестр требований о передаче жилых помещений, участником строительства необходимо соблюдение следующих условий: наличие связывающего с застройщиком - должником договорного обязательства о передаче квартиры в будущем (прав на нее) и фактическая передача застройщику денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома (подп. 3 п. 1, п. 6 ст. 201¹, ст. 201⁷ Закона о банкротстве в редакции, применимой к спорным правоотношениям).

По смыслу приведенных норм права, при рассмотрении вопроса об обоснованности данного требования суду достаточно проверить наличие формальных оснований на момент обращения кредитора с соответствующим заявлением, включая установление размера предоставленного им по сделке исполнения. Вопрос о возможности фактического исполнения застройщиком обязательства по передаче жилого помещения (ст. 201¹¹ Закона о банкротстве) на этой стадии разрешению не подлежит. При этом правопритязание нескольких лиц в отношении одного и того же объекта недвижимости само по себе не препятствует включению их требований о передаче жилого помещения в реестр требований кредиторов в случае, если таковые обоснованы и подтверждены надлежащими доказательствами.

Обращаясь с данным требованием в арбитражный суд, дольщик представил заключенный с должником договор участия в долевом строительстве, а также документы, подтверждающие оплату по договору (договор уступки и квитанцию к приходному кассовому ордеру).

Не давая оценки представленным доказательствам, суды сослались лишь на установленные судебным актом суда общей юрисдикции обстоятельства совершения руководителем должника мошеннических действий в отношении дольщика и на факт взыскания в пользу последнего убытков, причиненных преступлением. Суды также указали на приобретение прав на спорные жилые помещения за иными лицами.

Однако присуждение к взысканию с руководителя должника в пользу дольщика убытков, причиненных преступлением, не освобождает должника от исполнения принятых на себя по договору гражданско-правовых обязательств, учитывая, что доказательств полного возмещения ущерба не представлено. Равным образом отсутствие регистрации договора долевого строительства не лишает добросовестного участника строительства, оплатившего жилое помещение, права требования к застройщику.

Как пояснил в судебном заседании представитель дольщика, до настоящего времени спорный многоквартирный дом в эксплуатацию не введен, расчеты с кредиторами третьей очереди не производились.

Уклонившись от проверки обоснованности заявленного дольщиком требования, суды тем самым лишили последнего статуса участника строительства без должных к тому оснований.

Определение № 301-ЭС20-11581

21. Конкурсные кредиторы имеют право на получение мораторных процентов, не взысканных в составе субсидиарной ответственности за счет контролирующего лица, если конкурсная масса должника позволяет осуществить такую выплату, то есть установлена достаточность имущества самого должника, а не привлеченного к ответственности контролирующего лица.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о разрешении разногласий, которые возникли с уполномоченным органом по вопросу распределения денежных средств, полученных в результате исполнения определения суда о привлечении собственника имущества к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, а именно: об очередности удовлетворения мораторных процентов.

Конкурсный управляющий просил установить следующий порядок удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований должника: «после удовлетворения требований кредиторов по денежным обязательствам и уплате обязательных платежей, до расчетов по штрафам, пеням и иным санкциям, подлежат уплате требования кредиторов по мораторным процентам, начисленным за период наблюдения и конкурсного производства».

В свою очередь, уполномоченный орган указывал на то, что мораторные проценты подлежат оплате после погашения требований кредиторов, включенных в реестр и учтенных в составе (размере) субсидиарной ответственности по обязательствам должника, в том числе штрафов, пеней и иных санкций, при достаточности денежных средств на выплату таких процентов.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, разногласия разрешены в пользу позиции уполномоченного органа.

Арбитражный суд округа вышеуказанные судебные акты отменил, указав, что оплата мораторных процентов производится до расчетов по штрафам, пеням и иным санкциям, а также до погашения зарегистрированных требований кредиторов. Взыскание с контролирующего должника лица субсидиарной ответственности вне учета мораторных процентов или текущей задолженности не является основанием для отступления от установленной законодательством о банкротстве очередности удовлетворения требований кредиторов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Субсидиарная ответственность по обязательствам должника является формой ответственности контролирующего должника лица за доведение до банкротства, вред в таком случае причиняется кредиторам в результате деликта контролирующего лица – неправомерного вмешательства в деятельность должника, вследствие которого должник теряет способность исполнять свои обязательства.

Размер субсидиарной ответственности контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица определен в п. 11 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве (п.4 ст.10 Закона о банкротстве в предыдущей редакции) и равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся непогашенными по причине недостаточности имущества должника. Таким образом, в размер субсидиарной ответственности включается размер непогашенных требований кредиторов, что и является предполагаемым объемом вреда, который причинен контролирующим должника лицом.

В рассматриваемом случае вступившим в законную силу судебным актом размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица установлен без учета задолженности по мораторным либо иным процентам. Следовательно, состав требований, подлежащих включению в размер этой ответственности, не может быть пересмотрен при рассмотрении названного обособленного спора, в связи с чем вопрос о включении в размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица процентов, штрафов, пеней, начисленных на сумму основного долга за период после введения первой процедуры банкротства, необходимость (возможность) взыскания которых прямо не установлена в вышеуказанных нормах права, не является предметом данного рассмотрения.

После удовлетворения иска о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности п. 2 ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве кредиторам предоставлено полномочие выбрать один из способов распоряжения требованием к контролирующему лицу: взыскание задолженности по этому требованию в рамках процедуры, применяемой в деле о банкротстве; продажа этого требования по правилам Закона о банкротстве; уступка кредитором части этого требования в размере требования кредитора.

Указанная норма Закона о банкротстве, устанавливающая механизм распоряжения кредиторами правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности, имеет процессуальный характер и подлежит применению с момента вступления в силу независимо от применения

редакции нормы Закона о банкротстве, устанавливающей материальные основания для привлечения к субсидиарной ответственности (ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и абзац третий п. 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2010 г. № 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Применительно к рассматриваемой ситуации, при подходе, занятом судом округа и исходящем из сохранения общей очередности удовлетворения требований кредиторов должника за счет средств, поступивших от взыскания субсидиарной ответственности, объем причитающегося кредитору, заявившему требования после закрытия реестра, будет различаться в зависимости от способа (процедуры) взыскания. Так, такой кредитор, избравший способ распоряжения принадлежащим ему правом требования в виде уступки, предусмотренной подп. 3 п. 2 ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве, получит фактическое удовлетворение. И наоборот, тот же кредитор, доверивший получение исполнения по своему требованию конкурсному управляющему должником – профессиональному антикризисному менеджеру – может остаться без его удовлетворения, несмотря на то, что оно вошло в состав субсидиарной ответственности и признано судом законным и обоснованным.

По убеждению судебной коллегии, выбор кредитором того или иного способа распоряжения своим правом (что относится к реализации процессуальных полномочий) не должен влиять на размер его удовлетворения и не может являться основанием для удовлетворения требований одних кредиторов за счет других.

Таким образом, судебная коллегия соглашается с выводом суда апелляционной инстанции о том, что конкурсные кредиторы имеют право на получение мораторных процентов, не взысканных в составе субсидиарной ответственности за счет контролирующего лица, если конкурсная масса должника позволяет осуществить такую выплату, то есть установлена достаточность имущества самого должника, а не привлеченного к ответственности контролирующего лица, в то время как вывод суда округа о выплате таких мораторных процентов до погашения зарегистрированных требований является ошибочным.

Учитывая изложенное, выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что оплата мораторных процентов производится после полного погашения требований кредиторов должника, включенных в реестр требований кредиторов, и после погашения требований кредиторов, чьи требования учтены за реестром, в том числе после погашения в полном

объеме требований в части суммы неустоек, пеней, штрафов и иных санкций являются правомерными, а у суда округа отсутствовали основания для отмены указанных судебных актов.

Определение № 309-ЭС20-10487

22. Сделка, направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара или связанного с ним лица, может прикрываться цепочкой последовательных притворных сделок купли-продажи с разным субъектным составом. Такая цепочка прикрываемых притворных сделок является недействительной на основании п. 2 ст. 170 ГК РФ, а прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве.

Должник заключил с индивидуальным предпринимателем Т. договор купли-продажи объектов недвижимости. Переход права собственности зарегистрирован.

Соглашением о переводе долга стороны изменили порядок оплаты объектов недвижимости, указав, что оплата по договору купли-продажи производится посредством погашения индивидуальным предпринимателем Т. за должника задолженности по кредитным договорам должника с банком.

Впоследствии должник признан несостоятельным (банкротом), открыта процедура конкурсного производства.

Решением суда общей юрисдикции произведен раздел совместного имущества между индивидуальным предпринимателем Т. и его супругой, по которому объекты недвижимости перешли в собственность супруги. Зарегистрировав переход права собственности на объекты недвижимости, она в тот же день внесла их в качестве вклада в уставный капитал общества, став его участником с долей 99,99%, а само общество стало собственником объектов недвижимости.

Ссылаясь на отчуждение объектов недвижимости должником в отсутствие равноценного встречного исполнения и во вред кредиторам, конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными цепочки сделок.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражных судов апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении заявления отказано. Руководствуясь п. 1 и 2 ст. 61² Закона о банкротстве и приняв во внимание заключение судебной экспертизы, суды пришли к выводу о недоказанности неравноценности встречного исполнения, учитывая, что стоимость объектов недвижимости по сделке незначительно отклоняется в сторону уменьшения от его рыночной стоимости. Суды также не установили наличие умысла на причинение вреда имущественным интересам кредиторов должника и осведомленность индивидуального предпринимателя Т. о том, что в результате сделки по

отчуждению объектов недвижимости будет причинен имущественный вред иным кредиторам должника.

Кредитор и уполномоченный орган (далее – заявители) обратились в Верховный Суд Российской Федерации с кассационными жалобами.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

При отчуждении имущества должника в преддверии его банкротства и последующем оформлении передачи права собственности на данное имущество от первого приобретателя к иным лицам по цепочке сделок возможна ситуация, когда создается лишь видимость вовлечения имущества должника в гражданский оборот, иллюзия последовательного перехода права собственности на него от одного собственника другому (оформляются притворные сделки), а в действительности совершается одна единственная (прикрываемая) сделка – сделка по выводу активов во избежание обращения взыскания со стороны кредиторов. Имущество после отчуждения его должником все время находится под контролем бенефициара данной сделки, он принимает решения относительно данного имущества.

Таким образом, цепочкой последовательных притворных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться одна сделка, направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара или связанного с ним лица. Такая цепочка прикрываемых притворных сделок является недействительной на основании п. 2 ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве.

Следовательно, существенное значение для правильного рассмотрения данного обособленного спора, исходя из заявленных оснований оспаривания, имели обстоятельства, касающиеся установления наличия (отсутствия) факта притворности последовательных сделок купли-продажи, реальности передачи фактического контроля над объектами недвижимости конечному покупателю, для чего необходимо определить намерения сторон: соответствовала ли их воля волеизъявлению, выраженному во вне посредством оформления документов, формально свидетельствующих о совершении не одной, а нескольких сделок.

Заявители, поддерживая требования конкурсного управляющего должником о признании сделок недействительными, указывали на то, что в результате совершения оспариваемых сделок контроль над объектами недвижимости продолжали осуществлять те же лица, конечный бенефициар не изменился.

В обоснование своих доводов заявители и конкурсный управляющий ссылались на поведение участников рассматриваемых правоотношений (индивидуального предпринимателя Т. и единственного участника должника – Г.), их фактическую заинтересованность и общность

экономических интересов, обстоятельства, при которых оспариваемые сделки были совершены и которые им предшествовали.

На фактическую заинтересованность индивидуального предпринимателя Т. и единственного участника должника Г. указывали не только обстоятельства совместного учредительства в ряде юридических лиц, но и заключение между собой сделок и их фактическое исполнение на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка.

По запросу суда первой инстанции в материалы дела представлены выписки из Единого государственного реестра недвижимости о переходе прав на объекты недвижимости, являющиеся предметом указанного спора, из которых следует, например, что первым правообладателем одного из объектов недвижимости являлся индивидуальный предприниматель Т., спустя три дня его собственником становится единственный участник должника Г., затем право собственности переходит к должнику, а спустя три года правообладателем вновь оказывается индивидуальный предприниматель Т. на основании оспариваемого договора купли-продажи. Иные объекты недвижимости также меняли своих правообладателей из указанного круга лиц (индивидуальный предприниматель Т., единственный участник должника Г., должник), пока в результате раздела совместного имущества супругов не перешли в собственность супруги индивидуального предпринимателя Т. и не были внесены ею в уставный капитал общества.

Вместе с тем информация из запрошенных судом документов не нашла отражения и оценки в обжалуемых судебных актах.

Остался без судебной проверки довод заявителя о том, что исполнение обязательств по кредитным договорам с банком было обеспечено залогом иного недвижимого имущества, принадлежащего индивидуальному предпринимателю Т., исключение обращения взыскания на которое и явилось основанием для заключения им и должником договора перевода долга и изменения порядка оплаты оспариваемого договора купли-продажи. Экономическая выгода от совершения данных сделок получена не должником, а индивидуальным предпринимателем Т. Погасив в преимущественном порядке обязательства перед банком с привлечением денежных средств заинтересованного лица, неплатежеспособный должник, с одной стороны, создал видимость совершения сделки на рыночных условиях, блокирующей пороки подозрительности, а, с другой стороны, в преддверии собственного банкротства окончательно стал отвечать признакам недостаточности имущества, передав свой единственный актив члену той же группы, которая его контролировала ранее, сделав невозможным погашение требований прочих кредиторов. Заявители указывают, что подобная слаженность действий свидетельствует о наличии доверительных отношений между участниками сделок, недоступных обычным (независимым) участникам рынка.

Суды ограничились формальными выводами о недоказанности неравноценного встречного предоставления, опираясь на результаты

проведенной по делу судебной экспертизы. Экспертное заключение составлено с использованием сравнительного метода определения рыночной стоимости объектов недвижимости, когда в качестве объектов сравнения экспертом выбраны три аналогичных объекта недвижимости. Довод кредитора о несопоставимости объектов-аналогов со спорными объектами недвижимости не нашел своего отражения в судебных актах. Как не дана оценка отчету об оценке объектов недвижимости, по которому общая стоимость объектов недвижимости, определенная с использованием доходного метода, значительно выше. Указанный отчет сделан по заказу самого должника, а доходный метод определения рыночной стоимости использован в связи с тем, что основным источником доходов от деятельности самого крупного объекта в оспариваемых сделках является сдача помещений в аренду.

В ситуации, когда в дело представлены несколько заключений экспертных организаций с обоснованием различной стоимости спорного объекта, на суде лежит обязанность устранить имеющиеся противоречия либо посредством предоставления предпочтения одному из заключений с указанием мотивов непринятия результатов другого (ввиду наличия у него пороков), либо посредством проведения дополнительной или повторной экспертизы. Без оценки и анализа всех экспертных заключений, представленных в материалы дела, сравнения выбранных экспертами методов определения рыночной стоимости объектов недвижимости, вывод судов о недоказанности неравноценного встречного предоставления является преждевременным.

Приняв уточнение требований конкурсного управляющего, суд первой инстанции вместе с тем пришел к выводу о том, что в нем не содержатся новые обстоятельства и факты, которые не исследовались ранее, а лишь изменен объем требований. В действительности же, уточняя заявленные требования, конкурсный управляющий просил признать недействительной цепочку сделок по отчуждению объектов недвижимости на основании ст. 10, 167, 170, 173¹ ГК РФ, а не только по ст. 61² Закона о банкротстве.

Таким образом, доводы заявителей и конкурсного управляющего в нарушение положений ст. 71, 168, 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не получили правовой оценки со стороны суда первой инстанции, а принятое им уточненное требование осталось нерассмотренным по существу.

Определение № 308-ЭС18-14832 (3,4)

23. В случае недействительности договора, по которому исполнение за должника произведено третьим лицом, реституция осуществляется в отношениях между сторонами сделки. Правом на включение в реестр требований кредиторов требования о возврате уплаченного по недействительной сделке в случае банкротства одной из ее сторон

обладает контрагент по договору, а не третье лицо, исполнившее обязательство.

Между банком и И. заключен договор цессии, в соответствии с которым банк (цедент) уступил И. (цессионарий) права требования к К. по кредитному договору, а также по договорам, обеспечивающим исполнение кредитных обязательств.

За приобретаемые права оплата произведена со счета отца И.

Приказом Банка России у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией.

Определением арбитражного суда первой инстанции по заявлению конкурсного управляющего должником договор цессии признан недействительной сделкой на основании п. 1 ст. 61² Закона о банкротстве, восстановлены права банка по кредитному договору к К. в качестве последствий недействительности.

И. обратилась к конкурсному управляющему банком-должником с заявлением о включении требования о возврате денежных средств, уплаченных банку по признанному недействительным договору цессии, в реестр требований кредиторов.

Конкурсный управляющий должником отказал в удовлетворении заявления ввиду принадлежности денежных средств отцу И., с банковского счета которого были оплачены уступленные в пользу И. права.

Несогласие И. с позицией конкурсного управляющего должником послужило основанием для ее обращения в суд с заявлением.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, требования И. признаны обоснованными и подлежащими удовлетворению за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, предъявленных в установленный срок и включенных в реестр требований кредиторов должника. Суды, руководствуясь ст. 167 и 313 ГК РФ, пришли к выводу, что надлежащей двусторонней реституцией в данном случае будет восстановление прав требования к банку у И., являвшейся стороной сделки, признанной впоследствии недействительной. Оплата третьим лицом договора цессии законна и не лишает И. права требования возврата денежных средств у банка, так как ее отец не являлся самостоятельным участником сделки.

Постановлением арбитражного суда округа указанные судебные акты отменены, в удовлетворении заявления отказано. Суд пришел к противоположному выводу, указав, что надлежащей двусторонней реституцией по данному обособленному спору является восстановление задолженности банка перед отцом И., что может привести к восстановлению именно того положения, которое существовало до совершения подозрительной сделки.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе судебные акты арбитражных судов первой и апелляционной инстанций по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ст. 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке.

Как верно установили суды первой и апелляционной инстанций, признанная недействительной уступка права требования состояла из двух встречных обязательств, где, с одной стороны, И. получила от банка право требования к К. по кредитному договору, а, с другой стороны, – банк получил от И. денежные средства в счет оплаты уступленного им права.

В данном случае отец И., перечисливший в порядке ст. 313 ГК РФ денежные средства за свою дочь, не являлся самостоятельным участником оспоренной сделки.

Соглашение, лежащее в основании банковской операции по переводу денежных средств со счета отца И. в пользу банка в качестве оплаты сделки, а также обстоятельства оплаты третьим лицом за цессионария договора уступки права требования, не являлись предметом оспаривания конкурсным управляющим должником, не были признаны недействительными, следовательно, не лишали И. права требования оплаченных денежных средств с банка ввиду признания недействительной сделкой договора цессии, стороной по которому выступала она.

Таким образом, арбитражные суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу о том, что признание соответствующей сделки недействительной влечет восстановление права требования И. к банку как стороны признанной недействительной сделки, а у арбитражного суда округа отсутствовали основания для отмены судебных актов.

Определение № 305-ЭС19-2386 (11)

24. Оставление лицом за собой задатка без какого-либо встречного предоставления само по себе не свидетельствует о наличии признака неравноценности сделки. На неравноценность соглашения о задатке, в частности, может указывать существенное превышение его размера над суммами, обычно уплачиваемыми по аналогичным сделкам, или противоречие принципам разумности и баланса интересов сторон.

Банк (цедент) уступил обществу (цессионарию) требование к компании по возврату кредитов. Общество обязалось оплатить цессию и выполнить иные условия (обеспечить заключение договоров поручительства за исполнение иными лицами своих обязательств перед банком по договорам о выдаче банковских гарантий и обязательств по возврату кредитов). Стороны установили, что требование переходило к должнику при выполнении им как обязательств по оплате цессии, так и дополнительных обязательств.

Исполнение указанных обязательств общества обеспечивалось задатком, который подлежал учету в оплате цены уступки при окончательном расчете.

В случае неисполнения обществом своих обязательств банк имел право в одностороннем порядке расторгнуть договор с оставлением за собой задатка.

Общество перечислило банку задаток. Оставшуюся часть цены уступаемых прав оно не оплатило, договоры поручительства также не заключены.

В этой связи банк направил обществу уведомление о прекращении договора цессии, одновременно сообщив о том, что задаток возврату не подлежит.

Решением арбитражного суда обществу отказано в иске о взыскании суммы предоставленного задатка в качестве неосновательного обогащения.

В последующем общество признано банкротом.

Конкурсный управляющий общества обратился в арбитражный суд с заявлением по настоящему обособленному спору, полагая, что договор цессии недействителен по признакам подозрительности (ст. 61² Закона о банкротстве). Банк не намеревался исполнять обязательства по спорному договору и предоставил по сделке неравноценное встречное исполнение.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражных судов апелляционной инстанции и округа, заявление удовлетворено, договор цессии признан недействительным, применены последствия его недействительности: с банка в пользу общества взыскана сумма задатка и на эту же сумму восстановлено право требования банка к обществу. Суды руководствовались ст. 61¹, 61², 61⁶ Закона о банкротстве, ст. 167 ГК РФ и исходили из наличия признаков подозрительной сделки: оспариваемый договор заключен менее чем за год до возбуждения дела о банкротстве должника; равноценного встречного предоставления должник не получил, так как требования к нему не перешли; причинен вред кредиторам должника, поскольку в результате оспариваемой сделки утрачено имущество должника, за счет которого кредиторы могли бы удовлетворить свои требования; неполучение встречного исполнения привело к банкротству должника; стоимость спорной сделки составила более 90% балансовой стоимости активов должника, при этом денежные средства на уплату задатка должник получил в заем, о чем банк знал ввиду ведения счета должника; реальной возможности исполнить сделку у должника не имелось, как и возможности взыскать дебиторскую задолженность.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции по следующим основаниям.

Товарно-денежные отношения, регулируемые гражданским правом, основываются, как правило, на равноценности обмениваемых благ, поэтому

определяющими признаками этих отношений являются возмездность и эквивалентность встречного предоставления (тем более, если речь идет о предпринимательских правоотношениях). Нарушение принципов возмездности и эквивалентности при совершении большинства сделок дестабилизирует гражданский оборот и может повлечь неспособность лица удовлетворить требования его кредиторов.

Для восстановления прав последних Закон о банкротстве предусмотрел возможность оспаривания подобных сделок, установив в п. 1 ст. 61² признаки недействительности неравноценной сделки. На неравноценность, в частности, может указывать существенное отличие в худшую для должника сторону цены этой сделки или иных ее условий по сравнению с аналогичными сделками, совершенными на рыночных условиях.

Следуя указанной правовой норме, а также п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», суды в данном обособленном споре должны были оценить сделку по уступке требования на предмет равноценности встречного исполнения обязательств банком. Для этого судам следовало сопоставить договорную цену уступаемого требования с его рыночной стоимостью, определенной с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств. Существенное и бесосновательное отклонение договорной цены от рыночной может указывать на неравноценность встречного исполнения и, как следствие, на недействительность сделки.

В опровержение доводов о неравноценности сделки банк представил в суд мотивированный подробный отчет об оценке рыночной стоимости права требования. Данный отчет не признан судами недопустимым или недостоверным доказательством, не опровергнут по существу, однако и не положен в основу судебного решения даже при том, что в противовес этому доказательству в суд не представлено ни иных доказательств, ни убедительных аргументов, а оценочная цена близка к договорной. Такой подход явно противоречит принципу состязательности сторон, правилам доказывания и правовым нормам, регулирующим принятие судебных решений и изложение судебных актов (ст. 9, 65, 71, 168 – 170, 271 АПК РФ).

Неравноценность сделки суды усмотрели не в цене цессии, а в отсутствии какого-либо встречного предоставления со стороны банка взамен полученной им суммы задатка: банк не передал обществу ни право требования, ни иные материальные блага. К этому же сводилась позиция лиц, оспаривающих сделку.

Однако денежные средства банк получил не в качестве аванса (предварительной оплаты), действительно требующего встречного предоставления либо возврата в случае неисполнения обязательств (п. 3 ст. 487, ст. 1102 ГК РФ), а в качестве задатка, представляющего собой в том числе и обеспечение исполнения договора (п. 1 ст. 380 ГК РФ). Правила о

распоряжении задатком устанавливают, что если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, он остается у другой стороны (п. 2 ст. 381 ГК РФ). Никаких иных обязанностей исправной стороны (в том числе по передаче какого-либо встречного предоставления) ни законом, ни договором не установлено. Необходимым и достаточным условием для оставления банком задатка за собой являлось неисполнение обществом своих обязательств по договору, что и было установлено судами.

Следует заметить – перечисление денежных средств в качестве задатка в суде никем не оспаривалось, а условия договора цессии позволяют прийти к однозначному выводу: стороны договорились именно о задатке.

Таким образом, вывод судов о том, что в оставлении банком за собой задатка без какого-либо встречного предоставления имелся признак неравноценности, несостоятелен.

Соглашение о задатке могло быть оценено на равноценность (эквивалентность) при его сравнении с подобными сделками либо при соотнесении с принципами разумности и баланса интересов сторон. Доводы и доказательства о том, что, например, в сравнимых аналогичных обстоятельствах размер задатка, как правило, существенно меньше и т.п., обязаны представить в суд лица, оспаривающие сделку. В противовес этому банк должен был указать на особенности оспариваемой сделки, обосновывающие согласованную сторонами сумму задатка.

Недействительность уступки требования по основаниям, указанным в п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве, требует от заинтересованных в оспаривании сделки лиц доказывания дополнительных признаков (в том числе осведомленность банка о намерении причинить вред кредиторам общества), что не было сделано ими в суде. По крайней мере, эти обстоятельства не изложены в судебных актах.

Ссылка на противодействие со стороны банка исполнению обществом своих обязательств по договору цессии не принимается судебной коллегией, поскольку эти обстоятельства компетентными судами также не устанавливались, а правила кассационного судопроизводства не наделяют суд такими полномочиями.

Определение № 306-ЭС20-14567

***Практика применения законодательства о вещных правах
и земельного законодательства***

25. Если земельный участок, находящийся в частной собственности, был фактически изъят для государственных или муниципальных нужд, однако при этом процедура изъятия уполномоченными органами не соблюдена, решение об изъятии не принято, какого-либо возмещения за изъятое имущество собственнику участка не предоставлено, то собственник такого участка имеет право на возмещение убытков, причиненных таким изъятием.

Министерство субъекта РФ утвердило акт выбора земельного участка в целях реконструкции автомобильной дороги путем расширения. В границы выбранного участка вошли части земельных участков предпринимателя. Несмотря на переговоры об изъятии участков, которые велись между предпринимателем и Учреждением, осуществившим работы по реконструкции, решение об изъятии участков (части участков) предпринимателя для государственных нужд в порядке, установленном ЗК РФ и ГК РФ, уполномоченным органом не принято. Спорный участок реконструированной автомобильной дороги введен в эксплуатацию и безвозмездно передан в собственность муниципального района.

Предприниматель, ссылаясь на то, что реконструкция автомобильной дороги осуществлена за счет части принадлежащих ему земельных участков, обратился в суд к Учреждению, муниципальному образованию в лице администрации и Министерству субъекта РФ с иском о взыскании с них солидарно причиненных убытков в виде расходов, которые истец должен будет произвести для восстановления нарушенного права в виде реконструкции находящейся на его участке автозаправочной станции и переноса топливораздаточных колонок на минимальное противопожарное расстояние от края дороги.

Суд первой инстанции отказал в иске. Суды апелляционной и кассационной инстанции оставили решение суда первой инстанции без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, исходя из следующего.

Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Согласно п. 1 ст. 279 ГК РФ изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд осуществляется в случаях и в порядке, которые предусмотрены земельным законодательством.

В соответствии с подп. 2 ст. 49 ЗК РФ изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд осуществляется в исключительных случаях по основаниям, связанным в том числе со строительством, реконструкцией таких объектов как автомобильные дороги федерального, регионального или межмуниципального, местного значения.

В силу пп. 1, 2, 4 ст. 281 ГК РФ принудительное изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд допускается при условии предварительного и равноценного возмещения. При определении размера такого возмещения в него включаются рыночная стоимость земельного участка, право собственности на который подлежит

прекращению, или рыночная стоимость иных прав на земельный участок, подлежащих прекращению, и убытки, причиненные изъятием такого земельного участка.

В п. 4 Обзора судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 декабря 2015 г., разъяснено, что отсутствие решения об изъятии земельного участка (его части) или несоблюдение процедуры изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд само по себе не лишает правообладателя такого участка права на возмещение убытков, причиненных фактическим лишением имущества.

В соответствии со ст. 12 ГК РФ возмещение убытков является одним из способов защиты нарушенного гражданского права.

Статьей 62 ЗК РФ предусмотрено, что убытки, причиненные нарушением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, подлежат возмещению в полном объеме, в том числе упущенная выгода, в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Как следует из ст. 15 ГК РФ с учетом ее толкования, данного в пп. 11 и 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 25), недоказанность размера причиненного ущерба к основаниям, позволяющим не возлагать гражданско-правовую ответственность на причинителя вреда, действующим законодательством не отнесена. Отказ в иске о возмещении убытков в полном объеме нарушает конституционный принцип справедливости и лишает заявителя возможности восстановить его нарушенные права.

Исходя из буквального смысла п. 2 ст. 15 ГК РФ и разъяснений, изложенных в п. 13 постановления Пленума № 25, допускается возмещение как непосредственно понесенных расходов, так и расходов, которые будут понесены в будущем. При этом будущие расходы требующей их стороны должны быть необходимыми и подтверждаться соответствующими расчетами, сметами и калькуляциями, а ответчик вправе представлять доказательства того, что расходы могут быть уменьшены.

Судами установлено, что части принадлежащих предпринимателю на праве собственности земельных участков фактически изъятые для государственных нужд в целях строительства (реконструкции) автомобильной дороги, однако при этом процедура изъятия уполномоченными органами не соблюдена, решение об изъятии не принято,

какого-либо возмещения за изъятое имущество предпринимателю не предоставлено.

Учреждение, осуществившее реконструкцию дороги, не отрицало факта размещения на части земельных участков предпринимателя реконструированной дороги, в связи с чем был нарушен противопожарный норматив удаленности топливных колонок АЗС от края проезжей части реконструированной дороги. Согласно имеющимся в деле письмам Учреждения данное лицо само указало на нарушение норматива удаленности и предложило согласовать перенос колонок. Стороны вели переписку по данному вопросу, однако не достигли согласия.

Кроме того, в материалы дела представлена копия заключения судебной экспертизы, выполненной в рамках другого дела (с участием этих же лиц), которой установлено, что после реконструкции автодороги путем расширения полос произошло наложение ее границ на земельные участки предпринимателя. В результате этого расстояние от автомобильной дороги до топливных колонок сократилось и перестало соответствовать установленным нормативам.

Предприниматель, указывая на то, что дальнейшее использование АЗС в связи с нарушением противопожарных нормативов удаленности колонок является нарушением законодательства, перенос колонок требует переноса и других элементов АЗС, в обоснование иска о взыскании убытков в размере стоимости переноса элементов АЗС в границах оставшейся площади его участков представил проектную документацию реконструкции АЗС, выполненную специализированной организацией, со сводным сметным расчетом стоимости работ, которые необходимо произвести для восстановления нарушенного права.

При этом в нарушение требований ст. 65 и 66 АПК РФ ответчики данный расчет никак не опровергли, не представили своих доказательств размера стоимости переноса элементов АЗС на допустимое расстояние от края проезжей части дороги, не ходатайствовали о назначении экспертизы. Доказательств того, что отсутствует возможность определить размер причиненных истцу убытков, в материалах дела не имеется.

Суды, сделав вывод о том, что представленная истцом проектно-сметная документация с расчетом затрат не является надлежащим доказательством необходимости реконструкции АЗС, в нарушение ст. 68, 71 и 170 АПК РФ не указали причин, по которым не приняли данные доказательства, не дали им оценку. Поскольку истец представил доказательства в обоснование своих требований, а ответчики не заявили аргументированных возражений относительно документов истца, суды в нарушение принципа распределения бремени доказывания необоснованно посчитали, что истцу, а не ответчикам, следовало ходатайствовать о назначении судебной экспертизы.

Между тем в силу ч. 3 ст. 8, ч. 3 ст. 9 АПК РФ суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение,

равно как и умалять права одной из сторон, должен оказывать содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела.

С учетом приведенных норм права, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, установленных по делу обстоятельств, у судов не было оснований для отказа предпринимателю в иске со ссылкой на недоказанность того, что предъявленные им к взысканию расходы на реконструкцию АЗС не находятся в причинно-следственной связи с действиями ответчиков, а также на недоказанность размера предъявленных к взысканию убытков.

Не может также служить основанием для отказа в иске о взыскании убытков вывод судов о том, что, поскольку предприниматель приобрел земельные участки и АЗС незадолго до реконструкции дороги, его действия нельзя признать разумными и добросовестными. Согласно материалам дела предприниматель после приобретения в апреле 2013 года участков и АЗС использовал станцию по назначению. Ни до начала реконструкции дороги, ни в период работ уполномоченный орган не принимал решения об изъятии для государственных нужд земельных участков, попавших в границы расширения существовавшей двухполосной дороги до четырех полос. Доказательств того, что собственники земельных участков и иные лица были проинформированы уполномоченными органами о том, какие участки попадут в границы реконструируемой дороги, в материалы дела не представлено. Решение об утверждении акта выбора участка под реконструкцию существующей автодороги было принято в июле 2013 года, а решение о вводе реконструированного участка дороги – в мае 2014 года.

Определение № 302-ЭС20-6718

26. Правовой режим общего имущества в многоквартирном доме предусматривает запрет для лиц, в том числе собственников помещений в многоквартирном доме, пользоваться общим имуществом многоквартирного дома единолично без согласия других собственников.

Собственники квартир многоквартирного жилого дома обратились к Обществу с требованием демонтировать приточно-вытяжную вентиляционную систему, а именно – вентиляционный канал (вытяжка), который расположен вертикально по стене дома со стороны двора на крышу вдоль окон квартир, а также вентиляционное и кондиционерное оборудование, установленное на капитальной стене жилого дома. Истцы мотивировали требование тем, что оборудование было монтировано без их согласия.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, судом апелляционной инстанции решение отменено, исковые требования удовлетворены. Судом округа определение суда апелляционной инстанции отменено, оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Оставляя в силе решение суда первой инстанции, суд округа указал, что действующий в спорный период норматив г. Москвы по эксплуатации жилищного фонда ЖНМ-2005/1 «Регламент оформления и проведения переустройства и (или) перепланировки жилых и нежилых помещений в жилых домах на территории города Москвы», утвержденный постановлением Правительства Москвы от 25 сентября 2017 г. № 831-ПП (далее – Регламент), не предусматривал наличие согласия собственников помещений многоквартирного дома при согласовании переустройства помещения многоквартирного жилого дома.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда первой инстанции и суда округа и оставила в силе определение суда апелляционной инстанции, руководствуясь следующим.

В соответствии со ст. 304 ГК РФ собственник жилого помещения в многоквартирном доме вправе предъявить негативный иск, если общее имущество неправомерно используется одним из собственников помещения (квартиры).

Согласно п. 1 ст. 246 ГК РФ распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников.

Как указано в ст. 247 ГК РФ, владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом.

Собственникам квартир в многоквартирном доме принадлежат на праве общей долевой собственности общие помещения дома, несущие конструкции дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование за пределами или внутри квартиры, обслуживающее более одной квартиры (п. 1 ст. 290 ГК РФ). Аналогичные положения содержатся в ст. 36 ЖК РФ.

Согласно п. 2 разд. I «Определение состава общего имущества» Правил содержания общего имущества, в состав общего имущества включаются в том числе ограждающие несущие конструкции многоквартирного дома (включая фундаменты, несущие стены, плиты перекрытий, балконные и иные плиты, несущие колонны и иные ограждающие несущие конструкции).

При рассмотрении дела суд первой инстанции установил факт использования ответчиком общего имущества без соответствующего на то решения общего собрания собственников помещений в доме. Указанное обстоятельство не оспаривалось ответчиком, который полагал, что отсутствовала необходимость получать на то согласие других собственников.

В п. 4 ст. 36 ЖК РФ закреплено, что по решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании таких собственников, объекты общего имущества в многоквартирном доме могут быть переданы в пользование иным лицам в случае, если это не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц.

В п. 39 «Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 декабря 2013 г., было разъяснено, что лицо, обладающее равными с другими собственниками правами владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом многоквартирного дома, вправе реализовать данное право лишь в случае достижения соглашения между всеми участниками долевой собственности.

Таким образом, предусмотренное в п. 2 ст. 36 ЖК РФ право собственников помещений в многоквартирном доме владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом в многоквартирном доме не может быть истолковано как позволяющее одному собственнику нарушать аналогичные права других собственников, противопоставляя свой интерес интересам всех остальных.

Действия общества, выразившиеся в несоблюдении установленного порядка пользования общим имуществом и в размещении на общем имуществе многоквартирного дома личного оборудования, обоснованно признаны судом апелляционной инстанции как нарушающие права общей долевой собственности, принадлежащие всем собственникам помещений в многоквартирном доме.

В силу вышеизложенного довод общества со ссылкой на положения ст. 36 и 44 ЖК РФ в обоснование наличия у него доли в праве собственности на общее имущество, предоставляющей ему право пользования им, является несостоятельным.

Выводы суда кассационной инстанции со ссылкой на Регламент об отсутствии необходимости согласия собственников помещений не учитывают, что указанный документ не устанавливает порядок использования общего имущества многоквартирного жилого дома, противоречат положениям ст. 289, 290, 304 ГК РФ, ст. 36, 44 ЖК РФ, а также разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации о толковании и применении указанных норм материального права.

Определение № 305-ЭС20-17471

27. Составленный уполномоченным органом акт проверки в отношении собственника объектов недвижимости, расположенных на находящемся в публичной собственности участке, с фиксацией выявленного нарушения и предписание об устранении такого нарушения представляют собой неразрывно связанные между собой

акты, что не исключает оспаривание заявителем, полагающим свои права нарушенными, в том числе и акта проверки, в котором дается квалификация объектов в качестве движимого или недвижимого имущества, в одном процессе (в том числе по правилам гл. 24 АПК РФ).

Общество, являясь собственником объектов недвижимости, в отношении которых зарегистрировано право собственности в Едином государственном реестре недвижимости, обратилось в Администрацию с заявлением о выкупе земельного участка, на котором расположены объекты недвижимости. Администрация в ответ предложила заключить договор аренды, поскольку в отношении указанного земельного участка существует ограничение оборотоспособности.

Администрация провела осмотр земельного участка, по результатам чего составила акт о нарушении, в котором зафиксировала факты самовольного размещения неустановленными лицами объектов. В указанном акте объекты были квалифицированы как нестационарные, то есть движимое имущество. На основании акта Администрация вынесла предписание о демонтаже спорных объектов, опубликовала его в СМИ и поручила муниципальному учреждению произвести демонтаж спорных объектов.

Также администрация отказала Обществу в предоставлении земельного участка в аренду на том основании, что расположенные на нем недвижимые объекты подлежат изъятию для государственных нужд, поскольку входят в границы земельного участка, предназначенного для реализации проекта транспортно-пересадочного узла.

Общество обратилось в суд с требованиями о признании незаконными акта о выявлении самовольно установленных нестационарных объектов, действий по требованию о демонтаже самовольно установленных нестационарных, отказа в предоставлении Обществу земельного участка в аренду без проведения торгов сроком на три года и о возложении на Администрацию обязанности заключить договор аренды указанного земельного участка сроком на три года.

Суд первой инстанции удовлетворил требования в части признания незаконным отказа в предоставлении участка в аренду и обязания заключить договор. В остальной части отказал, указав, что Общество не доказало нарушение оспариваемыми актом проверки и постановлением Администрации его прав и законных интересов.

Суд апелляционной инстанции, выводы которого поддержал суд округа, не согласился с судом первой инстанции и отказал в удовлетворении требований, указав, что спорный земельный участок входит в границы планируемого строительства транспортно-пересадочного узла, имеет вид разрешенного использования «автомобильный транспорт», является ограниченным в обороте, поэтому в силу п. 6 ст. 39¹⁶ ЗК РФ не может быть предоставлен в аренду Обществу.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила акты судов трех инстанций и направила дело на новое рассмотрение, поскольку судами не было учтено следующее.

Оспаривая акты Администрации и ее действия, направленные на освобождение земельного участка посредством демонтажа расположенного на нем движимого имущества, Общество указывало, что на данном земельном участке расположены 6 недвижимых объектов, имеющих прочную связь с землей, право собственности на которые зарегистрировано за ним в Едином государственном реестре недвижимости, поэтому они не могут быть демонтированы ни им самим, ни по поручению Администрации муниципальным учреждением. Напротив, Общество, как собственник недвижимости, имеет исключительное право на земельный участок, на котором эти объекты расположены, и просит оформить земельные правоотношения, предоставив ему участок для их эксплуатации в аренду.

Согласно ч. 1 ст. 198 АПК РФ граждане, организации и иные лица вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если полагают, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

Кроме того, гл. 24 АПК РФ предусмотрены особенности рассмотрения дел об оспаривании решений органов местного самоуправления о сносе самовольных построек (ч. 2 ст. 201 АПК РФ).

Разрешение вопроса о законности или незаконности (недействительности) оспариваемого ненормативного акта, действий, бездействия публичных органов и нарушения им прав и законных интересов заявителя зависит от правового регулирования правоотношений и установленных по конкретному делу обстоятельств.

В частности, при рассмотрении данного дела необходимо установить порядок предоставления земельного участка публичной собственности для размещения и использования недвижимых и движимых объектов частных лиц, полномочия публичных органов на осуществление проверок и вынесение обязательных предписаний, правовой режим земельного участка, наличие прав на размещение спорных объектов, их характеристики и иные значимые для разрешения спора обстоятельства.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» осуществление муниципального земельного контроля в границах городского

округа относит к вопросам местного значения городского округа (п. 26 ч. 1 ст. 16).

Так, ст. 72 ЗК РФ, положениями закона субъекта Российской Федерации и нормативных актов муниципального образования предусмотрена возможность проведения муниципального земельного контроля в отношении юридических лиц с выдачей обязательных для исполнения предписаний об устранении нарушений земельного законодательства.

В случае выявления в ходе проведения проверки в рамках осуществления муниципального земельного контроля нарушения требований земельного законодательства, за которое законодательством Российской Федерации предусмотрена административная и иная ответственность, в акте проверки указывается информация о наличии признаков выявленного нарушения. Должностные лица органов местного самоуправления направляют копию указанного акта в орган государственного земельного надзора (п. 5 ст. 72 ЗК РФ).

В срок не позднее чем пять рабочих дней со дня поступления от органа местного самоуправления копии акта проверки, указанного в п. 5 ст. 72 ЗК РФ, орган государственного земельного надзора обязан рассмотреть указанный акт и принять решение о возбуждении дела об административном правонарушении или решение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении и направить копию принятого решения в орган местного самоуправления (п. 6 ст. 72 ЗК РФ).

При этом, по сути, акт проверки с фиксацией выявленного нарушения и предписание о его устранении представляют собой неразрывно связанные между собой акты, что не исключает оспаривание заявителем, полагающим свои права нарушенными, в том числе и акта проверки, в котором в числе прочего зафиксировано, что объект, зарегистрированный на праве собственности за Обществом как недвижимый, относится к движимому имуществу, в одном процессе, в том числе по правилам гл. 24 АПК РФ.

Невыполнение в установленный срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего муниципальный контроль, об устранении нарушений законодательства может повлечь для юридического лица негативные последствия в виде сноса недвижимых объектов и демонтажа движимого имущества, лишению права собственности на них, привлечение к административной ответственности, установленной ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ.

В этой связи вывод суда первой инстанции, поддержанный апелляционным судом и судом округа, о том, что оспариваемые акты и действия органа местного самоуправления об устранении нарушений земельного законодательства посредством сноса указанного имущества не нарушает либо иным образом не затрагивает права и законные интересы Общества, является ошибочным. Кроме того, без рассмотрения по существу данных требований невозможно определить наличие прав Общества на

земельный участок площадью, необходимой для размещения и эксплуатации находящегося в его собственности имущества.

Определение № 305-ЭС20-12105

Споры, возникающие из обязательственных отношений

28. Если на момент обращения в регистрирующий орган с заявлением о регистрации соглашения о расторжении договора аренды земельного участка для строительства многоквартирного дома такой многоквартирный дом введен в эксплуатацию, произведена регистрация права собственности участников долевого строительства на объекты долевого строительства и отсутствуют иные основания для отказа в регистрации, то такая регистрация должна быть осуществлена, независимо от даты заключения соглашения о расторжении договора аренды.

В 2011 году между Департаментом и Обществом (застройщик) был заключен договор аренды земельного участка для строительства многоквартирного дома. В отношении участка были зарегистрированы обременения в пользу Общества (аренда) и в пользу участников долевого строительства (ипотека в силу закона).

В 2014 году Департаментом и Обществом было подписано соглашение о расторжении договора аренды. В 2016 году дом был введен в эксплуатацию, после чего была осуществлена регистрация прав участников долевого строительства на помещения в многоквартирном доме. В 2017 году Департамент обратился в регистрирующий орган с заявлением о регистрации соглашения о расторжении договора аренды, в чем ему было отказано со ссылкой на ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ).

Департамент обратился в суд с заявлением о признании указанного отказа незаконным и об обязанности осуществить государственную регистрацию соглашения о расторжении договора аренды.

Суды первой и апелляционной инстанции требования Департамента удовлетворили; суд округа отменил акты нижестоящих судов, поскольку пришел к выводу о необходимости применения в рассматриваемом случае специальных норм о возможности прекращения залога права аренды и самого права аренды земельного участка только с момента передачи всех построенных (созданных) на участке объектов долевого строительства в многоквартирном доме.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции ввиду следующего.

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 218-ФЗ) государственная регистрация прав на недвижимое имущество – юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества.

Согласно ч. 1 ст. 46 ЗК РФ аренда земельного участка прекращается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены гражданским законодательством.

В силу ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности земельный участок с элементами озеленения и благоустройства, на котором расположен многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества.

Государственная регистрация возникновения, перехода, прекращения, ограничения права на жилое или нежилое помещение в многоквартирных домах и обременения такого помещения одновременно является государственной регистрацией возникновения, перехода, прекращения, ограничения неразрывно связанных с ним права общей долевой собственности на общее имущество и обременения такого имущества (ст. 42 Закона № 218-ФЗ).

В п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» (далее – постановление Пленума № 73) предусмотрено, что с момента регистрации права собственности первого лица на любое из помещений в многоквартирном доме соответствующий земельный участок поступает в долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме.

Договор аренды этого участка прекращается на основании ст. 413 ГК РФ независимо от того, в частной или в публичной собственности находился переданный в аренду земельный участок. Возможные споры между прежним собственником земельного участка (арендодателем) и застройщиком (арендатором) не могут затрагивать права собственников помещений в многоквартирном жилом доме на соответствующий участок.

Законом № 214-ФЗ урегулированы отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и возникновением у участников долевого строительства права собственности на объекты долевого строительства и права общей долевой собственности на

общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, а также установлены гарантии защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства (ч. 1 ст. 1).

В обеспечение исполнения обязательств застройщика (залогодателя) по договору с момента государственной регистрации договора у участников долевого строительства (залогодержателей) считаются находящимися в залоге предоставленный для строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости, в составе которых будут находиться объекты долевого строительства, земельный участок, принадлежащий застройщику на праве собственности, или право аренды, право субаренды на указанный земельный участок и строящиеся (создаваемые) на этом земельном участке многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости (ч. 1 ст. 13).

Залогом в порядке, установленном ст. 13–15 Закона № 214-ФЗ, должно обеспечиваться исполнение обязательств застройщика по всем договорам, заключенным для строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости (ч. 1 ст. 12¹). Залог права аренды земельного участка прекращается с момента передачи в установленном законом порядке всех объектов долевого строительства в многоквартирном доме, построенном на данном земельном участке (ч. 8¹ ст. 13).

Согласно п. 1¹ ст. 25 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», регистрационная запись об ипотеке, возникшей в силу Закона № 214-ФЗ, погашается органом регистрации прав в течение пяти рабочих дней на основании заявления и предъявления разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, выданного в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности, в части ипотеки строящихся (создаваемых) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости либо объекта незавершенного строительства, в части ипотеки земельного участка, находящегося у застройщика в собственности, либо залога права аренды или права субаренды земельного участка, а в части ипотеки объекта долевого строительства также на основании документа, подтверждающего передачу объекта долевого строительства участнику долевого строительства, в том числе передаточного акта, иного документа о передаче объекта долевого строительства или составленного в соответствии с ч. 6 ст. 8 указанного Закона одностороннего акта о передаче объекта долевого строительства. При этом регистрационная запись об ипотеке земельного участка либо о залоге права аренды или права субаренды земельного участка погашается только после погашения регистрационных записей об ипотеке всех объектов долевого строительства, входящих в состав многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

Между тем, как указали суды первой и апелляционной инстанций, учитывая ввод в эксплуатацию многоквартирного жилого дома в 2017 году, что подтверждается разрешением на ввод объекта в эксплуатацию, при

наличии подтвержденной материалами дела регистрации права собственности лиц на объекты долевого строительства на помещения в многоквартирном доме, право аренды третьего лица (застройщика) на земельный участок прекратило свое действие.

Вывод суда кассационной инстанции о том, что прекращение залога права аренды возможно только с момента передачи всех построенных (созданных) на участке объектов противоречит указанным нормам права и разъяснениям, а также сделан без учета изменений, внесенных Федеральным законом от 13 июля 2020 г. № 202-ФЗ в ч. 8¹ ст. 13 Закона № 214-ФЗ, устранивших коллизию с нормами жилищного законодательства.

Согласно ч. 8¹ ст. 13 Закона № 214-ФЗ (в редакции Федерального закона от 13 июля 2020 г. № 202-ФЗ) возникший в связи с заключением договора участия в долевом строительстве залог земельного участка, либо залог права аренды земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, построенный (созданный) с привлечением денежных средств участников долевого строительства, прекращается со дня осуществления государственного кадастрового учета указанного многоквартирного дома. Положения названной части применяются в случае, если земельный участок образован в границах, в которых он в соответствии с жилищным законодательством переходит в собственность собственников помещений в указанном многоквартирном доме после регистрации права собственности на такие помещения. Соответствующая запись в ЕГРН о залоге в отношении этого земельного участка подлежит погашению органом регистрации прав без заявления о погашении данного залога одновременно с государственным кадастровым учетом данного многоквартирного дома, построенного (созданного) с привлечением денежных средств участников долевого строительства.

Таким образом, учитывая расторжение договора аренды по соглашению сторон в 2014 году, окончание строительства объекта долевого участия и передачу застройщиком участникам долевого строительства помещений в многоквартирном доме, отсутствие на момент рассмотрения спора доказательств обращения на основании ст. 14 Закона № 214-ФЗ взыскания на предмет залога, оснований для отказа в регистрации соглашения о прекращении договора аренды, у регистрационного органа не имелось.

Определение № 308-ЭС20-17579

29. В соответствии с действующим законодательством права и обязанности, возникающие из договора водопользования, не предусматривающего изъятие водных ресурсов, не связаны с личностью водопользователя, могут переходить в порядке наследования, и на такой переход не распространяются ограничения, установленные для передачи прав из договоров, заключенных на торгах.

Между Министерством и предпринимателем Г. по результатам аукционов были заключены договоры водопользования, по условиям которых целью водопользования является разметка границ акватории водного объекта, размещение на ней плавательных средств с целью проката без забора (изъятия) водных ресурсов.

В соответствии с договорами водопользователь вправе использовать водный объект на условиях, установленных названными договорами, а также с согласия Министерства передавать свои права и обязанности по данным договорам другому лицу.

После смерти предпринимателя Г. его наследник, предприниматель Н., обратился в Министерство с заявлениями о передаче прав и обязанностей по названным выше договорам водопользования на основании нотариальных свидетельств о праве на наследование по закону в отношении себя и несовершеннолетних детей. В передаче прав и обязанностей было отказано.

Не согласившись с ответом Министерства, предприниматель Н. обратился в суд с требованием о переводе прав и обязанностей по спорным договорам.

Решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении требований было оставлено без изменений судами апелляционной инстанции и округа.

Отказывая в удовлетворении требований, суды указали, что действующие нормы гражданского законодательства не предусматривают возможность уступать права и осуществлять перевод долга по обязательствам, возникшим из договоров водопользования, заключенных по итогам аукциона, поскольку обязательства по такому договору должны быть исполнены победителем торгов лично, если иное не установлено законом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами судов и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции ввиду следующего.

Согласно п. 7 ст. 448 ГК РФ, если в соответствии с законом заключение договора возможно только путем проведения торгов, то победитель торгов не вправе уступать права (за исключением требований по денежному обязательству) и осуществлять перевод долга по обязательствам, возникшим из заключенного на торгах договора. Обязательства по такому договору должны быть исполнены победителем торгов лично, если иное не установлено законом.

Часть 1 ст. 19 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений, устанавливала, что водопользователь с согласия уполномоченного органа вправе передавать свои права и обязанности по договору водопользования другому лицу, за исключением прав и обязанностей по договору водопользования в части забора (изъятия) водных ресурсов из поверхностных водных объектов для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения.

Передача прав и обязанностей по договору водопользования осуществляется в соответствии с гражданским законодательством.

Положения ВК РФ и Административного регламента по предоставлению органами государственной власти субъектов Российской Федерации государственной услуги в сфере переданного полномочия Российской Федерации по предоставлению водных объектов или их частей, находящихся в федеральной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, в пользование на основании договоров водопользования, утвержденного Приказом Минприроды России от 12 марта 2012 г. № 57, не содержат запрета на передачу права и обязанностей по заключенным на торгах договорам водопользования, не предусматривающих осуществление водопользователем забора (изъятия) водных ресурсов для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения.

В п. 7 ст. 448 ГК РФ установлен запрет на уступку, а не на переход прав и обязанностей по наследству в порядке универсального правопреемства.

Указание же на личное исполнение обязательства по такому договору в контексте ст. 448 ГК РФ, а также иных положений законодательства, не означает, что обязательство приобретает неразрывную связь с личностью наследодателя в смысле наследственного права.

С учетом ч. 2 ст. 12 ВК РФ и исходя из положений ст. 418 ГК РФ, п. 2 ст. 617 ГК РФ смерть водопользователя может повлечь прекращение договора водопользования, если из конкретных обстоятельств и условий конкретного договора следует, что личность водопользователя имеет существенное значение и заключение договора обусловлено его личными качествами или договором прямо предусмотрено его прекращение в случае смерти водопользователя.

Положения ВК РФ, равно как и иных законов, не содержат прямых норм о прекращении договора водопользования, в том числе заключенного по результатам аукциона, в связи со смертью водопользователя.

Согласно ч. 2 ст. 12 ВК РФ к договору водопользования применяются положения об аренде, предусмотренные ГК РФ, если иное не установлено ВК РФ и не противоречит существу договора водопользования.

В соответствии с п. 2 ст. 617 ГК РФ в случае смерти гражданина, арендующего недвижимое имущество, его права и обязанности по договору аренды переходят к наследнику, если законом или договором не предусмотрено иное.

Арендодатель не вправе отказать такому наследнику во вступлении в договор на оставшийся срок его действия, за исключением случая, когда заключение договора было обусловлено личными качествами арендатора.

Таким образом, исходя из существа отношений по водопользованию, равно как и арендных отношений, связанных с передачей водного объекта (имущества) или его части в пользование за плату (ст. 12 ВК РФ,

ст. 606 ГК РФ), оснований полагать, что они, по общему правилу, относятся к обязательствам, неразрывно связанным с личностью должника или кредитора, не имеется.

Напротив, исходя из положений постановления № 230, которым утверждены Правила подготовки и заключения договора водопользования, право на заключение которого приобретается на аукционе, а также Правила проведения аукциона по приобретению права на заключение договора водопользования (далее – Правила) следует, что личность победителя аукциона и его личные качества не имеют значения.

Поскольку в отличие от конкурса аукцион предполагает предложение наиболее выгодной цены, то особенности личности или деятельности физического лица (например, его профессиональные качества, какие-либо навыки, умения и т.д.) не влияют на выбор контрагента.

Таким образом, оснований полагать, что обязательства, возникающие из договора водопользования, всегда неразрывно связаны с личностью водопользователя только в силу заключения его на аукционе, не имеется.

Как разъяснено в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», имущественные права и обязанности не входят в состав наследства, если они неразрывно связаны с личностью наследодателя, а также если их переход в порядке наследования не допускается Гражданским кодексом или другими федеральными законами (ст. 418, ч. 2 ст. 1112 ГК РФ).

Таким образом, является ошибочным вывод судов о том, что права и обязанности по договорам водопользования не могут быть предметом наследования.

Определение № 310-ЭС20-6357

30. На лицо, причинившее вред почвам как объекту охраны окружающей среды, не может быть одновременно возложена и гражданская ответственность в виде возмещения вреда в денежной форме, и обязанность по устранению последствий посредством выполнения работ по рекультивации почв в отношении того же земельного участка.

Общество осуществляло строительство дороги, чем причинило вред почве как объекту окружающей среды. В результате Общество было привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ. Управление обратилось к Обществу с требованиями о взыскании денежных средств в возмещение вреда, причиненного почве как объекту охраны окружающей среды, и об обязанности общества в двухмесячный срок со дня вступления в силу решения суда разработать проект рекультивации и провести рекультивацию земель.

Суды трех инстанций, признав общество виновным в причинении вреда почвам, возложили на него гражданскую ответственность в виде возмещения вреда в денежной форме и устранении последствий посредством выполнения работ по рекультивации почв.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами судов и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В силу п. 1 ст. 77 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон № 7-ФЗ) юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством.

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» (далее – постановление Пленума № 49) основанием для привлечения лица к имущественной ответственности является причинение им вреда, выражающееся в негативном изменении состояния окружающей среды, в частности, ее загрязнении, истощении, порче, уничтожении природных ресурсов, деградации и разрушении естественных экологических систем, гибели или повреждении объектов животного и растительного мира и иных неблагоприятных последствиях (ст. 1, 77 Закона № 7-ФЗ).

Как указано в п.7 постановления Пленума № 49, по смыслу ст. 1064 ГК РФ, ст. 77 Закона № 7-ФЗ лицо, которое обращается с требованием о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, представляет доказательства, подтверждающие наличие вреда, обосновывающие с разумной степенью достоверности его размер и причинно-следственную связь между действиями (бездействием) ответчика и причиненным вредом. В случае превышения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями установленных нормативов допустимого воздействия на окружающую среду предполагается, что в результате их действий причиняется вред (ст. 3, п. 3 ст. 22, п. 2 ст. 34 Закона № 7-ФЗ).

Определение размера вреда, причиненного окружающей среде, в том числе земле, как природному объекту, осуществляется на основании нормативов в области охраны окружающей среды в соответствии с Законом № 7-ФЗ.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1743-О-О, окружающая среда, будучи особым объектом охраны, обладает исключительным свойством самостоятельной нейтрализации негативного

антропогенного воздействия, что в значительной степени осложняет возможность точного расчета причиненного ей ущерба. Учитывая данное обстоятельство, федеральный законодатель определил, что вред окружающей среде, причиненный субъектом хозяйственной и иной деятельности, возмещается в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, а при их отсутствии исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды (п. 3 ст. 77 Закона № 7-ФЗ).

На основании ч. 1 ст. 78 Закона № 7-ФЗ возмещение вреда, причиненного окружающей среде, возможно как в денежной форме посредством взыскания суммы убытков, так и в виде выполнения мероприятий по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 35 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г., а также в п. 28 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 17 июля 2019 г., целью ответственности за причинение вреда окружающей среде является достижение компенсации, восстановления ее нарушенного состояния, в связи с чем истец вправе выбрать способы, предусмотренные ст. 1082 ГК РФ, ст. 78 Закона № 7-ФЗ, а суд, с учетом конкретных обстоятельств по делу, оценивая в каждом случае эффективность этих способов, применить тот, который наиболее соответствует этим целям.

Определение способа возмещения вреда – в натуре или в денежном выражении – зависит, прежде всего, от возможности его возмещения в натуре, необходимости оперативно принимаемых мер, их эффективности для восстановления нарушенного состояния окружающей среды. В отсутствие таких обстоятельств суд вправе избрать способ защиты в виде компенсации вреда в денежном выражении (взыскание убытков).

Согласно пп. 13 и 17 постановления Пленума № 49 возмещение вреда может осуществляться посредством взыскания причиненных убытков и (или) путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды.

В случае если восстановление состояния окружающей среды, существовавшее до причинения вреда, в результате проведения восстановительных работ возможно лишь частично (в том числе в силу наличия невосполнимых и (или) трудновосполнимых экологических потерь), возмещение вреда в соответствующей оставшейся части осуществляется в денежной форме.

Между тем суды, в нарушение вышеуказанных норм, применили к обществу двойную меру ответственности в виде возмещения вреда посредством взыскания причиненных убытков и возложения на ответчика

обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды, обязав последнего разработать проект рекультивации нарушенных земель, провести рекультивацию нарушенных земель и представить после завершения рекультивации управлению документацию, подтверждающую фактическое проведение перечисленных работ.

Определение № 306-ЭС20-16219

Практика применения законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

31. Различия пространственного расположения элементов противопоставленных идентичных словесных обозначений не влияют на признание тождественности товарных знаков.

Предприниматель обратился в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) с заявкой на регистрацию товарного знака словесного обозначения.

В отношении ряда товаров и услуг Роспатент отказал в регистрации товарного знака по причине того, что наличие одного лица двух тождественных товарных знаков, зарегистрированных в отношении идентичных товаров и услуг, противоречит природе исключительного права и, следовательно, противоречит общественным интересам согласно подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ.

Обращаясь в суд с настоящим заявлением, предприниматель указал, что решение Роспатента является незаконным, не соответствующим положениям ст. 1483 ГК РФ, выводы Роспатента о тождественности заявленного на регистрацию обозначения и товарного знака по уже выданному свидетельству Российской Федерации являются ошибочными, сравниваемые обозначения являются сходными до степени смешения, в связи с чем препятствий для регистрации на имя одного правообладателя сходного до степени смешения с принадлежащим ему же товарным знаком обозначения для однородных товаров не имеется.

Суд по интеллектуальным правам, выводы которого поддержал Президиум Суда по интеллектуальным правам, удовлетворил заявление предпринимателя, установив, что спорное обозначение не является тождественным уже зарегистрированному обозначению, поскольку не совпадает с ним во всех элементах, имеет графические отличия, что свидетельствует о различном общем зрительном впечатлении, которое производят эти обозначения.

Вместе с тем суд счел необходимым указать, что аналогичный подход не подлежит применению при рассмотрении вопроса о государственной регистрации в качестве товарного знака не тождественного обозначения,

а обладающего сходством с ранее зарегистрированным на того же правообладателя товарным знаком для тождественных товаров.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами Суда по интеллектуальным правам, отменила судебные акты и направила дело на новое рассмотрение ввиду следующего.

Основания для отказа в государственной регистрации товарного знака предусмотрены ст. 1483 ГК РФ.

В соответствии с подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Согласно подп. 37 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденными приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 482 (далее – Правила № 482), к обозначениям, противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали, относятся, в частности, неэтично примененная национальная и (или) государственная символика (гербы, флаги, эмблемы), антигосударственные лозунги, слова и изображения непристойного содержания, призывы антигуманного характера, оскорбляющие человеческое достоинство, религиозные чувства верующих, слова, написание которых нарушает правила орфографии.

Перечень случаев, когда государственная регистрация товарного знака может противоречить общественным интересам, не является исчерпывающим.

Государственная регистрация товарного знака по младшей заявке, тождественного старшему товарному знаку, на имя того же правообладателя в отношении тех же или пересекающихся (идентичных) товаров противоречит природе исключительного права, следовательно, такая регистрация противоречит общественным интересам.

Действующее законодательство не предусматривает возможности признания на один и тот же товарный знак нескольких исключительных прав, поскольку на каждый товарный знак признается единое по своему характеру исключительное право.

Согласно п. 41 Правил № 482 обозначение считается тождественным с другим обозначением (товарным знаком), если оно совпадает с ним во всех элементах.

Обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением (товарным знаком), если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия.

Сходство обозначений для отдельных видов обозначений определяется с учетом требований пп. 42–44 указанных Правил.

Согласно п. 42 Правил № 482 сходство словесных обозначений оценивается по звуковым (фонетическим), графическим (визуальным), смысловым (семантическим) признакам.

При этом графическое сходство определяется на основании следующих признаков: общее зрительное впечатление; вид шрифта; графическое написание с учетом характера букв (например, печатные или письменные, заглавные или строчные); расположение букв по отношению друг к другу; алфавит, буквами которого написано слово; цвет или цветовое сочетание.

Незначительные отличия шрифта обозначения (его размер, место размещения и т.д.) не имеют правового значения при установлении тождественности противопоставляемых обозначений.

С учетом изложенного судебная коллегия не согласилась с выводом Суда по интеллектуальным правам о том, что сравниваемые обозначения, отличающиеся не только шрифтовым исполнением, не могут быть признаны тождественными ни фактически, ни в правовом смысле.

Делая вывод о различном общем зрительном впечатлении, которое производят эти сравниваемые обозначения, как по шрифту, так и по пространственному расположению словесных элементов (обозначение по заявке выполнено заглавными буквами в одну строку, а уже зарегистрированное обозначение – в две строки), суд не учел, что данное обстоятельство не имеет правового значения при установлении тождественности противопоставляемых обозначений, если влияние таких графических отличий на восприятие обозначения российским потребителем крайне мало.

При этом судебная коллегия сочла обоснованным довод Роспатента о том, что в отсутствие существенного отличия не могут быть зарегистрированы на одного правообладателя обозначения в качестве товарных знаков, квалифицированные как серия.

Определение № 300-ЭС20-12050

32. В случаях оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку по основанию противоречия общественным интересам объем признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным не может быть поставлен судами в зависимость от подтверждения лицом, подавшим возражение, личной (фактической) заинтересованности в отношении конкретных товаров и услуг.

Общество подало в Роспатент возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку, мотивированное несоответствием государственной регистрации товарного знака требованиям подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ ввиду наличия у того же правообладателя (предпринимателя) более раннего права на тождественный товарный знак, зарегистрированный в отношении идентичного перечня товаров и услуг.

Роспатент удовлетворил возражение общества, признав предоставление правовой охраны товарному знаку недействительным частично в отношении ряда категорий товаров и услуг.

Предприниматель обратился в Суд по интеллектуальным правам с требованием о признании решения Роспатента недействительным и восстановлении правовой охраны товарного знака в оспоренной части.

Частично удовлетворяя требования предпринимателя, Суд по интеллектуальным правам, с выводами которого согласился президиум Суда по интеллектуальным правам, указал, что Роспатент пришел к неправомерному выводу о заинтересованности общества в подаче возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку в отношении товаров и услуг нескольких классов, поскольку общество доказало факт производства им товаров только одного из заявленных классов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты в части удовлетворения заявления предпринимателя и отказала в удовлетворении его заявления, отметив следующее.

В соответствии с порядком оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку, установленным положениями п. 2 ст. 1513 ГК РФ, возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку подается заинтересованным лицом.

Данная норма не конкретизирует понятия «заинтересованное лицо» и в то же время не содержит ограничений по видам заинтересованности.

По мнению Судебной коллегии, понятие «заинтересованность» применительно к оспариванию предоставления правовой охраны товарному знаку по основанию противоречия общественным интересам должно толковаться максимально широко, поскольку рассматриваемое основание оспаривания призвано защищать интересы общества, а не частный интерес конкретного лица, и запрещать необоснованную монополию на товарные знаки.

Решение Роспатента об удовлетворении возражения общества обусловлено противоречием предоставления правовой охраны оспариваемому товарному знаку в отношении товаров и услуг нескольких классов МКТУ общественным интересам ввиду наличия у предпринимателя «старшего» права на тождественный товарный знак в отношении идентичных товаров и услуг.

Следовательно, с учетом основания оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку, признания Роспатентом общества заинтересованным в подаче возражения и принятия возражения к рассмотрению, объем признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным не мог быть поставлен судами в зависимость от подтверждения лицом, подавшим возражение, личной (фактической) заинтересованности в отношении конкретных товаров и услуг.

Иное приведет к сохранению наличия исключительного права на два тождественных знака в отношении остальной части совпадающего перечня товаров и услуг, что противоречит природе исключительного права, и, соответственно, общественным интересам, а также может позволить неоднократное оспаривание предоставления правовой охраны товарному знаку по этому основанию, что не отвечает принципу правовой определенности, предполагающему стабильность и гарантирующему справедливое правовое регулирование.

При этом Судебная коллегия сочла, что правовая позиция, сформированная в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2012 г. № 16133/11, о необходимости обоснования фактического интереса в признании недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку, на которую сослался президиум Суда по интеллектуальным правам, не применима к спорным отношениям ввиду различных оснований для прекращения правовой охраны товарного знака.

Определение № 300-ЭС20-12511

33. Для удовлетворении ходатайства о принятии обеспечительных мер по спору, связанному с нарушением исключительных прав на фирменное наименование и товарный знак в результате незаконного использования доменных имен, достаточным является представление заявителем доказательств наличия у него права на товарный знак, а также его нарушения и обоснования причины обращения с требованием о применении обеспечительных мер.

Общество обратилось к Л. с требованием о пресечении действий, нарушающих право на товарный знак и фирменное наименование, выражающихся в незаконном использовании доменного имени.

После принятия иска к производству Общество подало заявление о принятии обеспечительных мер в виде запрета Л. совершать какие-либо действия, направленные на отказ или передачу прав администрирования спорных доменных имен, включая смену регистратора, а также в виде запрета регистратору аннулировать доменные имена и передавать права администрирования другому лицу.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда и суда кассационной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Отказывая в удовлетворении ходатайства Общества о принятии обеспечительных мер, суд первой инстанции исходил из недоказанности того, что непринятие обеспечительных мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, либо причинить значительный ущерб заявителю, указав на предположительный характер доводов заявителя.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определения судов и направила заявление о принятии обеспечительных мер на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Исходя из того, что обеспечительные меры являются ускоренным средством судебной защиты, направленным на обеспечение исполнения будущего судебного решения либо сохранение существующего состояния отношений между сторонами спорных правоотношений во избежание причинения ущерба заявителю (сохранения status quo в отношениях сторон) до момента разрешения спора, суд, рассматривая заявление о применении обеспечительных мер, оценивает, насколько истребуемая заявителем конкретная обеспечительная мера связана с предметом заявленного требования, соразмерна ему и каким образом она обеспечит фактическую реализацию целей обеспечительных мер, обусловленных основаниями, предусмотренными ч. 2 ст. 90 АПК РФ.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 160 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 10), не требуется представления отдельных доказательств того, что непринятие указанных в данном пункте обеспечительных мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта по существу спора; не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора.

Обязательным условием для применения обеспечительных мер является представление заявителем доказательств наличия оспоренного или нарушенного права, а также его нарушения. Исходя из этого достаточным является представление заявителем доказательств наличия у него права на товарный знак, а также его нарушения и обоснования причины обращения с требованием о применении обеспечительных мер.

Указанные обстоятельства подлежат оценке судом и являются основаниями для мотивирования судебного акта об обеспечительных мерах.

По смыслу ч. 4 ст. 170 АПК РФ любой судебный акт должен быть мотивированным, то есть в мотивировочной части должны содержаться обоснования принятых судом решений.

Между тем при разрешении заявления о принятии обеспечительных мер суды не выяснили и не оценили приведенные обстоятельства, в связи с чем отказ судов в удовлетворении заявления со ссылкой лишь на недоказанность того, что непринятие обеспечительных мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, либо причинить значительный ущерб заявителю, ошибочен.

Судебная коллегия пришла к выводу о том, что разрешая заявленное Обществом ходатайство, суды не учли специфику и особенность спора, связанного с нарушением исключительных прав на фирменное наименование

и товарный знак в результате незаконного использования доменных имен, и разъяснения, приведенные в п. 160 постановления Пленума № 10.

Определение № 305-ЭС20-16127

Практика применения законодательства о защите конкуренции

34. Правовым последствием признания торгов на право заключения договоров пользования рыбноводными участками несостоявшимися при условии соответствия заявки, поданной единственным допущенным к участию лицом, требованиям документации, является заключение с таким участником договора по результатам торгов.

Общество подало заявки на участие в аукционе на право заключения договоров пользования рыбноводными участками и было признано участником аукционов. Аукционы признаны несостоявшимися в связи с тем, что по спорным лотам была подана одна заявка.

Полагая, что организатор торгов обязан заключить с единственным участником аукциона договоры, Общество обратилось в арбитражный суд с требованием об обязанности заключить договоры по начальной цене предмета аукциона на право пользования спорными рыбноводными участками.

Решением суда первой инстанции требование удовлетворено. Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом округа, в удовлетворении требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления апелляционного суда и суда округа, оставив в силе решение суда первой инстанции ввиду следующего.

В соответствии с п. 1 ст. 447 ГК РФ договор заключается с лицом, выигравшим торги.

Согласно п. 4 ст. 447 ГК РФ торги проводятся в форме аукциона, конкурса или в иной форме, предусмотренной законом.

Результатом таких торгов является заключение договора с лицом, отвечающим всем требованиям документации о таких торгах и признанным их победителем.

Положениями ст. 447–448 ГК РФ не предусмотрено право отказаться от заключения договора с победителем.

Таким образом, действующим законодательством установлена обязанность организатора аукциона заключить договор по результатам его проведения.

Согласно общему правилу, установленному ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 148-ФЗ «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации», договор пользования рыбоводным участком заключается по результатам торгов (конкурсов, аукционов).

Порядок организации и проведения торгов (конкурсов, аукционов) на право заключения договора пользования рыбоводным участком установлен Правилами организации и проведения торгов (конкурсов, аукционов) на право заключения договора пользования рыбоводным участком, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 15 мая 2014 г. № 450 (далее – Правила № 450).

Согласно абзацу второму п. 104 Правил № 450 в случае, если документацией об аукционе предусмотрена реализация права на заключение 2 или более договоров, то аукцион признается несостоявшимся только по тем лотам, в отношении которых подана одна заявка об участии в аукционе.

В п. 107 Правил № 450 установлено, что на основании результатов рассмотрения заявок об участии в аукционе комиссия принимает решение о допуске к участию в аукционе заявителя и о признании заявителя, подавшего заявку об участии в аукционе, участником аукциона, или об отказе в допуске заявителя к участию в аукционе в порядке и по основаниям, которые предусмотрены данными Правилами.

В случае, если подана одна заявка на участие в аукционе или не подано ни одной такой заявки, в протокол вносится запись о признании аукциона несостоявшимся (абзац второй п. 109 Правил № 450).

Положения п. 111 Правил № 450 предусматривают, что в случае если принято решение об отказе в допуске к участию в аукционе по отдельному лоту всех заявителей, подавших заявки об участии в аукционе, или о признании только одного заявителя участником аукциона, аукцион признается несостоявшимся. В этом случае организатор аукциона проводит в течение 6 месяцев со дня опубликования протокола рассмотрения заявок об участии в аукционе новый аукцион в соответствии с названными Правилами.

В случае если документацией об аукционе предусмотрена реализация права на заключение 2 и более договоров, аукцион признается несостоявшимся только в отношении тех лотов, по которым принято решение об отказе в допуске к участию в аукционе или о допуске к участию в аукционе и о признании участником аукциона только одного заявителя, подавшего заявку об участии в аукционе. При этом организатор аукциона обязан вернуть внесенные задатки заявителям, подавшим заявки об участии в аукционе, в порядке, предусмотренном п. 110 Правил № 450.

Условия п. 111 Правил № 450, предусматривающие проведение нового аукциона в течение 6 месяцев со дня опубликования протокола рассмотрения заявок об участии в аукционе в случае, когда аукцион признается несостоявшимся в связи с признанием одного заявителя участником аукциона, вступают в противоречие с нормой п. 125 Правил № 450.

В соответствии с конституционным принципом равенства субъектов предпринимательской деятельности перед законом, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, учитывая неравный правовой

режим в отношении единственных участников аукциона, признанного несостоявшимся, пришла к выводу, что в рассматриваемой ситуации подлежит применению п. 125 Правил № 450.

В п. 125 Правил № 450, введенным в действие Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2017 г. № 1419 «О внесении изменений в Правила организации и проведения торгов (конкурсов, аукционов) на право заключения договора пользования рыбноводным участком» (далее – Постановление № 1419), предусмотрено, что в случае, если аукцион признан несостоявшимся в соответствии с подп. «а» п. 124 данных Правил, то организатор аукциона обязан заключить с его единственным участником договор по начальной цене предмета аукциона.

Согласно подп. «а» п. 124 Правил № 450 аукцион признается несостоявшимся, если в аукционе участвовали менее 2 участников.

Поскольку понятие «менее 2 участников» означает участие в аукционе одного (единственного) участника, Правила № 450 в части пп. 111 и 125 относительно последствий признания аукциона несостоявшимся ставят единственных участников аукциона в неравные условия: проведение нового аукциона в течение 6 месяцев (п. 111 Правил № 450); заключение договора с единственным участником аукциона (п. 125 Правил).

Принимая во внимание изложенное, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, учитывая различный правовой режим в отношении единственных участников аукциона, признанного несостоявшимся, сочла правильным вывод суда первой инстанции о необходимости применения в рассматриваемом случае положений п. 125 Правил № 450.

Признание торгов несостоявшимися является их конечным результатом только в случае отсутствия поданных заявок на участие в торгах либо в случае отказа в допуске к участию в торгах всем потенциальным претендентам, поскольку в данных случаях такое признание не влечет за собой никаких правовых последствий и неспособно привести к нарушению либо ущемлению чьих-либо гражданских прав.

Правовым последствием признания торгов несостоявшимися при условии соответствия заявки, поданной единственным допущенным к участию лицом, требованиям документации, является заключение с таким участником договора по результатам торгов.

Дополняя Правила № 450 п. 125, законодатель исходил из необходимости совершенствования порядка предоставления рыбноводных участков.

Определение № 307-ЭС20-11071

Практика применения законодательства о налогах и сборах

35. При применении повышающего коэффициента 2 к ставке земельного налога 0,3 процента, предусмотренной п. 15 ст. 396 НК РФ

в отношении участков, приобретенных (предоставленных) для жилищного строительства в рамках реализации договора о развитии застроенной территории, должны учитываться положения градостроительного законодательства, определяющие сроки, в течение которых налогоплательщик обязан приступить к строительству соответствующих объектов недвижимости.

Между обществом и администрацией города заключен договор о развитии застроенной территории в городе сроком на десять лет. В целях реализации обязательств по указанному договору обществу предоставлены девять земельных участков, образованных в границах застроенной территории, подлежащей развитию, в том числе земельные участки, имеющие вид разрешенного использования «Многоэтажная жилая застройка (высотная застройка)».

По результатам налоговой проверки, представленной обществом декларации по земельному налогу за отчетный период, налоговый орган доначислил обществу сумму земельного налога, а также авансовые платежи по земельному налогу.

Основанием для принятия указанного решения послужил вывод налогового органа о необходимости применения обществом при исчислении земельного налога за отчетный период по земельным участкам, имеющим вид разрешенного использования «Многоэтажная жилая застройка (высотная застройка)», повышающего коэффициента 2 к налоговой ставке 0,3 процента, предусмотренного абзацем первым п. 15 ст. 396 НК РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

Согласно абзацу первому п. 15 ст. 396 НК РФ в отношении земельных участков, приобретенных (предоставленных) в собственность физическими и юридическими лицами на условиях осуществления на них жилищного строительства, исчисление суммы налога (суммы авансовых платежей по налогу) производится с учетом коэффициента 2 в течение трехлетнего срока строительства, начиная с даты государственной регистрации прав на данные земельные участки вплоть до государственной регистрации прав на построенный объект недвижимости.

В п. 15 ст. 396 НК РФ также указано, что в случае завершения такого жилищного строительства и государственной регистрации прав на построенный объект недвижимости до истечения трехлетнего срока строительства сумма налога, уплаченного за этот период сверх суммы

налога, исчисленной с учетом коэффициента 1, признается суммой излишне уплаченного налога и подлежит зачету (возврату) налогоплательщику в общеустановленном порядке.

Исходя из буквального содержания данной нормы применение повышающего коэффициента к ставке налога 0,3 процента является правовым последствием одного факта – отсутствия на земельном участке, представленном для жилищного строительства, построенного объекта недвижимости. При этом указанное регулирование связано с земельным участком и установленным для него видом разрешенного использования, и не связано с тем, кто является собственником (владельцем) земельного участка, продолжительностью владения участком.

Таким образом, воля законодателя состоит в исключении возможности извлечения налоговой выгоды собственниками земельных участков, которые не имели объективных препятствий в осуществлении жилищного строительства, но уклонились от освоения земельного участка, не завершив строительство, по крайней мере до истечения трех лет с момента получения участка в собственность либо изначально не имели намерения по его освоению, например, если приобретенные земельные участки рассматривались налогоплательщиком лишь в качестве активов для последующей продажи.

Вместе с тем при применении указанных правил налогообложения должна обеспечиваться их гармонизация с правилами (особенностями), установленными законодательством для отдельных видов правоотношений, в рамках которых осуществляется жилищное строительство, предопределяющих возможности налогоплательщика приступить к началу строительства и завершить его в соответствующие сроки.

В ином случае применение повышающего коэффициента при исчислении земельного налога может из средства стимулирования жилищного строительства приобрести характер санкции, выражающейся в установлении более обременительных условий налогообложения в отсутствие к тому разумных и объективных оснований, то есть, по существу, к произвольному налогообложению, запрещенному в силу п. 3 ст. 3 НК РФ.

Согласно чч. 2 и 3 ст. 46¹ Градостроительного кодекса Российской Федерации (в редакции, действующей на момент заключения договора о развитии застроенной территории) решение о развитии застроенной территории принимается органами местного самоуправления при наличии на этой территории многоквартирных домов, признанных аварийными и подлежащими в связи с этим сносу, либо снос (реконструкция) которых планируется на основании муниципальных адресных программ.

В случае заключения договора о развитии застроенной территории сроки осуществления строительства устанавливаются в соответствии с утвержденным проектом планировки, включают снос имеющихся объектов и распространяются на новое строительство всех объектов в границах застроенной территории.

Общество указывало, что договором о развитии застроенной территории предусмотрен срок жилищного строительства в десять лет, совпадающий со сроком действия договора о развитии застроенной территории. Данный срок охватывает выполнение застройщиком обязательств по сносу аварийных домов и расселению их жильцов, подготовке всей необходимой проектной документации и строительству пяти многоквартирных жилых домов, с возведением всей коммунальной инфраструктуры и благоустройством территории.

Учитывая объем работ по договору, выполнение строительства на всех земельных участках в течение трех лет, начиная с даты государственной регистрации прав на данные земельные участки вплоть до государственной регистрации прав на построенные объекты, по доводам налогоплательщика, является заведомо невозможным.

В такой ситуации судам следовало дать оценку тому, в какие сроки после предоставления соответствующих земельных участков в собственность общества должен был произведен снос имеющихся объектов и начато новое строительство жилья, например, исходя из сроков, указанных в разрешениях на строительство конкретных объектов и, соответственно, с какого момента после получения земельных участков в собственность должен исчисляться срок применения повышающего коэффициента, предусмотренный абзацем первым п. 15 ст. 396 НК РФ.

В связи с изложенным, Судебная коллегия отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив, что судам следует учесть сроки, по истечении которых налогоплательщик с учетом требований градостроительного законодательства должен был приступить к строительству жилья на земельных участках в рамках реализации своих обязательств по развитию территории города.

Определение № 309-ЭС20-11143

36. Увеличение цены договора и дополнительного взыскания сумм НДС с покупателя в случае неправильного учета налога продавцом при формировании окончательного размера цены договора допускается в случаях, когда такая возможность согласована обеими сторонами договора, либо предусмотрена нормативными правовыми актами. Пересмотр договорной цены в связи с самим фактом возможного изменения объема налоговых обязательств продавца (исполнителя) не является правомерным.

Между заказчиком, правопреемником которого является учреждение, и обществом заключен договор подряда на выполнение строительных работ.

Ссылаясь на то, что по результатам исполнения договора учреждение должно уплатить обществу сверх оговоренной в договоре цены, указанной без НДС, сумму затрат по уплате обществом НДС своим поставщикам при

приобретении товаров и услуг, необходимых для производства работ по договору, общество направило учреждению соответствующую претензию.

Учреждение оставило указанную претензию без удовлетворения, что послужило основанием для обращения общества в арбитражный суд с соответствующим заявлением.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленные требования удовлетворены.

Суды исходили из того, что установленная договором цена не включает в себя НДС, в связи с чем спорная сумма налога подлежит взысканию с учреждения. При этом суды ссылались на правовые позиции, выраженные в п. 15 информационного письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 января 2000 г. 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» и п. 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 декабря 1996 г. № 9 «Обзор судебной практики применения законодательства о налоге на добавленную стоимость».

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в иске, учитывая следующее.

Согласно ст. 424 ГК РФ исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон (п. 1), а изменение цены после заключения договора допускается в случаях и на условиях, предусмотренных договором, законом либо в установленном законом порядке (п. 2).

Судебная практика, сформированная в период действия Закона Российской Федерации от 6 декабря 1991 г. № 1992-1 «О налоге на добавленную стоимость» и начала действия гл. 21 «Налог на добавленную стоимость» НК РФ, признавала, что продавец товаров (работ, услуг) вправе взыскать с покупателя не уплаченные при расчетах за реализованный товар суммы, составляющие НДС, если при указании договорной цены стороны не сделали оговорку о включении НДС в соответствующую сумму, независимо от наличия в договоре условия о возможности увеличения цены.

Между тем Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в п. 17 постановления от 30 мая 2014 г. № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» занял иной подход, отметив, что бремя надлежащего учета сумм НДС при определении окончательного размера указанной в договоре цены, ее выделения в расчетных и первичных учетных документах, счетах-фактурах отдельной строкой лежит только на одной из сторон сделки – на продавце как налогоплательщике.

Названный подход, отвечающий положениям ст. 424 ГК РФ, предполагает, что риск неправильного понимания налогового законодательства при определении окончательного размера цены, по общему правилу, приходится на обязанное по налоговому законодательству лицо –

налогоплательщика (исполнителя), и не может с безусловностью переноситься на другую сторону договора.

Поэтому, по общему правилу, возможность увеличения цены сделки и дополнительного взыскания сумм НДС с покупателя в случае неправильного учета налога продавцом при формировании окончательного размера цены договора допускается только в случаях, когда такая возможность согласована обеими сторонами договора, либо предусмотрена нормативными правовыми актами.

Судами установлено, что цена договора является твердой, договор не содержит положений о возможности ее увеличения в связи с изменением налоговых обязательств исполнителя. Закон, который устанавливает обязательность пересмотра договорной цены, в рассматриваемой ситуации отсутствует.

Следовательно, вывод судов о допустимости пересмотра договорной цены в связи с самим фактом возможного изменения объема налоговых обязательств исполнителя не может быть признан правомерным.

Кроме того, суды не приняли во внимание, что общество, по сути, просило взыскать не суммы налога, подлежащие уплате им самим как налогоплательщиком при реализации работ по договору подряда в пользу учреждения, а требовало компенсации сумм НДС, уплаченных обществом своим контрагентам в цене приобретенных у них товаров (работ, услуг).

Вместе с тем в силу пп. 2 и 3 ст. 709 ГК РФ цена в договоре подряда включает компенсацию издержек подрядчика и причитающееся ему вознаграждение. Цена работы может быть определена путем составления сметы. В случае, когда работа выполняется в соответствии со сметой, составленной подрядчиком, смета приобретает силу и становится частью договора подряда с момента подтверждения ее заказчиком.

Таким образом, по общему правилу, состав издержек исполнителя, подлежащих возмещению в цене договора, определяется в смете, согласованной сторонами договора. Иные издержки покрываются за счет предусмотренного сметой вознаграждения подрядчика.

На основании подп. 3 п. 1 ст. 170, пп 2 и 3 ст. 346¹¹ НК РФ суммы НДС, предъявленные подрядчику его поставщиками и иными контрагентами при приобретении у них соответствующих товаров (работ, услуг), не принимаются к вычету у подрядчика, применяющего упрощенную систему налогообложения, а учитываются в стоимости таких товаров (работ, услуг). Иными словами, для подрядчика, применяющего упрощенную систему налогообложения, суммы «входящего» НДС являются частью его издержек на приобретение соответствующих товаров (работ, услуг).

Учитывая, что стоимость работ определена по утвержденной и прошедшей экспертизу проектно-сметной документации, цена договора является твердой и окончательной на весь срок выполнения работ и не подлежит никаким изменениям, оплата работ осуществляется по цене договора в соответствии со сметой, а также в связи с тем, что возможность

пересмотра сметы по требованию одной из сторон договор не содержит, требования общества не подлежали удовлетворению.

Определение № 303-ЭС20-10766

37. Налоговый орган не вправе начислять пени налогоплательщику, своевременно представившему заявление о зачете переплаты, за период после подтверждения ее наличия до фактического принятия должностными лицами налогового органа решения о ее зачете.

Обществом 26 июля 2018 г. в налоговый орган представлена уточненная налоговая декларация по налогу на прибыль организаций за отчетный период, 23 августа 2018 г. заявление о зачете суммы налога на прибыль организаций, излишне уплаченного в бюджет в счет предстоящих платежей по НДС, 24 октября 2018 г. налоговая декларация по НДС за 3 квартал 2018 г.

По окончании камеральной проверки 26 октября 2018 г. (пятница) налоговый орган принял решение о зачете переплаты по налогу на прибыль организаций в счет текущих платежей по НДС, однако ввиду того, что начисленный по налоговой декларации за 3 квартал 2018 г. налог не был уплачен в установленный срок, а зачет подтвержденной переплаты по налогу на прибыль организаций в счет текущих платежей по НДС состоялся 29 октября 2018 г. (понедельник), то налоговый орган начислил обществу пени за несвоевременную уплату НДС за период просрочки.

Не согласившись с правомерностью начисления пени, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании действий налогового органа незаконными и об обязанности налогового органа устранить допущенное нарушение прав и законных интересов общества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты, признала действия налогового органа незаконными и обязала его устранить допущенные нарушения, обратив внимание на следующее.

Федеральный законодатель установил в гл. 11 НК РФ пеню как один из способов обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов (сборов, страховых взносов).

В силу положений пп. 1 и 2 ст. 75 НК РФ пеней признается денежная сумма, которую налогоплательщик должен выплатить в случае уплаты причитающихся сумм налогов, в более поздние по сравнению с установленными законодательством о налогах и сборах сроки. Сумма соответствующих пеней уплачивается помимо причитающихся к уплате

сумм налога и независимо от применения других мер обеспечения исполнения обязанности по уплате налога, а также мер ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах.

Согласно пп. 3 и 4 ст. 75 НК РФ пеня начисляется за каждый календарный день просрочки исполнения обязанности по уплате налога начиная со следующего за установленным законодательством о налогах и сборах дня уплаты налога по день исполнения обязанности по его уплате включительно в процентах от неуплаченной суммы налога.

Из содержания приведенных положений следует, что пеня выступает мерой государственного принуждения, обеспечивающей реализацию публичного интереса в своевременном поступлении суммы налога в бюджет, – она стимулирует налогоплательщиков к добросовестной уплате причитающихся сумм налогов. Одновременно она является мерой имущественной (восстановительной) ответственности, призванной компенсировать ущерб, понесенный бюджетной системой в случаях, когда налоговая обязанность не была исполнена в срок. В последнем случае основанием взимания пени, по существу, выступает неправомерное оставление налогоплательщиком у себя суммы налога, подлежавшей уплате в бюджет, и пользование средствами казны.

Начисление пени за период организационного оформления решения о зачете должностными лицами налогового органа в ситуации, когда переплата является подтвержденной (завершена налоговая проверка или истек срок ее проведения), и налогоплательщиком заблаговременно (до наступления срока уплаты налога) представлено заявление о зачете, означало бы применение меры государственного принуждения к лицу, совершившему необходимые действия для исполнения своей налоговой обязанности, и при отсутствии с его стороны незаконного пользования средствами казны, что противоречит правовой режиму пени, установленному гл. 11 НК РФ.

Как следовало из материалов дела, общество заблаговременно (более чем за два месяца до наступления срока уплаты НДС) заявило о своем намерении использовать для исполнения предстоящей обязанности по уплате НДС определенный источник – переплату по налогу на прибыль организаций в части, зачисляемой в бюджеты субъектов Российской Федерации.

Таким образом, воля налогоплательщика на исполнение предстоящей обязанности по уплате НДС за счет переплаты по налогу на прибыль организаций была выражена в надлежащие сроки и заранее известна налоговому органу.

Дальнейшее отложение налоговым органом принятия решения о зачете подтвержденной переплаты вызвано организационными вопросами налогового администрирования, а не действиями налогоплательщика.

Начисление пени за период после подтверждения переплаты до фактического принятия решения о зачете к налогоплательщику, своевременно представившему заявление о зачете переплаты, противоречит правовой природе данной меры государственного принуждения,

определенной в гл. 11 НК РФ, как средства обеспечения исполнения налоговой обязанности, в связи с чем налоговый орган не должен был начислять пени за указанный период.

Определение № 305-ЭС20-2879

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

38. Арбитражный управляющий, являющийся членом избирательной комиссии с правом решающего голоса, не может быть привлечен к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации.

Административным органом выявлены факты нарушения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей при проведении процедур банкротства в отношении общества в рамках дела о банкротстве, а именно:

– конкурсным управляющим не опубликованы сведения в ЕФРСБ о пересмотре судебного акта по результатам рассмотрения заявления о признании сделки недействительной;

– конкурсным управляющим ненадлежащим образом исполнены обязанности по проведению инвентаризации имущества должника.

Указанные нарушения послужили основанием для обращения административного органа в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Арбитражный управляющий являлся членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, о чем он указывал при рассмотрении дела в суде первой инстанции, в том числе в отзыве на заявление административного органа, приложив копию соответствующего удостоверения.

В соответствии с п. 18 ст. 29 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 67-ФЗ) член комиссии с правом решающего голоса не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации.

В области административной ответственности гарантии, предоставляемые членам избирательных комиссий, не являются их личной привилегией, имеют публично-правовой характер, поскольку призваны служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом таких лиц именно в силу осуществляемых ими публично значимых полномочий, ограждая их в период исполнения указанных полномочий от необоснованных преследований и способствуя беспрепятственной деятельности избирательных комиссий, их самостоятельности и независимости. Такие гарантии полностью исключают возможность привлечения к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, лица, являющегося членом избирательной комиссии с правом решающего голоса, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации.

Вместе с тем суд первой инстанции рассмотрел дело и привлек арбитражного управляющего, являющегося членом избирательной комиссии с правом решающего голоса, к административной ответственности без соблюдения требований п. 18 ст. 29 Закона № 67-ФЗ.

Суды апелляционной и кассационной инстанций не устранили допущенное судом первой инстанции нарушение порядка привлечения к административной ответственности лица, являющегося членом избирательной комиссии с правом решающего голоса.

Учитывая, что арбитражный управляющий подлежит привлечению судом к административной ответственности с соблюдением требований п. 18 ст. 29 Закона № 67-ФЗ и возможность рассмотрения дела по существу в установленном порядке с получением соответствующего согласия прокурора субъекта Российской Федерации на привлечение арбитражного управляющего к административной ответственности не утрачена, Судебная коллегия отменила обжалуемые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 308-ЭС20-10652

Процессуальные вопросы

39. Суд кассационной инстанции не вправе рассматривать кассационную жалобу на решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по делу об оспаривании решения административного органа по делу об административном правонарушении по правилам, предусмотренным гл. 35 АПК РФ, с учетом особенностей, установленных ст. 288² АПК РФ, если размер назначенного лицу административного штрафа превышает размер, установленный ч. 5¹ ст. 211 АПК РФ.

Постановлением административного органа индивидуальный предприниматель привлечен к административной ответственности, предусмотренной ст. 7.1 КоАП РФ.

Не согласившись с указанным постановлением, предприниматель обратился в арбитражный суд с соответствующим заявлением.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о наличии в действиях предпринимателя состава вмененного правонарушения. Суд округа согласился с указанными выводами и рассмотрел дело согласно ч. 5¹ ст. 211 АПК РФ и по правилам ч. 2 ст. 288² АПК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд кассационной инстанции, обратив внимание на следующее.

В соответствии с ч. 5¹ ст. 211 АПК РФ решение по делу об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание только в виде предупреждения и (или) в виде административного штрафа и размер назначенного административного штрафа не превышает для юридических лиц 100 000 руб., для индивидуальных предпринимателей – 5000 руб., может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции. Такое решение, если оно было предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции, и постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, принятое по данному делу, могут быть обжалованы в арбитражный суд кассационной инстанции по правилам, предусмотренным гл. 35 АПК РФ, и рассматриваются им с учетом особенностей, установленных ст. 288² АПК РФ. В других случаях решения по делам об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности обжалуются в порядке, установленном ст. 181 АПК РФ.

Оспариваемым постановлением административного органа о привлечении к административной ответственности предпринимателю назначено наказание в виде административного штрафа в размере 100 000 руб.

Поскольку размер назначенного предпринимателю административного штрафа превышает 5000 руб., то у суда округа отсутствовали основания для рассмотрения кассационной жалобы предпринимателя на решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции единолично без вызова сторон по правилам, предусмотренным гл. 35 АПК РФ, с учетом особенностей, установленных ст. 288² АПК РФ.

Допущенные судом округа нарушения норм АПК РФ лишили предпринимателя права на участие в судебном заседании по рассмотрению кассационной жалобы на судебные акты судов первой и апелляционной

инстанций, а также лишили его права на рассмотрение указанной кассационной жалобы коллегиальным составом суда.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 15 февраля 2009 г. № 144-О-П, положениям, закрепленным во Всеобщей декларации прав человека (ст. 7, 8 и 10), Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6) все равны перед законом и судом, каждый при определении его гражданских прав и обязанностей имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. По смыслу этих положений, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 16 марта 1998 г. № 9-П, право каждого на судебную защиту посредством независимого и беспристрастного суда, компетенция которого установлена законом, означает, в частности, что рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным, а не произвольно выбранным составом суда; соответственно, ст. 47 (ч. 1) Конституции Российской Федерации гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Учитывая, что кассационная жалоба предпринимателя на решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции рассмотрена судом округа с нарушением установленного АПК РФ порядка рассмотрения дела арбитражным судом кассационной инстанции, Судебная коллегия отменила постановление суда округа.

Определение № 304-ЭС20-10840

40. На стадии подготовки дела к судебному заседанию арбитражный суд первой инстанции может завершить предварительное судебное заседание и открыть судебное заседание только при отсутствии на то возражений лиц, участвующих в деле, не явившихся в судебное заседание, извещенных о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия. При этом законодательство не предусматривает необходимости мотивированного обоснования таких возражений, если они были заявлены.

Общество обратилось к строительной компании (далее – Компания, ответчик) с требованием о взыскании задолженности.

Компанией подано ходатайство, которое содержало сообщение о невозможности явки представителя в судебное заседание. В связи с этим на основании ч. 4 ст. 137 АПК РФ заявлено возражение относительно перехода к рассмотрению дела по существу в предварительном судебном заседании.

Суд первой инстанции, указав на отсутствие возражений сторон, определил перейти к рассмотрению дела по существу, отметив, что заявлений и ходатайств, препятствующих рассмотрению дела в данном судебном заседании нет. В судебном заседании принял участие представитель истца, об ответчике указано, что он не явился, извещен.

Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение суда первой инстанции без изменения, признав доводы ответчика со ссылкой на допущенные процессуальные нарушения судом первой инстанции необоснованными и указав, что ст. 137 АПК РФ предусматривает право суда в отсутствие мотивированных возражений отсутствующей стороны перейти к рассмотрению дела по существу.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты и направила дело на новое разбирательство ввиду следующего.

На основании ч. 4 ст. 137 АПК РФ, если в предварительном судебном заседании присутствуют лица, участвующие в деле, либо лица, участвующие в деле, отсутствуют в предварительном судебном заседании, но они извещены о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия и ими не были заявлены возражения относительно рассмотрения дела в их отсутствие, то суд вправе завершить предварительное судебное заседание и открыть судебное заседание в первой инстанции, за исключением случая, если в соответствии с АПК РФ требуется коллегиальное рассмотрение данного дела.

Согласно п. 27 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» (далее – постановление Пленума № 65), если лица, участвующие в деле, извещенные надлежащим образом о времени и месте проведения предварительного судебного заседания и судебного разбирательства дела по существу, не явились в предварительное судебное заседание и не заявили возражений против рассмотрения дела в их отсутствие, то судья вправе завершить предварительное судебное заседание и начать рассмотрение дела в судебном заседании арбитражного суда первой инстанции в случае соблюдения требований ч. 4 ст. 137 АПК РФ.

Указанная процессуальная норма и ее толкование, изложенное в постановлении Пленума № 65, однозначно предусматривают действия суда первой инстанции на стадии подготовки дела к судебному разбирательству по завершению предварительного судебного заседания и возможности открыть судебное заседание только при отсутствии на то возражений лиц, участвующих в деле, не явившихся в судебное заседание, извещенных о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия.

При этом закон и постановление Пленума № 65 не предусматривают при подаче таких возражений необходимости мотивированного обоснования

лицами, участвующими в деле, невозможности перехода из предварительного судебного заседания в судебное заседание.

Пункт 27 постановления Пленума № 65 также содержит указание на то, что при наличии возражений лиц, участвующих в деле, относительно продолжения рассмотрения дела в судебном заседании арбитражного суда первой инстанции суд назначает иную дату рассмотрения дела по существу, о чем указывает в определении о назначении дела к судебному разбирательству.

В силу прямого указания в законе и в постановлении Пленума № 65 на действия судьи в случае подачи возражения о переходе из предварительного судебного заседания в судебное заседание игнорирование такого возражения влечет нарушение процессуальных прав лиц, участвующих в деле, в том числе связанных с подготовкой сторон к судебному заседанию, урегулированием спора с использованием примирительных процедур, а также нарушает баланс интересов сторон.

Определение № 305-ЭС20-14939

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

41. Неустановление в ходе предварительного расследования размера наркотического средства само по себе не исключает уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ при условии подтверждения факта сбыта этого средства совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств.

По приговору суда первой инстанции Б. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 228¹, п. «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (преступление 26 сентября 2017 г.), ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (преступление 27 сентября 2017 г.).

Суд кассационной инстанции отменил приговор в части осуждения Б. по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (преступление 27 сентября 2017 г.) с прекращением дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления с признанием за ним права на реабилитацию.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в кассационном представлении просил отменить кассационное определение в части отмены судебных решений по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ за преступление, совершенное 27 сентября 2017 г., и направить уголовное дело в этой части на новое кассационное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила представление, указав следующее.

Как установлено судом в приговоре, 27 сентября 2017 г. в период с 8 часов 00 минут до 10 часов 30 минут осужденный Б., действуя по просьбе Р. и имея умысел на сбыт ему наркотических средств, передал последнему приобретенное у неустановленного лица наркотическое средство alpha PVP, alpha PNP, являющееся производным N-метилэфедрона, получив за это личную выгоду в виде частичного погашения задолженности перед Р. за ранее приобретенный у него автомобиль.

Указанные действия Б. органами предварительного следствия, а затем и судом квалифицированы по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (преступление 27 сентября 2017 г.) как незаконный сбыт наркотических средств.

Суд кассационной инстанции, признавая неподтвержденным наличие в действиях осужденного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (преступление 27 сентября 2017 г.), сослался на то, что наркотическое средство, сбыт которого вменялся в вину Б., не было изъято и приобщено к материалам уголовного дела, и по нему не проводилась экспертиза, которая бы установила вид этого наркотического средства, а также его массу.

Между тем законом не предусмотрено обязательное проведение экспертизы для установления вида и размера наркотического средства, являвшегося предметом сбыта. Факт сбыта может быть подтвержден, в частности, с помощью иных доказательств: показаний свидетелей, фото- и видеосъемки, исследования следов, в том числе возникших в результате воздействия наркотического средства на организм человека, заключений и показаний специалиста.

По данному делу выводы суда о виновности Б. в сбыте наркотического средства основываются на показаниях Р. о приобретении им 27 сентября 2017 г. у осужденного Б. наркотических средств, после употребления которых он был задержан сотрудниками правоохранительных органов; справке о результатах химико-токсикологических исследований, согласно которой в биологических объектах Р. обнаружены alpha PVP, alpha PNP, являющийся производным N-метилэфедрона; акте медицинского освидетельствования Р. от 27 сентября 2017 г., из которого следует, что в его организме выявлено наличие тех же веществ – alpha PVP, alpha PNP; заключении комиссии экспертов о том, что состояние опьянения Р., исходя из результатов химико-токсикологических исследований его биологических объектов, вызвано употреблением им наркотического средства alpha PVP, alpha PNP, являющегося производным N-метилэфедрона, внесенного в список 1 Перечня наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002; показаниях специалиста о возможности выявления следов данного вида наркотика в течение примерно 48 часов после однократного применения и около 72 часов – после многократного.

Судом первой инстанции учтено и то, что химико-биологическое исследование вещества, которое осужденный сбыл Р., не проводилось, поскольку данное вещество было полностью потреблено последним до его задержания и в силу этой объективной причины не могло быть изъято и приобщено к материалам уголовного дела.

В этой связи отсутствие в деле заключения эксперта по результатам исследования сбытого осужденным наркотического средства не дает оснований сомневаться в допустимости и достоверности представленных суду и исследованных доказательств, совокупность которых обоснованно была признана достаточной для постановления обвинительного приговора.

В подтверждение выводов об употреблении Р. приобретенного у осужденного Б. наркотического средства, о его виде, названии и свойствах в приговоре приведены результаты медицинского освидетельствования Р. и химико-токсикологического исследования его биологических объектов, полученные специалистами в соответствующей области. Связь между фактом потребления Р. данного вида наркотического средства α PVP, α PNP, являющегося производным N-метилэфедрона, и его состоянием опьянения установлена заключением комиссии экспертов, в котором также указаны свойства этого наркотического средства, включенного в список средств и веществ, запрещенных к обороту.

Не может служить основанием для отмены приговора в части осуждения Б. за совершение преступления 27 сентября 2017 г. и то, что судом первой инстанции не установлена точная масса сбытого осужденным наркотического средства.

Как следует из диспозиции ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, уголовная ответственность лица за предусмотренный данной нормой закона сбыт наркотических средств наступает независимо от размера этих средств, не являющегося в данном случае ни криминообразующим, ни квалифицирующим признаком состава преступления.

Исходя из этого неустановление точного размера сбытого виновным наркотического средства при подтвержденности самого факта его сбыта, не исключает возможность квалификации содеянного с учетом толкования сомнений относительно размера наркотического средства в пользу обвиняемого по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ и, соответственно, не является основанием для прекращения уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение в части отмены приговора и апелляционного определения в части осуждения Б. по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (преступление 27 сентября 2017 г.), прекращения уголовного дела в связи с отсутствием в его действиях состава преступления с признанием за ним права на реабилитацию.

Уголовное дело в этой части передано на новое кассационное рассмотрение в тот же суд кассационной инстанции иным составом суда.

Определение № 3-УДП20-22-КЗ

Назначение наказания

42. По смыслу закона активное способствование раскрытию и расследованию преступления состоит в добровольных и активных действиях виновного, направленных на сотрудничество со следствием, и может выражаться, например, в том, что он предоставляет органам следствия информацию, до того им неизвестную, об обстоятельствах совершения преступления и дает правдивые, полные показания, способствующие расследованию.

По приговору суда первой инстанции (с учетом последующих изменений) В. осужден к лишению свободы по п. «Г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ (два преступления) к 10 годам 6 месяцам за каждое преступление, по ч. 3 ст. 30, п. «Г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к 10 годам. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено окончательное наказание 12 лет лишения свободы.

По приговору суда В. признан виновным и осужден за совершение двух незаконных сбытов наркотических средств в крупном размере, а также за покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере. В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного оспаривал приговор в части назначенного В. наказания. По мнению адвоката, суд оставил без внимания и оценки тот факт, что в стадии предварительного следствия В. дал признательные показания, сообщил об источниках получения наркотических средств, о лицах, поставляющих ему наркотические средства, своей роли в незаконном обороте наркотиков, а также о новом преступлении, сведениями о котором сотрудники полиции не располагали.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила кассационную жалобу частично, указав следующее.

Как следует из приговора, суд не установил у В. обстоятельств, отягчающих его наказание, а в качестве обстоятельств, смягчающих его наказание, учел наличие у него на иждивении малолетнего ребенка, признание вины и раскаяние в содеянном, положительную характеристику, то, что он женат и является единственным кормильцем, совершил преступления в силу стечения трудных жизненных, семейных обстоятельств, отсутствия стабильной работы, источника дохода и необходимости содержать семью.

Однако при назначении В. наказания суд не обсудил вопрос о наличии такого смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, как активное способствование раскрытию и расследованию преступления.

Согласно материалам уголовного дела, после задержания В. полностью признал свою вину, давал признательные показания об обстоятельствах совершения преступлений, о своей роли в незаконном обороте наркотических средств, подтвердил свои показания на месте, указав место тайника, где он приобрел наркотическое средство, которое в дальнейшем сбыл М.

Так, обстоятельства, касающиеся времени, места, способа незаконного приобретения наркотического средства в крупном размере, их сбыта 6 января 2017 г. М. и покушения на сбыт наркотических средств, стали известны из объяснений В., данных 6 января 2017 г., его показаний, данных в ходе допроса в качестве подозреваемого 7 января 2017 г., при допросе в качестве обвиняемого, а также при их проверке на месте 12 января 2017 г.

Признательные и исчерпывающие показания на предварительном следствии в качестве подозреваемого и обвиняемого были даны В. по факту сбыта им 29 декабря 2016 г. наркотических средств М.

Кроме того, в своих показаниях В. сообщил органам следствия о незаконном хранении в целях последующего сбыта наркотического средства а-пирролидиновалерофенона (PVP), являющегося производным наркотического средства N-метилэфедрона, массой 0,714 г, которое им было добровольно выдано в ходе проверки показаний на месте. По данному факту вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Таким образом, осужденный предоставил органам следствия информацию, в том числе ранее неизвестную о совершенных им преступлениях, которая имела значение для их раскрытия и расследования.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, признала по всем преступлениям смягчающим наказание обстоятельством предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ активное способствование раскрытию и расследованию преступлений и с применением ч. 1 ст. 62 УК РФ смягчила назначенное за каждое из двух преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, наказание до 10 лет лишения свободы, а также по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ до 9 лет 6 месяцев лишения свободы.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 4 ст. 228¹, п. «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначила В. окончательное наказание 11 лет лишения свободы.

43. Организация совершения преступлений и руководство их исполнением (ч. 3 ст. 33 УК РФ) является признаком объективной стороны соответствующих преступлений и в силу ч. 2 ст. 63 УК РФ не может повторно учитываться в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

По приговору суда первой инстанции (с учетом изменений, внесенных кассационным определением) Б. осужден к лишению свободы по ч. 3 ст. 33 и ч. 4 ст. 160 УК РФ на 6 лет, по ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 201 УК РФ (два преступления) на 5 лет с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций сроком на 3 года за каждое. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Б. назначено окончательное наказание 7 лет лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций сроком на 3 года.

Осужденный в кассационной жалобе просил о пересмотре приговора и кассационного определения, полагая, что суд неправильно признал в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, его особо активную роль в совершении преступлений, поскольку данное обстоятельство является признаком организатора преступления, к тому же не мотивировал свои выводы в этой части.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор в части назначенного осужденному наказания, указав следующее.

Как усматривается из приговора, суд при назначении осужденному наказания на основании п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ признал обстоятельством, отягчающим наказание, особо активную роль в совершении преступлений.

При этом судом установлено, что осужденный Б. являлся организатором и руководителем созданной им организованной группы, определял роли и степень участия в реализации единого преступного умысла каждого из участников преступлений, координировал их действия, разработал преступный план действий, разрешал вопросы финансового и материально-технического обеспечения организованной группы, соблюдения мер конспирации при ведении преступной деятельности и придания преступным действиям соучастников видимости законных.

Эти действия осужденного квалифицированы судом по ч. 3 ст. 33 УК РФ.

Между тем организация совершения преступлений и руководство их исполнением сами по себе предполагают особо активную роль лица в

совершении преступлений и являются признаками объективной стороны совершенных преступлений.

В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно не может повторно учитываться при назначении наказания. Иных обстоятельств, помимо организации совершения преступлений и руководства их исполнением, позволяющих признать особо активную роль осужденного Б. в совершении преступлений, судом в приговоре не приведено.

Кроме того, в соответствии с п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания.

Однако обоснование вывода об особо активной роли осужденного в совершении преступлений при признании такого отягчающего обстоятельства судом не приведено.

Данные обстоятельства не были приняты во внимание судом кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела.

В связи с этим Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, кассационное определение, исключила из описательно-мотивировочной части приговора указание о признании в качестве отягчающего наказание обстоятельства особо активную роль осужденного в совершении преступлений и смягчила назначенное Б. наказание по ч. 3 ст. 33 и ч. 4 ст. 160 УК РФ до 5 лет 10 месяцев лишения свободы, по ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 201 УК РФ (два преступления) до 4 лет 10 месяцев лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций сроком на 3 года за каждое.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33 и ч. 4 ст. 160, ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 201 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание 6 лет 9 месяцев лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций сроком на 3 года.

Определение № 5-УД20-91-К2

44. Наступление тяжких последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни человека в момент его причинения не может быть признано обстоятельством, отягчающим наказание, и повторно учитываться при назначении наказания за совершение покушения на убийство.

По приговору суда первой инстанции (с учетом последующих изменений) З. осужден помимо прочего по ч. 3 ст. 30, пп. «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в отношении Б. 29 сентября 2015 г.) к 12 годам с ограничением свободы на 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено окончательное наказание 22 года 11 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, изменила приговор в части назначенного ему наказания по следующим основаниям.

Как следует из приговора, решая вопрос о назначении наказания за совершение осужденным покушения на убийство потерпевшей Б., суд признал в качестве отягчающего обстоятельства наступление тяжких последствий в результате совершения преступления.

Между тем согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, пп. «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство), предполагает наступление последствий в виде наступления вреда здоровью человека любой категории тяжести, включая тяжкий вред.

Указанное обстоятельство – наступление тяжких последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни человека в момент его причинения – не может повторно учитываться судом как отягчающее наказание.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исключила из приговора в части осуждения за покушение на убийство Б. указание на обстоятельство, отягчающее наказание – наступление тяжких последствий, и смягчила назначенное осужденному по ч. 3 ст. 30, пп. «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ наказание до 11 лет 10 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, назначив окончательное наказание 22 лет 1 месяца лишения свободы с ограничением свободы на 1 год.

Определение № 49-УД20-23

45. В случае, если на день вступления в силу акта об амнистии обвинительный приговор, которым подтвержден факт совершения осужденным новых преступлений в период испытательного срока, установленного предыдущим приговором, не вступил в законную силу, то основания для назначения наказания по ст. 70 УК РФ отсутствуют.

По приговору суда от 4 сентября 2008 г. А. (ранее судимый 14 сентября 2006 г. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с

испытательным сроком 1 год, с продлением испытательного срока на основании постановлений суда от 26 января 2007 г. на 4 месяца и от 7 мая 2007 г. на 3 месяца) осужден по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 15 лет лишения свободы, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на 10 лет лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний А. назначено 17 лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение по приговору от 14 сентября 2006 г., и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров А. назначено окончательное наказание 17 лет 6 месяцев лишения свободы.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2008 г. приговор оставлен без изменения.

Постановлением суда от 25 апреля 2012 г. приговоры, постановленные в отношении А., приведены в соответствие с действующим законодательством. По приговору суда от 14 сентября 2006 г. действия А. переквалифицированы на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), по которой назначено наказание в виде 1 года 11 месяцев лишения свободы, на основании ст. 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком на 1 год. По приговору суда от 4 сентября 2008 г. действия А. квалифицированы по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено 17 лет лишения свободы, в соответствии со ст. 74 УК РФ условное осуждение по приговору от 14 сентября 2006 г. отменено, и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров А. назначено окончательное наказание 17 лет 5 месяцев лишения свободы.

Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2020 г. кассационное определение от 4 сентября 2008 г. и постановление суда от 25 апреля 2012 г. в части внесенных в приговор от 4 сентября 2008 г. изменений отменены и уголовное дело передано на новое кассационное рассмотрение в порядке, предусмотренном гл. 45 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор от 4 сентября 2008 г. и исключила назначение А. наказания в соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров, указав следующее.

По приговору суда от 14 сентября 2006 г. А. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком на 1 год, с продлением испытательного срока на основании постановлений суда от 26 января и 7 мая 2007 г. соответственно на 4 и 3 месяца.

По приговору суда от 4 сентября 2008 г. в соответствии со ст. 74 УК РФ было отменено условное осуждение А. по приговору от 14 сентября

2006 г., и на основании ст. 70 УК РФ назначено окончательное наказание по совокупности приговоров.

Согласно положениям п. 4 и подп. 6 п. 13 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» условно осужденные подлежат освобождению от наказания, если они не являются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

В соответствии с подп. 5 п. 19 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания при применении акта об амнистии следует считать осужденных, совершивших умышленные преступления в течение установленного судом испытательного срока.

При этом по смыслу указанного подпункта факт совершения осужденным нового умышленного преступления в течение установленного судом испытательного срока должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии – 24 апреля 2015 г. – постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день таких процессуальных документов акт об амнистии подлежит применению.

Поскольку на день вступления в силу акта об амнистии – 24 апреля 2015 г. – приговор суда от 4 сентября 2008 г. с учетом постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2020 г. об отмене кассационного определения в силу не вступил, то оснований для применения в отношении А. положений ч. 5 ст. 74 и ст. 70 УК РФ нет.

Определение № 32-О20-1

46. Истечение срока давности уголовного преследования после провозглашения приговора, но до его вступления в законную силу влечет освобождение осужденного от наказания.

По приговору суда от 4 сентября 2008 г. (с учетом последующих изменений) С. осужден по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 15 лет лишения свободы, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на 10 лет лишения свободы, по ст. 319 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) к исправительным работам на 7 месяцев с удержанием в доход государства

15% заработка. На основании ч. 3 ст. 69 и ст. 71 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний С. назначено 17 лет лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 2 июля 2020 г., рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, изменила приговор по следующим основаниям.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности по истечении двух лет со дня совершения преступления небольшой тяжести.

Согласно ч. 8 ст. 302 УПК РФ при установлении факта истечения срока давности в ходе судебного разбирательства суд постановляет по делу обвинительный приговор с освобождением осужденного от назначенного ему наказания. По смыслу закона такое же решение принимается и в том случае, если срок давности истекает после постановления приговора, но до его вступления в законную силу.

Как установлено судом, оскорбление представителей власти было совершено 6 февраля 2008 г., таким образом, срок давности уголовного преследования С. за данное преступление, являющееся преступлением небольшой тяжести, составляет 2 года и истек до рассмотрения уголовного дела в кассационной инстанции, то есть до вступления приговора в законную силу.

С учетом требований ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона действия осужденного С., квалифицированные по ст. 319 УК РФ, подлежат переквалификации на ст. 319 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, как смягчающую наказание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, переквалифицировала действия С. на ст. 319 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, по которой назначила наказание в виде исправительных работ на 6 месяцев с удержанием в доход государства 15 % заработка, и от назначенного наказания освободила на основании ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ.

Определение № 32-О20-1

Процессуальные вопросы

47. В соответствии со ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения.

По приговору суда первой инстанции Ф., ранее судимый, осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к 11 годам 6 месяцам лишения свободы. На основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров к назначенному

наказанию частично присоединено неотбытое наказание по предыдущему приговору и назначено окончательное наказание 12 лет лишения свободы.

В апелляционном порядке дело не рассматривалось.

Суд кассационной инстанции изменил приговор, действия осужденного переквалифицированы с ч. 3 ст. 30, п. «г» ч.4 ст. 228¹ УК РФ на ч. 2 ст. 228 УК РФ, по которой назначено 7 лет лишения свободы. В соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров к назначенному наказанию частично присоединено неотбытое наказание по предыдущему приговору, и Ф. назначено окончательное наказание 7 лет 6 месяцев лишения свободы.

Осужденный Ф. в кассационной жалобе оспаривал постановление президиума Московского городского суда в части назначенного ему наказания, считая его чрезмерно суровым.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила состоявшиеся по делу судебные решения по следующим основаниям.

Суд первой инстанции, описывая преступные действия Ф., указал в приговоре, что Ф. в неустановленное следствием время и в неустановленном месте, но не позднее 11 часов 20 минут 7 апреля 2016 г. приобрел с целью последующего сбыта порошкообразное вещество, содержащее в своем составе наркотические средства: ацетилкодеин, 6-моноацетилморфин и героин (диацетилморфин) общей массой 30,94 г, что составляет крупный размер.

Суд кассационной инстанции пришел к выводу об отсутствии в материалах дела и в приговоре доказательств, подтверждающих наличие у осужденного умысла на сбыт обнаруженных и изъятых у него наркотических средств, и квалифицировал действия осужденного по ч. 2 ст. 228 УК РФ как незаконное приобретение и хранение наркотических средств без цели сбыта, в крупном размере.

Вместе с тем в соответствии со ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления, а также доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого.

Однако в нарушение требований ст. 307 УПК РФ суд не указал в приговоре обстоятельства незаконного приобретения осужденным наркотического средства, признанного доказанным, а именно: место, время и способ совершения.

Таким образом, суд первой инстанции не установил и не указал в приговоре обстоятельства, составляющие объективную сторону преступления и подлежащие доказыванию по уголовному делу, что является обязательным условием наступления уголовной ответственности.

Суд кассационной инстанции, квалифицируя действия осужденного как незаконное приобретение без цели сбыта наркотических средств,

образующее согласно положениям статьи 228 УК РФ самостоятельное преступление, не принял во внимание и не учел отсутствие установления этих обстоятельств судом первой инстанции в приговоре.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и постановление суда кассационной инстанции, исключила осуждение Ф. по признаку – незаконное приобретение наркотических средств без цели сбыта, в крупном размере и смягчила наказание, назначенное по ч. 2 ст. 228 УК РФ, до 6 лет 6 месяцев лишения свободы. На основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров частично присоединила неотбытое наказание по предыдущему приговору и назначила осужденному окончательное наказание 7 лет лишения свободы.

Определение № 5-УД20-115

48. Нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора, выразившееся в принятии во время нахождения в совещательной комнате по уголовному делу решений по другим делам (в частности, гражданским), является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и влечет безусловную отмену приговора.

Как усматривается из протокола судебного заседания по уголовному делу в отношении И., судебное разбирательство было начато 5 февраля 2016 г. в 10 часов 00 минут.

И. было предоставлено последнее слово, после чего суд удалился в совещательную комнату для постановления приговора, который был провозглашен 8 февраля 2016 г., и судебное заседание было закрыто в этот же день в 10 часов 05 минут.

Осужденный в кассационной жалобе просил об отмене судебных решений, поскольку при постановлении приговора была нарушена тайна совещательной комнаты, ввиду того, что судья во время нахождения в совещательной комнате принимал решения по гражданским делам.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и последующие судебные решения, дело передала на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии судебного разбирательства, указав следующее.

Процедура постановления приговора, обеспечивающая тайну совещательной комнаты, урегулирована ст. 298 УПК РФ, согласно которой выход суда из совещательной комнаты может быть связан с окончанием рабочего времени, а в течение дня – с необходимостью отдыха.

Таким образом, действующий уголовно-процессуальный закон не позволяет суду при нахождении в совещательной комнате по одному делу, вновь в нее удаляться для постановления судебного решения по другому делу.

В ходе проведенной проверки установлено и подтверждается протоколами судебных заседаний по гражданским делам, что в период нахождения суда по данному уголовному делу 8 февраля 2016 г. в совещательной комнате судьей С. были проведены судебные заседания по трем гражданским делам.

Несоблюдение взаимосвязанных положений ст. 295, 298 и 310 УПК РФ, регламентирующих порядок удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, постановления приговора с соблюдением тайны совещания судей, провозглашения приговора, свидетельствует о нарушении процедуры судопроизводства, что могло повлиять на исход дела.

В соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим безусловную отмену судебного решения.

Определение № 19-УД20-27

49. При рассмотрении доводов кассационной жалобы о необеспечении подсудимому возможности участия в судебных прениях суд кассационной инстанции вправе проверить порядок судебного разбирательства путем сопоставления текста протокола с его аудиозаписью.

По приговору суда первой инстанции (с учетом внесенных апелляционным постановлением изменений) А. осужден по ч. 3 ст. 264 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции приговор и апелляционное постановление отменены, уголовное дело передано на новое рассмотрение в тот же суд первой инстанции иным составом суда.

Потерпевшие в кассационных жалобах просили отменить кассационное определение, мотивируя тем, что основанием для отмены решений судов первой и апелляционной инстанций явилось невыяснение у подсудимого его желания лично участвовать в прениях сторон и непредоставление ему такой возможности. Однако этот вывод суда не соответствует фактическим обстоятельствам и опровергается аудиопротоколом судебного заседания суда первой инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в тот же суд иным составом суда по следующим основаниям.

Согласно положениям ст. 259 УПК РФ в ходе каждого судебного заседания ведется протокол. В ходе судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций составляется протокол в письменной форме и

ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование).

При этом аудиозапись прилагается к материалам уголовного дела и может служить средством обеспечения полноты и объективности протокола судебного заседания, способствовать проверке и оценке вышестоящими судебными инстанциями правосудности принятых по уголовному делу решений.

С учетом полномочий, определенных законодателем, суды апелляционной и кассационной инстанций при проверке законности и обоснованности постановленных приговоров и иных решений при наличии сомнений и неясностей не ограничены в возможности проверить точность, полноту и правильность протокола судебного заседания путем сопоставления текста протокола с его аудиозаписью, оформленной в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Эти положения не были учтены судом кассационной инстанции по настоящему уголовному делу.

Действительно, в письменном протоколе судебного заседания от 18 октября 2019 г. не содержится данных о том, что после завершения возобновленного судебного следствия по делу в прениях сторон суд выяснял у подсудимого его желание лично участвовать в прениях сторон и предоставил ему такую возможность.

Вместе с тем, как следует из материалов уголовного дела, в ходе судебного разбирательства в соответствии с ч. 5 ст. 259 УПК РФ велось протоколирование с использованием средств аудиозаписи, о чем имеется отметка в протоколе судебного заседания, и данная аудиозапись приобщена к материалам дела.

Из прослушанной аудиозаписи судебного разбирательства следует, что 18 октября 2019 г. в соответствии с установленной судом последовательностью выступлений участников прений после завершения возобновленного судебного следствия судом вновь была предоставлена возможность выступить в прениях сторон всем участникам процесса, в том числе и подсудимому А. (аудиозапись от 18 октября 2019 г., файл 1815-1829, время 14.56; файл 1815-3330).

Данных о том, что судом кассационной инстанции были сопоставлены и проверены данные аудиозаписи хода судебного заседания с письменным текстом протокола судебного заседания, не имеется.

Вместе с тем отсутствие в письменном тексте протокола судебного заседания указания на предоставленную возможность выступить в прениях сторон при наличии такого указания, содержащегося в аудиозаписи к данному протоколу, что указывает на фактическую сторону реализации права подсудимого на защиту, не является тем безусловным основанием для отмены приговора и последующих состоявшихся судебных решений, о котором идет речь в ст. 389¹⁷ УПК РФ.

Таким образом, каких-либо данных, ставящих под сомнение возможность реализации подсудимым своего права на защиту в судебном процессе, не имеется, факт информированности о предъявленном обвинении установлен и возможность осуществления защиты от обвинения судом была обеспечена.

Определение № 16-УД20-10-К4

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

50. В случае, если законодательством субъекта Российской Федерации предусмотрено предоставление молодой семье такой меры социальной поддержки, как социальная выплата при рождении (усыновлении) ребенка (детей) для погашения основной суммы долга и уплаты процентов по кредитному (ипотечному) договору (договору займа) на приобретение жилого помещения, то при решении вопроса о праве семьи на получение такой выплаты правовое значение имеет установление факта непогашенного на момент рождения ребенка остатка по кредитному договору, денежные средства по которому использовались для приобретения жилья.

Решением комиссии по жилищным вопросам органа местного самоуправления семья А., состоящая из трех человек, была признана нуждающейся в улучшении жилищных условий.

В 2015 году на основании договора купли-продажи с ипотекой в силу закона административный истец и его супруга приобрели в общую совместную собственность квартиру; на покупку указанной квартиры административному истцу и его супруге банком был предоставлен кредит.

В связи с рождением второго ребенка супруги А. обратились в орган местного самоуправления с заявлением о предоставлении социальной выплаты при рождении ребенка в рамках соответствующей региональной программы государственной поддержки молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий; просили предоставить указанную выплату в объеме стоимости 12 кв.м жилья на списание основной суммы долга и уплату процентов по кредитному договору, заключенному в целях приобретения жилого помещения.

Также в 2015 году административный истец и его семья признаны органом местного самоуправления участниками региональной программы государственной поддержки молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

В 2016 году административный истец и его супруга заключили с другим банком кредитный договор с целью полного досрочного погашения

задолженности по кредитному договору, заключенному в 2015 году для приобретения жилого помещения (рефинансирование).

Решением органа местного самоуправления А. и его семье было отказано в предоставлении социальной выплаты в связи с отсутствием задолженности по заключенному на момент рождения ребенка кредитному договору на приобретение жилого помещения.

Не согласившись с таким решением, А. оспорил его в суде.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

При этом суд исходил из того, что кредитный договор, заключенный в 2016 году, был направлен на погашение ранее предоставленного молодой семье ипотечного кредита на приобретение жилого помещения, в связи с чем основания для отказа в предоставлении социальной выплаты отсутствовали.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления. Суд указал, что юридически значимым обстоятельством для правильного разрешения заявленных требований является целевое назначение предоставляемой молодой семье социальной выплаты – погашение части ипотечного жилищного кредита (займа) на приобретение (строительство) жилого помещения или создание объекта индивидуального строительства. В связи с тем, что такой кредит административным истцом полностью погашен, не имеется правовых оснований для предоставления социальной выплаты и использования ее для погашения долга по кредитному договору, заключенному с целью рефинансирования ранее предоставленного ипотечного кредита.

Кассационным судом общей юрисдикции судебный акт суда апелляционной инстанции оставлен без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050 утверждены особенности реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», приложением № 1 к которым являются Правила предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования (далее – Правила).

Подпунктом «е» п. 2 Правил (в редакции, действовавшей на момент принятия оспариваемого решения органа местного самоуправления) было предусмотрено, что социальные выплаты на приобретение (строительство) жилья используются для погашения основной суммы долга и уплаты процентов по жилищным кредитам, в том числе ипотечным, или жилищным займам на приобретение жилого помещения или строительство жилого дома,

за исключением иных процентов, штрафов, комиссий и пеней за просрочку исполнения обязательств по этим кредитам или займам.

Исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, в котором проживает семья административного истца, утверждена региональная программа государственной поддержки молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий; целью этой программы является в том числе государственная поддержка решения жилищных проблем молодых семей, признанных в установленном порядке нуждающимися в улучшении жилищных условий, для достижения которой необходимо решение такой задачи, как обеспечение предоставления молодым семьям социальных выплат при рождении (усыновлении) ребенка (детей).

Также предусмотрено, что указанная социальная выплата предоставляется в форме погашения основной суммы долга и уплаты процентов по кредитному (ипотечному) договору (договору займа) на приобретение жилого помещения; расчет размера социальной выплаты производится на момент рождения (усыновления) ребенка (детей) и не может превышать остатка непогашенного кредита (займа) на приобретение жилого помещения.

Таким образом, исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, определяя условия предоставления названной социальной выплаты, установил требования, которым должна отвечать молодая семья, имеющая право на получение такой выплаты; одним из таких требований является наличие непогашенного остатка по кредитному (ипотечному) договору (договору займа) на приобретение жилого помещения на момент рождения (усыновления) ребенка (детей).

В этой связи для решения вопроса о праве семьи А. на получение социальной выплаты правовое значение имеет установление факта непогашенного на момент рождения второго ребенка остатка по кредитному договору, денежные средства по которому использовались для приобретения жилья.

Иное толкование положений региональной программы противоречит назначению указанной меры социальной поддержки, поименованной социальной выплатой при рождении (усыновлении) ребенка (детей).

Судом было установлено и из материалов административного дела следовало, что по состоянию на март 2015 года (день рождения второго ребенка в семье административного истца) у семьи А. имелся остаток задолженности по кредитному договору, заключенному в 2015 году для приобретения жилого помещения.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что у административного ответчика отсутствовали правовые основания для вывода о несоответствии семьи А. требованиям, предъявляемым к молодой семье, имеющей право на получение названной выше меры социальной поддержки.

Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации также признаны необоснованными доводы административного ответчика о рефинансировании в другом банке кредита, полученного А. и его супругой в 2015 году для приобретения жилого помещения, поскольку целью заключения нового кредитного договора, денежные средства по которому были направлены исключительно на досрочное погашение основного долга по первоначальному кредитному договору, являлось уменьшение финансовой нагрузки по уплате процентов по кредиту; кроме того, договор был заключен под залог объекта недвижимости – квартиры, приобретенной в 2015 году.

Таким образом, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации признала законным и обоснованным решение суда первой инстанции об удовлетворении административного искового заявления А.

Определение 49-КАД20-3-К6

51. При рассмотрении административного искового заявления о признании незаконным бездействия органа местного самоуправления, выразившегося в ненадлежащем содержании автомобильной дороги местного значения, существенное значение имеет установление факта нахождения этой дороги в границах муниципального образования, ее отображение на генеральном плане муниципального образования.

Также подлежат установлению фактические обстоятельства, связанные с техническим состоянием дороги, выполнением собственником (владельцем) обязанности по ее ремонту и содержанию.

З. и М. обратились в суд с административным иском о признании бездействия органов местного самоуправления, возложении обязанности привести дорогу общего пользования в надлежащее состояние.

В обоснование заявленных требований указали, что автомобильная грунтовая дорога между населенными пунктами, в одном из которых они проживают, находится в ненадлежащем состоянии; указанная дорога относится к категории местных дорог, никогда не ремонтировалась и не приводилась в состояние, соответствующее требованиям технических регламентов, в зимний период от снега не очищается, что создает препятствия в ее использовании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

При этом суд исходил из того, что к населенному пункту, в котором проживают административные истцы, имеется подъезд, который осуществляется через другую асфальтобетонную автодорогу. Указанная дорога не внесена в генеральный план муниципального образования, однако фактически эксплуатируется жителями; следовательно, со стороны

административных ответчиков незаконного бездействия, выразившегося в ненадлежащем содержании грунтовой автомобильной дороги, допущено не было.

Кассационным судом общей юрисдикции названные судебные акты оставлены без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты в части отказа в удовлетворении административного искового заявления о признании незаконным бездействия органов местного самоуправления, выразившегося в ненадлежащем содержании автомобильной дороги. В указанной части административное дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При этом Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

В силу ст. 3 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ) дорожная деятельность – деятельность по проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, ремонту и содержанию автомобильных дорог; ремонт автомобильной дороги – комплекс работ по восстановлению транспортно-эксплуатационных характеристик автомобильной дороги, при выполнении которых не затрагиваются конструктивные и иные характеристики надежности и безопасности автомобильной дороги; содержание автомобильной дороги – комплекс работ по поддержанию надлежащего технического состояния автомобильной дороги, оценке ее технического состояния, а также по организации и обеспечению безопасности дорожного движения.

Согласно подп. 5 п. 1 ст. 14, подп. 5 п. 1 ст. 15 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ к полномочиям органов местного самоуправления городских поселений, муниципальных районов, городских округов в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности относятся: осуществление муниципального контроля за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения, установление порядка осуществления муниципального контроля за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения, утверждение перечня автомобильных дорог общего пользования местного значения, перечня автомобильных дорог необщего пользования местного значения, осуществление дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения, утверждение нормативов финансовых затрат на капитальный ремонт, ремонт, содержание автомобильных дорог местного значения и правил расчета размера

ассигнований местного бюджета на указанные цели, осуществление иных полномочий, отнесенных законодательством Российской Федерации к полномочиям органов местного самоуправления.

Владельцем автомобильных дорог признается местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования) наряду с другими субъектами, указанными в п. 7 ст. 3 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ.

Таким образом, на местную администрацию (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования) как на орган местного самоуправления федеральный законодатель возложил обязанность осуществления дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения в границах городских поселений, муниципальных районов, городских округов и обеспечения безопасности дорожного движения на них, включая ремонт и их содержание.

Судом было установлено и из материалов административного дела следовало, что генеральный план муниципального образования содержит информацию о грунтовой дороге местного значения, в отношении которой возник спор; также соответствующими доказательствами подтверждается факт нахождения указанной дороги в ведении исполнительного комитета сельского поселения.

Вместе с тем при рассмотрении и разрешении данного административного дела техническое состояние этой грунтовой дороги суд не устанавливал, выполнение собственником (владельцем) грунтовой дороги обязанности по ее ремонту и содержанию не выяснял.

При этом Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что наличие иной подъездной дороги, не внесенной в генеральный план муниципального образования, не освобождает фактического собственника (владельца) грунтовой дороги, включенной в генеральный план муниципального образования, от исполнения требований действующего законодательства по содержанию ее в состоянии, обеспечивающем безопасное движение транспортных средств, в соответствии с установленными требованиями.

В связи с изложенным Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные акты в указанной части и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение №11-КАД20-4-К6

52. Гражданин вправе оспорить действия, совершенные при осуществлении производства по делу об административном правонарушении и повлекшие за собой нарушение его прав и свобод, в порядке гл. 22 КАС РФ в случае, если производство по делу об административном правонарушении прекращено или не было

возбуждено и указанные действия влекут правовые последствия для гражданина, а иной порядок их оспаривания законом не предусмотрен.

П. обратился в суд с административным иском о признании незаконными действий должностных лиц по эвакуации его автомобиля с принадлежащего ему земельного участка, а также по составлению административного материала.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, производство по данному административному делу прекращено.

При этом суд исходил из того, что требования, заявленные административным истцом, не подлежат рассмотрению и разрешению в порядке, установленном КАС РФ, поскольку рассматриваются и разрешаются в ином судебном порядке в соответствии с нормами КоАП РФ.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила административное дело в суд первой инстанции для рассмотрения по существу в порядке административного судопроизводства, указав следующее.

Из материалов административного дела следовало, что в отношении П. сотрудником полиции было вынесено постановление по делу об административном правонарушении.

Решением суда данное постановление было отменено с указанием на нарушения должностным лицом требований, предусмотренных ст. 1.5, 24.1, 26.1, 26.11 КоАП РФ, производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

П. обратился в суд с административным иском о признании незаконными действий должностных лиц по эвакуации и помещению на специализированную стоянку временного содержания его автомобиля. Кроме того, должностные лица, по мнению административного истца, после эвакуации автомобиля незаконно оформили документы в его отсутствие и внесли в них дополнения.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ судья отказывает в принятии административного искового заявления в случае, если административное исковое заявление не подлежит рассмотрению и разрешению судом в порядке административного судопроизводства, поскольку это заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 194 упомянутого кодекса суд прекращает производство по административному делу в случае, если имеются основания, предусмотренные ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

Главой 22 этого же кодекса предусмотрен порядок производства по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления,

иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

По общему правилу, действие КАС РФ в силу его ч. 5 ст. 1 не распространяется на производство по делам об административных правонарушениях.

К числу решений должностных лиц, которые не могут быть обжалованы по правилам административного судопроизводства, относятся решения, для которых гл. 30 КоАП РФ установлен порядок их обжалования, а именно: постановления по делам об административных правонарушениях (в том числе в связи с обжалованием по мотиву неразрешения в постановлении вопроса об изъятых вещах и документах, о вещах, на которые наложен арест), а также определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях не урегулирована процедура обжалования решений, действий (бездействия), которые являются неразрывно связанными с конкретным делом об административном правонарушении и не могут быть предметом самостоятельного обжалования (доказательства по делу об административном правонарушении).

Доводы о недопустимости конкретного доказательства либо применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении могут быть изложены в ходе рассмотрения дела либо в жалобе на постановление или решение по делу об административном правонарушении.

Вместе с тем в случае, если производство по делу об административном правонарушении прекращено, то действия, совершенные при осуществлении производства по этому делу, повлекшие за собой нарушение прав, свобод и законных интересов гражданина, создание препятствий к осуществлению им прав, свобод и реализации законных интересов, незаконное возложение какой-либо обязанности после прекращения производства по делу, могут быть оспорены по правилам гл. 22 КАС РФ.

В случае, если дело об административном правонарушении не возбуждалось, действия должностных лиц могут быть оспорены в том же порядке.

Исходя из изложенного, гражданин вправе оспорить действия, совершенные при осуществлении производства по делу об административном правонарушении, повлекшие за собой нарушение его прав и свобод, в порядке гл. 22 КАС РФ в случае, если производство по делу прекращено или не возбуждалось и указанные действия влекут правовые последствия для гражданина, а иной порядок их оспаривания законодательством не предусмотрен.

Поскольку при рассмотрении дела об оспаривании постановления о привлечении П. к административной ответственности судом не проверялся вопрос о законности действий должностных лиц в той части, которая оспаривается административным истцом в рамках данного административного дела, а производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности, то вывод судов о том, что указанные требования административного истца подлежат рассмотрению в соответствии с нормами КоАП РФ, нельзя признать правильным.

Определение 85-КАД20-1-К1

53. Наличие объекта вспомогательного использования, возведенного на земельном участке, переданном гражданину в аренду для ведения личного подсобного хозяйства, не может повлечь возникновение права этого гражданина на приобретение земельного участка под данным объектом в собственность на основании ст. 39²⁰ Земельного кодекса Российской Федерации.

Г. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным решения органа местного самоуправления об отказе в предоставлении в собственность за плату земельного участка.

В обоснование заявленных требований указал, что ранее земельный участок предоставлен ему в аренду для ведения личного подсобного хозяйства. На этом участке возведено нежилое здание – летняя кухня, площадью 11,1 кв. м, в связи с чем он обратился с заявлением о предоставлении земельного участка в собственность.

Органом местного самоуправления в удовлетворении заявления Г. было отказано, поскольку на испрашиваемом земельном участке не возведен жилой дом, а площадь участка значительно превышает необходимую для эксплуатации расположенной на нем летней кухни.

Не согласившись с таким решением, Г. оспорил его в суде.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

При этом суд исходил из наличия у Г. права на приобретение в собственность арендуемого земельного участка, поскольку возведенная им на участке летняя кухня является капитальным строением бытового назначения и обладает признаками объектов недвижимости, предназначенных для использования в бытовых целях.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления, указав, что возведение летней кухни не порождает у заявителя права на приобретение в собственность земельного участка, поскольку данный объект имеет вспомогательное назначение,

а испрашиваемый земельный участок площадью 535 кв. м значительно превышает площадь, необходимую для эксплуатации расположенного на нем строения.

Кассационный суд общей юрисдикции отменил судебный акт суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение суда кассационной инстанции и оставила в силе судебный акт суда апелляционной инстанции об отказе в удовлетворении административного искового заявления, указав следующее.

Подпунктами 1 и 14 ст. 39¹⁶ ЗК РФ предусмотрено, что уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка, в том числе в случаях, если с заявлением о предоставлении земельного участка обратилось лицо, которое в соответствии с земельным законодательством не имеет права на приобретение земельного участка без проведения торгов; разрешенное использование земельного участка не соответствует целям использования такого земельного участка, указанным в заявлении о предоставлении земельного участка.

Согласно подп. 6 п. 2 ст. 39³ ЗК РФ без проведения торгов осуществляется продажа земельных участков, на которых расположены здания, сооружения, собственникам таких зданий, сооружений либо помещений в них в случаях, предусмотренных ст. 39²⁰ данного кодекса.

В соответствии с п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ, если иное не установлено указанной статьей или другим федеральным законом, исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду имеют граждане, юридические лица, являющиеся собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках.

По смыслу указанных норм, подлежащих применению с учетом общих положений земельного законодательства, обязывающих собственников земельных участков и лиц, не являющихся собственниками земельных участков, использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением (ст. 42 ЗК РФ), возникновение исключительного права на приобретение земельного участка без проведения торгов зависит от достижения той цели, для которой он предоставлялся лицу.

Так, возведение на земельном участке объекта вспомогательного использования, в том числе при наличии государственной регистрации права собственности на этот объект, не влечет возникновения у лица права на приобретение в собственность земельного участка в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 4 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» на приусадебном земельном участке допускается возведение жилого дома, производственных, бытовых и иных зданий, строений, сооружений с соблюдением градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических,

противопожарных и иных правил и нормативов. Параметры жилого дома, который возводится на приусадебном земельном участке, должны соответствовать параметрам объекта индивидуального жилищного строительства, указанным в п. 39 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации.

Установленный Классификатором видов разрешенного использования вид разрешенного использования земельных участков «для ведения личного подсобного хозяйства (приусадебный земельный участок)» (код 2.2) предусматривает возможность размещения жилого дома; производства сельскохозяйственной продукции; размещения гаража и иных вспомогательных сооружений; содержание сельскохозяйственных животных.

В силу ч. 10 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» к зданиям и сооружениям пониженного уровня ответственности относятся здания и сооружения временного (сезонного) назначения, а также здания и сооружения вспомогательного использования, связанные с осуществлением строительства или реконструкции здания или сооружения либо расположенные на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного строительства.

Таким образом, к числу объектов капитального строительства вспомогательного использования относятся здания, строения, сооружения, не имеющие самостоятельного хозяйственного назначения и предназначенные для обслуживания другого (главного) объекта капитального строительства.

Соответственно, не могут быть отнесены к числу объектов вспомогательного использования объекты капитального строительства, имеющие одинаковую функцию с основными (главными) объектами.

Из приведенных правовых норм следует, что производственные, бытовые и иные здания, строения и сооружения, расположенные на приусадебных земельных участках и обладающие признаками объекта недвижимости, являются объектами вспомогательного использования по отношению к основному объекту – жилому дому.

Право гражданина, являющегося правообладателем приусадебного земельного участка, самостоятельно определить очередность возведения указанных объектов и принять решение об их создании до начала строительства жилого дома не исключает правила о возможности приобретения такого участка в собственность путем выкупа на возмездной основе только после окончания строительства основного объекта.

Поскольку возведенный административным истцом на земельном участке, переданном ему в аренду для ведения личного подсобного хозяйства, объект (летняя кухня) имеет вспомогательное назначение, то его строительство не может повлечь возникновение права на приобретение земельного участка под данным объектом в собственность на основании приведенных норм земельного законодательства, в связи с чем правовых оснований для возложения на административного ответчика обязанности

предоставить испрашиваемый земельный участок Г. в собственность не имелось.

Определение 18-КАД20-27-К4

54. При рассмотрении административного дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке суду необходимо выяснить, имеется ли у гражданина тяжелое психическое расстройство, влечет ли оно последствия в виде непосредственной опасности для гражданина или для окружающих, беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи; является ли лечение гражданина возможным лишь в условиях медицинской организации.

Обязанность доказывания обстоятельств по такому административному делу лежит на лице, обратившемся в суд с заявлением.

При отсутствии соответствующих оснований и доказательств административное исковое заявление не может быть удовлетворено.

К. по направлению дежурного врача-психиатра поступила в психиатрический стационар в недобровольном порядке.

Заключением комиссии врачей-психиатров К. установлен диагноз: органическое заболевание головного мозга сосудистого генеза с мнестико-интеллектуальным снижением и эпизодами психотических расстройств; показано обязательное лечение в условиях психиатрического стационара, так как оставление без психиатрической помощи нанесет существенный вред ее здоровью.

На основании данного заключения заместитель главного врача психиатрического стационара обратился в суд с административным иском с заявлением о госпитализации К. в недобровольном порядке.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, административное исковое заявление удовлетворено.

При этом суд исходил из наличия у К. тяжелого психического заболевания, которое в случае оставления ее без психиатрической помощи (поскольку ее оказание возможно только в стационарных условиях) повлечет причинение существенного вреда ее здоровью.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 1, 2, 17, 18 и 46 Конституции Российской Федерации).

Надлежащее состояние психического здоровья человека – одно из необходимых условий функционирования личности в качестве полноценного представителя человеческого общества. Лица, страдающие психическим расстройством, неминуемо оказываются исключенными из системы общественных связей, поскольку не могут надлежащим образом участвовать в социальных отношениях, а потому данная категория лиц нуждается в повышенной правовой и социальной защите.

Госпитализация в психиатрическое учреждение в недобровольном порядке – один из видов психиатрической помощи, оказываемой лицам, страдающим психическими расстройствами.

Учитывая принудительный характер этой меры, Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-I «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон о психиатрической помощи) и гл. 30 КАС РФ в целях защиты прав таких лиц от злоупотреблений властью и произвола устанавливают, что ее применение возможно только по указанным в законе медико-социальным показаниям, которые обуславливают необходимость применения такой меры, и при условии обязательного судебного контроля, а также закрепляют права лиц, страдающих психическими расстройствами, при оказании им психиатрической помощи и корреспондирующие им обязанности психиатрического учреждения.

Статьей 29 Закона о психиатрической помощи закреплены основания для госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке.

Согласно ст. 278 КАС РФ при рассмотрении административного дела о госпитализации в недобровольном порядке суду необходимо выяснить, имеется ли у гражданина тяжелое психическое расстройство, влечет ли оно последствия в виде непосредственной опасности для гражданина или для окружающих, беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи; является ли лечение гражданина возможным лишь в условиях медицинской организации.

При этом федеральный законодатель установил, что медицинская организация при обращении в суд обязана доказать наличие обстоятельств, которые являются основанием для принудительной госпитализации лица (ч. 2 ст. 278 КАС РФ).

Роль суда при рассмотрении административного дела не может сводиться лишь к формальному удовлетворению требования о принудительной госпитализации гражданина: суд обязан удостовериться в отсутствии сомнений в достоверности и полноте представленных административным истцом сведений и доказательств, которые в соответствии с ч. 2 ст. 84 КАС РФ не могут иметь для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами на основе внутреннего убеждения судьи.

Удовлетворяя административный иск, суд пришел к выводу, что указанное в заключении врачей заболевание К. является тяжелым психическим расстройством, лечение которого возможно лишь в условиях психиатрического стационара.

Однако в административном исковом заявлении и в заключении комиссии врачей-психиатров такой вывод отсутствует.

Поставленный К. диагноз не поименован в Международной классификации болезней МКБ-10 как психическое расстройство (класс V, Психические расстройства и расстройства поведения, коды F00–F99).

Предъявляя административный иск о госпитализации К. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, административный истец обосновывал свои требования исключительно наличием условия, предусмотренного п. «в» ст. 29 Закона о психиатрической помощи: психическое расстройство является тяжелым и обуславливает существенный вред здоровью К. вследствие ухудшения психического состояния, если она будет оставлена без психиатрической помощи.

Между тем материалы административного дела не содержали доказательств наличия у К. тяжелого психического заболевания, способного без оказания медицинской помощи в стационарных условиях привести к прогрессированию, обострению состояния и причинению существенного вреда ее здоровью.

Таким образом, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что предусмотренные законом основания для госпитализации К. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, отсутствовали, а указанная медицинская организация в нарушение ч. 2 ст. 278 КАС РФ не доказала наличие обстоятельств, которые являются основанием для принудительной госпитализации.

Определение 5-КАД20-21-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По гражданским делам

55. Возложение судом обязанности на упраздненный филиал финансового органа повлекло отмену судебного постановления.

Определением Брянского гарнизонного военного суда от 30 июля 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 26 сентября 2019 г. и кассационным определением Кассационного военного суда от 10 февраля 2020 г., частично удовлетворено заявление С. о взыскании судебных расходов, связанных с рассмотрением его гражданского дела. Суд взыскал с филиала № 5 федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Смоленской, Брянской и Орловской областям» (далее – филиал № 5) в пользу С. в счет возмещения судебных расходов 4000 руб., а в удовлетворении требований о возмещении судебных расходов в большем размере отказал.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе командира воинской части, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд, приведя в обоснование следующие доводы.

Суды, посчитав правомерным взыскание судебных расходов с филиала № 5, оставили без внимания положения законодательства, регулирующие соответствующие правоотношения.

Так, приказом Министра обороны Российской Федерации от 9 марта 2017 г. № 150 утвержден Порядок организации деятельности управлений (отделов) финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по военным округам, субъектам Российской Федерации и федерального казенного учреждения «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» и их взаимодействия с органами военного управления, воинскими частями и организациями Вооруженных Сил Российской Федерации при осуществлении финансового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации.

Согласно данному Порядку финансовое обеспечение воинских частей, не имеющих лицевых счетов в органах Федерального казначейства, осуществляется через управления финансового обеспечения.

При этом управления финансового обеспечения обеспечивают исполнение в соответствии с требованиями гл. 24¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации предъявленных к лицевым счетам управлений финансового обеспечения судебных актов, должниками по которым выступают воинские части.

Суды не учли, что в связи с организационно-штатными мероприятиями в федеральном казенном учреждении «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Смоленской, Брянской и Орловской областям» с 1 февраля 2019 г. филиалов не имелось, а отделение (финансово-расчетный п. № 5) являлось структурным подразделением Управления.

При таких обстоятельствах решение гарнизонного военного суда о взыскании судебных расходов с филиала № 5 является ошибочным.

Допущенное нарушение является основанием для отмены в кассационном порядке судебных постановлений по заявлению С. о возмещении судебных расходов и направления дела по этому вопросу на новое судебное рассмотрение в гарнизонный военный суд.

При новом рассмотрении суду следует дать надлежащую правовую оценку правовому статусу финансового органа, отвечающего по обязательствам воинской части, его соответствующей финансовой компетенции применительно к требованиям бюджетного законодательства и с учетом в том числе приведенных правовых норм правильно определить порядок взыскания судебных расходов по данному гражданскому делу.

Определение № 222-КГ20-10-К10

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. В каком порядке предъявляются и подлежат рассмотрению возражения заинтересованных лиц о составе, размере и очередности удовлетворения требований кредиторов к негосударственному пенсионному фонду, ликвидируемому на основании решения суда в соответствии со ст. 33² Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах»?

ОТВЕТ. Согласно п. 2 ст. 33² Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (далее – Закон о фондах) принудительная ликвидация негосударственного пенсионного фонда на основании решения арбитражного суда осуществляется в порядке и в соответствии с процедурами, которые предусмотрены Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве, Закон) для конкурсного производства, с учетом особенностей, установленных Законом о фондах.

На основании подп. 4 п. 2 ст. 180 Закона о банкротстве негосударственные пенсионные фонды являются финансовыми организациями, в связи с чем на них распространяются положения Закона о банкротстве, регулирующие процедуры банкротства финансовых

организаций с учетом положений Закона, предусматривающих особенности банкротства негосударственных пенсионных фондов (ст. 183¹–183²⁶, 186¹–186¹¹, 187¹–187¹² Закона о банкротстве).

В случае ликвидации фонда по решению суда ликвидатор фонда осуществляет рассмотрение и учет требований кредиторов фонда, составляет в установленные сроки промежуточный ликвидационный баланс, который подлежит согласованию Банком России (ст. 183²⁶ Закона о банкротстве и пп. 5, 6 ст. 33² Закона о фондах).

Закон о фондах не содержит положений, устанавливающих порядок рассмотрения разногласий ликвидатора, кредиторов фонда и иных заинтересованных лиц относительно состава, размера и очередности удовлетворения требований кредиторов, включенных в промежуточный ликвидационный баланс.

Вместе с тем в соответствии с п. 5 ст. 183²⁶ Закона о банкротстве возражения относительно требований кредиторов, включенных в реестр заявленных требований кредиторов, могут быть предъявлены в арбитражный суд финансовой организацией, временным управляющим или конкурсным управляющим, представителем учредителей (участников) финансовой организации, саморегулируемой организацией финансовых организаций, членом которой является финансовая организация, а также кредиторами, предъявившими требования к финансовой организации. Такие возражения предъявляются в течение 30 дней с даты закрытия реестра заявленных требований кредиторов.

Согласно абзацу 3 п. 6 ст. 183²⁶ Закона о банкротстве по результатам рассмотрения указанных требований выносится определение о включении или об отказе во включении указанных требований в реестр требований кредиторов. В определении арбитражного суда о включении требований кредиторов в реестр требований кредиторов указываются размер указанных требований и очередность их удовлетворения.

Следовательно, возражения о составе, размере и очередности удовлетворения требований кредиторов ликвидируемого негосударственного пенсионного фонда могут быть предъявлены лицами, указанными в п. 5 ст. 183²⁶ Закона о банкротстве, в арбитражный суд, принявший решение о ликвидации фонда и который в последующем осуществляет также утверждение отчета о ликвидации фонда с приложением ликвидационного баланса (п. 11 ст. 33² Закона о фондах).

Возражения рассматриваются арбитражным судом в порядке, предусмотренном в п. 6 ст. 183²⁶ Закона о банкротстве. По результатам их рассмотрения судом выносится определение о включении или об отказе во включении указанных требований в промежуточный ликвидационный баланс. В определении арбитражного суда о включении требований кредиторов в промежуточный ликвидационный баланс указываются размер указанных требований и очередность их удовлетворения.

ВОПРОС 2. Судом общей юрисдикции или арбитражным судом должны рассматриваться иски к финансовой организации, предъявляемые юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем, к которым перешли (были переданы физическим лицом – потребителем) права по договору оказания финансовых услуг, и должен ли такой истец с учетом вида и объема требований обращаться к уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают исковые дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

На основании ч. 3 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают дела, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 22 ГПК РФ, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к компетенции арбитражных судов.

В ч. 1 ст. 27 АПК РФ предусмотрено, что к компетенции арбитражных судов относятся дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Частью 2 ст. 27, ст. 28 АПК РФ установлено, что арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке; случаи рассмотрения арбитражным судом дела с участием гражданина, не имеющего статуса индивидуального предпринимателя, должны быть предусмотрены АПК РФ или федеральным законом.

Таким образом, одним из критериев отнесения того или иного дела к компетенции арбитражных судов наряду с экономическим характером требования является субъектный состав участников спора.

В силу положений ст. 383, 384, 388 ГК РФ, которыми установлены требования к виду и объему передаваемых (переходящих) прав, приобретение юридическим лицом (индивидуальным предпринимателем) прав (требований) гражданина по договору оказания финансовых услуг, в частности, страхования, займа (кредита), допускается, однако не ведет к переходу прав, связанных со статусом потерпевшего-гражданина как потребителя.

Заключение договора уступки прав юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с потребителем – физическим лицом в указанных случаях направлено на приобретение прав по обязательству

финансовой организации уплатить определенную денежную сумму и связано с осуществлением такими новыми кредиторами предпринимательской или иной экономической деятельности.

Следовательно, рассмотрение споров по искам юридического лица, индивидуального предпринимателя, к которым перешли (были переданы) права (требования) к финансовой организации по договору оказания финансовых услуг, в силу ч. 3 ст. 22 ГПК РФ, ч. 2 ст. 27, ст. 28 АПК РФ относится к компетенции арбитражных судов.

В случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 4 июля 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – Закон о финансовом уполномоченном), юридическое лицо, индивидуальный предприниматель обязаны обратиться к финансовому уполномоченному, если эти действия не были совершены ранее первоначальным кредитором - физическим лицом (п. 1 ст. 384 ГК РФ, ч. 3 ст. 2, ч. 1 и 2 ст. 25 Закона о финансовом уполномоченном).

ВОПРОС 3. Подлежат ли рассмотрению с учетом особенностей, установленных ст. 288² АПК РФ, кассационные жалобы на решения арбитражного суда об отказе в привлечении лица к административной ответственности, об отказе в удовлетворении заявления об оспаривании решения административного органа, которым отказано в привлечении к административной ответственности, и соответствующие постановления арбитражного суда апелляционной инстанции, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание в виде административного штрафа, размер которого превышает для юридических лиц 100 000 руб., для физических лиц и индивидуальных предпринимателей 5 000 руб.?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 4¹ ст. 206, ч. 5¹ статьи 211 АПК РФ решение по делу о привлечении к административной ответственности, решение по делу об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание только в виде предупреждения и (или) в виде административного штрафа и размер назначенного административного штрафа не превышает для юридических лиц 100 000 руб., для физических лиц и индивидуальных предпринимателей 5 000 руб., может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции. Такие решения, если они были предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции, и постановления арбитражного суда апелляционной инстанции, принятые по данному делу, могут быть обжалованы в арбитражный суд кассационной инстанции по правилам, предусмотренным гл. 35 АПК РФ, и рассматриваются им с учетом особенностей, установленных ст. 288² АПК РФ.

Поскольку в случае отказа в привлечении лица к административной ответственности административное наказание не назначается, то при определении особенностей рассмотрения кассационных жалоб на решение арбитражного суда первой инстанции об отказе в привлечении лица к административной ответственности, решение арбитражного суда об отказе в удовлетворении заявления об оспаривании решения административного органа, которым отказано в привлечении к административной ответственности, и соответствующих постановлений арбитражного суда апелляционной инстанции, необходимо учитывать административное наказание, установленное законом за совершение административного правонарушения.

Таким образом, учитывая положения ч. 4¹ ст. 206, ч. 5¹ ст. 211 АПК РФ, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание в виде административного штрафа, размер которого превышает для юридических лиц 100 000 руб., для физических лиц и индивидуальных предпринимателей 5000 руб., то кассационные жалобы на решение арбитражного суда об отказе в привлечении лица к административной ответственности, решение арбитражного суда об отказе в удовлетворении заявления об оспаривании решения административного органа, которым отказано в привлечении к административной ответственности, и соответствующие постановления арбитражного суда апелляционной инстанции не подлежат рассмотрению с учетом особенностей, установленных ст. 288² АПК РФ.

В то же время, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание только в виде предупреждения и (или) в виде административного штрафа, размер которого не превышает для юридических лиц 100 000 руб., для физических лиц и индивидуальных предпринимателей 5000 руб., то кассационные жалобы на решение арбитражного суда об отказе в привлечении лица к административной ответственности, решение арбитражного суда об отказе в удовлетворении заявления об оспаривании решения административного органа, которым отказано в привлечении к административной ответственности, и соответствующие постановления арбитражного суда апелляционной инстанции подлежат рассмотрению с учетом особенностей, установленных ст. 288² АПК РФ.

ВОПРОС 4. Могут ли быть пересмотрены на основании п. 6 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ вступившие в законную силу судебные постановления, которыми на основании ст. 28, 32 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» удовлетворены требования о сносе строений, возведенных в пределах минимальных расстояний до магистральных или промышленных газопроводов?

ОТВЕТ. Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ч. 4 ст. 392 ГПК РФ дополнена п. 6, в соответствии с которым к новым обстоятельствам, являющимся основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, отнесено установление или изменение федеральным законом оснований для признания здания, сооружения или другого строения самовольной постройкой, послуживших основанием для принятия судебного акта о сносе самовольной постройки.

Статьями 28, 32 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» установлен запрет на возведение каких бы то ни было зданий, строений, сооружений в пределах установленных минимальных расстояний до объектов системы газоснабжения без согласования с организацией – собственником системы газоснабжения или уполномоченной ею организацией. Здания, строения и сооружения, построенные ближе установленных строительными нормами и правилами минимальных расстояний до объектов систем газоснабжения, подлежат сносу за счет средств юридических и физических лиц, допустивших нарушения.

Частью 58 ст. 26 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено, что до 1 января 2022 г. положения части четвертой ст. 32 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» применяются с учетом положений, предусмотренных чч. 38–43 ст. 26 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ.

Частями 38–43 ст. 26 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ, в частности, установлен запрет на снос зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства (за исключением зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства, в отношении которых принято решение о сносе самовольных построек либо решение о сносе самовольных построек или об их приведении в соответствие с установленными требованиями) в связи с нахождением в пределах минимальных расстояний до магистральных или промышленных трубопроводов (газопроводов, нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, аммиакопроводов) до внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений о границах минимальных расстояний таких трубопроводов. Здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, расположенные в границах минимальных расстояний до магистральных или промышленных трубопроводов (газопроводов, нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, аммиакопроводов), сведения о границах которых внесены в Единый государственный реестр недвижимости (за исключением зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства, в отношении которых принято решение о сносе самовольной постройки либо решение о

сносе самовольной постройки или ее приведении в соответствие с установленными требованиями (кроме случаев, если данное решение принято исключительно в связи с несоответствием указанных зданий, сооружений, объектов обязательным требованиям к количеству этажей и (или) высоте объекта) и такие решения не отменены), могут быть снесены при условии возмещения убытков.

Согласно ст. 222 ГК РФ в редакции, действовавшей до 4 августа 2018 г., самовольной постройкой признавалось здание, сооружение или другое строение, возведенные, созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные, созданные без получения на это необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

С учетом приведенных положений закона здание, сооружение или другое строение, возведенное, созданное в пределах установленных строительными нормами и правилами минимальных расстояний до объектов систем газоснабжения, могло признаваться самовольной постройкой без учета осведомленности лица о наличии соответствующих ограничений в отношении его земельного участка.

С 4 августа 2018 г. вступило в силу новое правовое регулирование правоотношений, связанных с самовольным строительством. Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» изменена редакция ст. 222 ГК РФ.

В новой редакции указанной статьи закреплена презумпция защиты добросовестного создателя самовольного объекта: в силу абзаца второго п. 1 ст. 222 ГК РФ не является самовольной постройкой здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные с нарушением установленных в соответствии с законом ограничений использования земельного участка, если собственник данного объекта не знал и не мог знать о действии указанных ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка.

Таким образом, если вступившим в законную силу судебным постановлением с учетом положений ранее действовавшего законодательства удовлетворены требования о сносе здания, сооружения или другого строения, возведенного или созданного с нарушением установленных в соответствии с законом ограничений использования земельного участка, в том числе в пределах минимальных расстояний до магистрального или промышленного газопровода, и при этом судом установлено, что лицо не знало и не могло знать о действии указанных ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка, либо данный вопрос не являлся предметом исследования суда, то такое судебное постановление может быть пересмотрено по новым обстоятельствам.

При этом то обстоятельство, что здание, сооружение или другое строение, возведенное в пределах минимальных расстояний до магистрального или промышленного газопровода, не было признано судом самовольной постройкой либо решение суда не содержит ссылки на ст. 222 ГК РФ, само по себе не может служить препятствием для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, предусматривающих его снос, на основании п. 6 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ.

ВОПРОС 5. В каком порядке сведения из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния могут быть предоставлены финансовому (арбитражному) управляющему?

ОТВЕТ. По смыслу абзацев седьмого и десятого п. 1 ст. 20³, п. 7 и абзаца первого п. 9 ст. 213⁹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) финансовый управляющий при исполнении возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве вправе запрашивать во внесудебном порядке у третьих лиц, а также у государственных органов и органов местного самоуправления сведения, необходимые для проведения процедур банкротства.

Сведения, составляющие личную, коммерческую, служебную, банковскую, иную охраняемую законом тайну предоставляются финансовому управляющему в соответствии с требованиями, установленными федеральными законами (п. 10 ст. 213⁹ Закона о банкротстве).

Информация о наличии заключенных, расторгнутых браках, об изменении имен, фамилий, отчеств в отношении должников – физических лиц и их супругов (бывших супругов) необходима финансовому управляющему для осуществления возложенных на него обязанностей, поскольку данные сведения, содержащиеся в реестре записей актов гражданского состояния, требуются для анализа финансового состояния должника, поиска его имущества и формирования конкурсной массы, предназначенной для удовлетворения требований кредиторов. Кроме того, данная информация требуется финансовому (арбитражному) управляющему в целях проверки достоверности и полноты уже представленных гражданином сведений в соответствии с п. 9 ст. 213⁹ Закона о банкротстве с целью предотвращения злоупотреблений.

Вместе с тем порядок предоставления сведений из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния регламентирован Федеральным законом от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее – Закон). Статья 13² Закона содержит закрытый перечень государственных органов и должностных лиц, в частности, судов, по запросу которых органы записи актов гражданского состояния обязаны предоставлять сведения, содержащиеся в названном

реестре. Финансовый (арбитражный) управляющий в данный перечень не включен.

С учетом изложенного сведения о государственной регистрации актов гражданского состояния в отношении должника и его супруга (бывшего супруга) выдаются финансовому управляющему, если в резолютивной части определения арбитражного суда, которым в деле о банкротстве гражданина утвержден финансовый управляющий, указано на истребование судом соответствующих сведений из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния и выдачу этих сведений финансовому управляющему на руки (ч. 5 ст. 3, ч. 7 ст. 66 АПК РФ).

При отсутствии в определении суда об утверждении финансового управляющего таких указаний предоставление данному лицу сведений из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния производится в общем порядке, установленном в ст. 13² Закона, на основании запроса по определению арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве гражданина. Такое определение выносится по ходатайству финансового управляющего без проведения судебного заседания (ч. 5 ст. 3, ч. 7 ст. 66 АПК РФ).

При этом финансовый (арбитражный) управляющий несет установленную законом ответственность за разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом.